

64.32.124+Lent
14-917 9756131

А. И. МУСУКАЕВ

О БАЛКАРИИ
И
БАЛКАРЦАХ

48
✓ ✓
А. И. МУСУКАЕВ

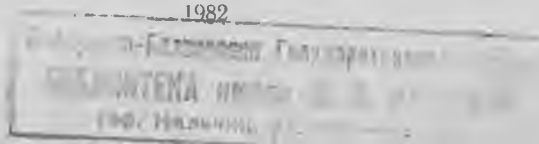
О БАЛКАРИИ И БАЛКАРЦАХ

АРХАИЧЕСКИЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ
В ТРУДАХ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ АВТОРОВ
И СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

975604

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЭЛЬБРУС»
НАЛЬЧИК

1982

ББК63.3 (2Р—6К—Б)
9(с 164)
М 917

М $\frac{0162 - 094}{M125(03) - 82}$ 73—82

0505040000

© Издательство «Эльбрус», 1982 г.

ПРЕДЫСТОРИЯ ВОПРОСА

Автору этой книги давно хотелось рассказать о Балкарии и ее народе, об устройстве ее общества в отдаленном и недалеком прошлом, отношениях людей, законах и традициях, материальной и духовной культуре, показать, каким этот край был в глазах дореволюционных наблюдателей, путешественников, исследователей, с точки зрения и позиций местного населения, как он представлен в трудах советских ученых. Проблема же архаических общественных организаций — большой семьи, патронимии, «фамилий», сельской общины — весьма актуальна в истории и этнографии любого народа, посредством ее, на наш взгляд, и можно это осуществить.

Общественный строй и быт горских народов Кавказа становятся объектом внимания русской этнографии уже в XVIII веке. Видный советский историк и этнограф Марк Осипович Косвен писал, что «...общественный строй горцев Кавказа с их иногда довольно высокими формами политического устройства, довольно развитыми формами примитивного народоправства, с их особой «вольностью» и вместе с тем весьма устойчивым общественным порядком»¹ вызывал своей необычностью у русских авторов особый интерес. И это, видимо, не случайное явление, поскольку, как докажут их последователи, роль и значение традиционных институтов в социальной жизни и быту народов Северного Кавказа, и в частности балкарцев, были ощутимыми.

Возникая, развиваясь и распадаясь, большесемей-

---

¹ Косвен М. О. Проблема общественного строя горских народов Кавказа в ранней русской этнографии.— Сов. этнография, 1951, № 1, с. 7.

ные общины, патронимии, «фамилии» и сельскообщинные отношения сопутствовали складыванию балкарского общества, его специфических, особенных и характерных черт.

В настоящей работе предпринята попытка анализа не отдельных, случайных фактов, зафиксированных этнографической, мемуарной литературой и периодической печатью, а того, что предполагало возможность обобщения, из чего складывались типичные явления общества.

Обращаясь к наиболее ранним упоминаниям о социальном строе балкарцев и характеристике их земель, можно выделить отчет послов Москвы в Мигрелию к Левану I Дадияни толмача с татарского языка в Посольском приказе Федота Елчина и священника Павла Захарьева.

Несколько позже, в 1650—1652 годах, послы в Имеретию стольник Никифор Матвеевич Толочанов и дьяк Алексей Иевлев в своих статейных списках расширят круг известий о балкарцах данными о количестве их населения, нравах и гостеприимстве, численности населенных пунктов, их расположении.

1745 год знаменателен выпуском Академией наук «Атласа Российского», зафиксировавшего горные ущелья Северного Кавказа и в том числе важное в плане изучения ряда исторических проблем прошлого балкарского народа Баксанское ущелье.

В 1768—1775 годах Академия наук организует ряд путешествий на Кавказ с целью знакомства с социально-экономическим состоянием живших там племен и народов. Результатом этих поездок являются дошедшие до нас этнографические сообщения академиков Иоганна-Антоня Гюльденштедта и Петра-Симона Палласа, почетного члена Академии наук Ивана Осиповича Поттоцкого и врача, естествоиспытателя Якоба Рейнегса о территории, занимаемой балкарцами, о миграционных процессах, занятиях, обычаях, одежде населения горных ущелий, его антропологическая характеристика.

В начале XIX века, также по поручению Академии наук, Северный Кавказ посещает академик Генрих-Юлнус Клапрот, который в своем труде «Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807—1808 гг.» дает этнографическую характеристику адыгейских племен, кабардинцев, абазин, балкарцев, карачаевцев, осетин, горных грузин.

В 20-х годах появляется ряд публикаций, подобных

«Краткой записке о горских народах» в «Северном архиве», в которых в довольно скупой и сдержанной форме повествуется не только о балкарцах, но и о соседних с ними народах.

Данные относительно Чегемского и Балкарского ущелий, а также других горных и предгорных районов Северного Кавказа, населенных пунктов, хозяйства, верований включает в себе обширное издание Платона Зубова «Картина Кавказского края, принадлежащего России, и сопредельных оному земель в историческом, статистическом, этнографическом, финансовом и торговом отношениях», вышедшее в Санкт-Петербурге в 1835 году. Автор отмечает, что горцы живут многопоколенными семьями и родственными группами — потомками одного родоначальника. Примечательна его характеристика производства изделий и предметов, необходимых в домашнем быту, населения, живущего натуральным хозяйством, которые могли создаваться только больше-семейными коллективами.

Весьма важными для дальнейшего расширения представления об общественном строе кавказских народов и вообще для развития кавказоведческой этнографии явились в 40-е годы описания структурных единиц сел и обществ: больших семей, «тукумов», «фамилий» и «жамауатов» Осипа Ильича Константинова, Николая Петровича Колюбакина, Александра Андреевича Неверовского, Василия Ивановича Голенищева-Кутузова.

Этому же способствовали начавшие издаваться в середине 40-х годов в Тифлисе газета «Кавказ» и сборник «Кавказский календарь», в 50-х — «Ставропольские губернские ведомости», «Известия» и «Записки» Кавказского отдела Русского географического общества, еще позже газета «Терские ведомости», «Сборник сведений о кавказских горцах», «Кавказский сборник», «Кавказская старина», «Сборник сведений о Кавказе», «Сборник сведений о Терской области», «Кубанские областные ведомости», «Кубанский сборник», «Северный Кавказ», «Каспий» и т. д.

Почти в середине XIX века появляется конкретный, с более достоверными фактологическими материалами путевой очерк этнографического характера «Поездка к южному отклучу Эльборуса в 1848 году»² некоего «Г-д»,

² Библиотека для чтения. СПб., 1849, т. 97.

так видно из содержания, отставного военного, пожелавшего остаться неизвестным. Он подробно описывает весь путь маршрута, военные посты, карачаевские селения Хурзук и Учкулан, роль и место общинноправовых норм и шариата в обществе местного населения, церемониал гостеприимства в кунацкой Магомета Крымшамхалова. В Урусбиево экспедиционная группа останавливается у 110-летнего Мырзакула Исмаиловича Урусбиева, о котором еще в 20-х годах писал венгерский путешественник Жан-Шарль де Бесс и который был современником прославившихся в Карачае и погибших в Джамагате от чумы Алхаса и Эль-Мырзы³. Интересно, что гостей встречал один из сыновей Мырзакула «молодой Смаиль», известный впоследствии на всем Северном Кавказе Исмаил Мырзакулович, имя которого упоминалось многими авторами. «Г-д» показывает не только Урусбиево, но и соседние поселки, хозяйственный быт горцев, жилища и постройки, пытается объяснить обычай кровной мести, аталычество, солидарность в приеме гостей.

Очерк «Татарское племя на Кавказе», напечатанный в учебно-методическом отделе газеты «Кавказ» (1859, № 91), поднимает, помимо вопросов, касающихся происхождения балкарцев, карачаевцев и ногайцев, характеристики топографии их местности, религиозных верований, нравственности, и такие, как причины зарождения у этих народов классовых отношений, появления господствующих фамилий. В очерке указывается, хотя и нечетко, что в связи с социальным расслоением горского общества уже тогда выделяются некоторые из родоначальников таубиев Балкарии.

Одновременно были напечатаны этнографические очерки столоначальника Кавказского городского управления Петра Александровича Гаврилова «Устройство поземельного быта горских племен Северного Кавказа» и чиновника Главного управления наместника Кавказа Николая Францевича Грабовского «Свадьба в горских обществах Кабардинского округа»⁴.

П. А. Гаврилов дает развернутую характеристику

³ Об этом см. подробнее нашу статью, написанную в соавторстве с И. М. Шамановым «К этнической истории карачаевского селения Джамагат» и напечатанную в сборнике статей «История горских и кочевых народов Северного Кавказа в XIX — начале XX в.» (Ставрополь, 1980).

⁴ Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1869, вып. 2.

землепользования и землевладения в Кабарде, Балкарии, Карачае, Осетии, Дагестане, Чечне и Ингушетии. Что касается непосредственно Балкарии, то в работе впервые анализируется собственность сельских общин, больших семей, отдельных фамилий, говорится о качестве земельных угодий, распределении их между различными сословиями.

Очерк Н. Ф. Грабовского, как явствует из названия, посвящен свадебному церемониалу и обрядам, роли в этом торжественном мероприятии родственников жениха и невесты, положению женщин в семье и некоторым другим сторонам семейной жизни балкарцев.

В 1882—1883 годах в Одессе историк, профессор права Федор Иванович Леонтович издает адаты народов Кавказа, собранные различными лицами — военными, чиновниками, преподавателями учебных заведений⁵. Выпуск этих материалов, явившихся результатом опроса в свое время почетных стариков различных горских обществ, автор обосновывает интересом царской администрации к обычное правовым нормам инородцев «южнорусских окраин». В предисловии к книге Леонтович указывает, что сохранившиеся в социальной жизни горцев сходные с «институтами древнего германского или славянского права» элементы подтверждают наличие у них ряда пережитков первобытно-общинного строя. Но он и ошибался, связывая одним хронологическим периодом существование рода, территориальной общины, «тукума» и «фамилии».

Представленные в сборнике адаты говорят о широком бытовании в Балкарии больших семей. В частности, из параграфов «Раздел имений» и «Отношение детей к родителям и их права на первых» ясно вытекает, что большие семьи нередко состояли из родных братьев и разделы между ними проходили в соответствии с законами обычного права, женщины из наследования исключались. Однако разделы у балкарцев были «не в почете». В большинстве своем делились семьи таубиев, крестьяне же, исходя из экономических соображений, предпочитали жить большесемейными коллективами.

В вопросах взаимопомощи, кровной мести, различных хозяйственных делах важная роль принадлежала родственным связям. Но, судя по параграфу «Права и

⁵ Леонтович Ф. И. Адаты кавказских горцев. Одесса, 1882—1883, вып. 1—2.

обязанности каждого класса и отношение одного сословия к другому, включая духовенство», обычай родственной взаимопомощи стал и средством эксплуатации общинников.

Из «Адатов...» Ф. И. Леонтовича можно почерпнуть материал относительно аталычества, взаимоотношений старших и младших, мужчин и женщин, о свадебных обрядах, сельском сходе, народном суде, хозяйственной деятельности.

Анализируя публикации авторов XVI—первой половины XIX века, любой, даже неискушенный, читатель обратит внимание на то, что они большей частью фиксировали лишь то, что, как говорится, лежало «на поверхности», т. е., что они видели и слышали буквально «на ходу», поскольку все они посещали балкарские ущелья кратковременно, наездами. Этот недостаток отмечен в «Протоколах» Императорского Русского географического общества и передовыми учеными, призывавшими к комплексному и всестороннему изучению Кавказа.

Подобное мнение складывалось и в среде горских народов. С. Давидович после беседы с Исмаилом Мырзакуловичем Урусбиевым записал у себя в дневнике: «Ничего так не желает Исмаил, как снаряжения на Кавказ ученой экспедиции, которая занялась бы всесторонним его исследованием... «Наезжают к нам ученые люди, — жалуется он, — да урывками, на короткое время, между делом. От таких прогулок наука не многое выиграет»⁶.

Венгерский путешественник Мориц фон Деши, часто пользовавшийся услугами Исмаила Мырзакуловича, подтверждал, что он весьма «сознательно» относился к целям «научных путешествий».

Наверное, мы не ошибемся, назвав Исмаила Мырзакуловича первым этнографом Балкарии. Пусть он был самоучкой, пусть был далек от научного понимания этой формирующейся тогда науки, но он инстинктивно угадывал важность изучения истории, быта и культуры как его народа, так и соседних. Урусбиев не знал как и не мог научно обоснованно собирать необходимый и важный для потомков этнографический материал, подвиги главными были его мысли и рассуждения об этногенезе балкарцев и соседских народов, общественном

---

⁶ Давидович С. Восхождение на Эльбрус. — Ист. вестник, СПб., 1886, т. 28, с. 373—374.

строе и генетических корнях обычаев и законов его предков. Не мог он все, что откладывалось в голове, в памяти, также и записывать. Но он делал свое полезное дело иначе: интересовался у стариков всем, что считал важным в истории народа, и рассказывал об этом путешественникам, агитировал их чаще приезжать в горы, содействовал им, как только мог, оставив, таким образом, о себе благодарную память потомков.

Как свидетельствуют дореволюционные ученые, Исмаила Мырзакуловича интересовали минералогия и полезные ископаемые, метеорология и гидрология, растительный и животный мир. По данным А. П. Лорча, его кунацкая была похожа на музей, а имя его связано «с лучшими воспоминаниями о Кавказе таких ученых-альпинистов, как Абих (1853), Фрешфильд (1868), Деши (1884), Мерцбахер (1891), и других, которые под кровлею этого просвященного и гостеприимного горского князя всегда находили поддержку в своих предприятиях и радушный прием».

Среди чегемцев своими прогрессивными взглядами выделялся Дадаш Балкаруков, предоставлявший, когда это было необходимо, ученым и путешественникам лошадей, теплую одежду, бурки, продукты питания. Председатель правления Кавказского горного общества Адольф Петрович Лорч отмечал в свое время, что Балкаруков подарил Пятигорскому горному обществу часть своей земли для строительства в горах «приюта для туристов».

В Хуламо-Безенгийском ущелье «глубокий интерес» к ученым-путешественникам и альпинистам проявляли Суншевы. Баварский альпийский клуб в 1912 году даже зачислил в свои члены главу их фамилии.

Было бы несправедливо не вспомнить Хамзата, Сафар-Али, Науруза и Ибрагима Урусбиевых, Султан-Бека, Али, Ханифу-ханум и Мисоста Абаевых⁷, Омара Курданова, Кичи-Батыра Байдаева, Шимауху Ахматова и других, которые тонко понимали и чувствовали культуру своего народа, ощущали прелесть народного языка, песен, сказок, легенд, видели, как многое в потоке времени и социальных перемен теряется, и призывали, сами собирая этнографический материал, как говорится

⁷ Абаевым посвящены работы К. Г. Азаматова, Т. Х. Кумыкова, А. Малкандуева, И. Маммеева, С. Н. Сафаряна, Р. У. Туганова, Х. И. Хутуева.

из народных уст», передавать его подрастающему поколению.

На необходимость научных исследований в Балкарии обращали внимание и авторы более поздних публикации. В 1902 году в «Известиях Кавказского отдела Императорского географического общества» М. А. Иванов писал о Баксанском ущелье, что оно «...интересно и как место для устройства климатических станций; кроме того, любители археологии найдут себе материалы в остатках бывшего здесь некогда христианского населения, а минеральные богатства тоже ждут предпринимателей».

Стоя у Безенгийской стены, Н. В. Поггенполь мечтал о том, чтобы «здесь была построена хижина, которой суждено будет сыграть важную роль в деле изучения Кавказа»⁸. Уже в 20-е годы нашего столетия, заканчивая свое четырнадцатое по счету путешествие по Кавказу, С. Анисимов, в который уже раз, заметил: «Здесь можно найти богатейший материал в области исследования всех естественноисторических наук...»

По горы, конечно, посещало и немало таких туристов, которых не заботили интересы науки, проблемы общества и государства, не занимала история, или же таких, которые сомневались в целесообразности и необходимости написания очерков своих наблюдений, статей и т. п., о чем приходится сожалеть, так как на сегодняшний день мы имели бы, может быть, больше ценных сведений.

Значительный интерес к Приэльбрусью и соседним ущельям появляется у путешественников, в том числе и у исследователей различных областей знаний, со второй половины XIX века, в те годы, когда Кавказские Минеральные Воды окончательно формируются как один из центральных курортов России. Все чаще в литературе тех лет встречаются упоминания, что отправным пунктом экскурсий является этот регион.

В начале июля 1886 года в Пятигорск прибывает историк, путешественник С. Давидович, чтобы отсюда совершить «поездку» в Приэльбрусье и восхождение на Эльбрус⁹. В течение двух дней он будет осматривать достопримечательности города: центральный бульвар,

⁸ Поггенполь Н. По ледникам Дигории и Балкарии. — Ежегодник Русского горного общества. М., 1906, вып. 5, с. 53.

⁹ Давидович С. Восхождение на Эльбрус. — Ист. вестник, СПб., 1887, т. 28.

грот Дианы, место дуэли Лермонтова, Машук, подобрать проводников, собирать информацию о Приэльбрусье и его жителях, что, кстати, найдет отражение в его путевом очерке, где он воссоздаст краткую, но вполне убедительную историю «покорения Эльбруса», начиная с попытки генерал-майора князя Эрнстова (1817 год) и кончая венгерским ученым Морицом фон Деши, опишет общественный и семейный быт горского населения, которое он будет называть «горскими кабардинцами».

«Мое круговое путешествие летом 1905 г., — вспоминал В. А. Щуровский, — началось и окончилось в Кисловодске».

В 1896 году в Баксанском ущелье И. А. Акинфиев встретится со своими близкими знакомыми, один из которых был инженером, другой — военнотружущим, также начавших свое путешествие из Кисловодска.

А. Ляйстер в характеристике восхождения на Эльбрус С. Я. Голубева и Н. М. Стайнооглу отмечал: «Для восхождения в Эльбруском районе экскурсанты выступили из Кисловодска...»

Именно здесь в середине 80-х годов была организована наиболее крупная научная экспедиция известными учеными М. М. Ковалевским и профессором Петровско-Разумовской сельскохозяйственной академии И. И. Иванюковым, при участии директора Московской консерватории композитора С. И. Танеева, писателя Г. Успенского, английских путешественников Емса и Смита и фотографа из Тифлиса Д. И. Ермакова.

Редко кто из отдыхающих, особенно из людей, склонных к творческому и исследовательскому поиску, романтическому воображению, не восхищался виднеющимися белоснежными склонами Эльбруса, не пленялся зрелищем, запоминающимся на всю жизнь. «Каждому, кто побывал в Пятигорске, — писал В. Ф. Новицкий, — памятна, конечно, та картина природы, которая открывается в ясную погоду с возвышенных мест этого живописного городка к югу. Высоко над горизонтом возвышается белая, двуглавая, шатрообразная громада Эльбруса. К востоку, в небольшом расстоянии от него, видна центральная, наиболее высокая часть Главного Кавказского хребта, резко выделяющаяся на голубом небе своим длинным, зубчатым, снеговым гребнем. Сочетание белоснежных вершин, яркого солнца, обливающего их своими лучами, и темной синевы небес, раскинувшихся над ними, производит сильное впечатление».

И они тянулись в гостеприимные ущелья Баксана, Чегема, Хулама, Безенги, Балкарии, к величавым вершинам Центрального Кавказа — Эльбрусу, Дых-Тау, Ушбе, навстречу спускавшемуся в долины волшебному, пропитанному ароматами горных растений, трав, паразитов и рек воздуху. «...Эти глубокие, возвышающие душу впечатления, — по словам того же С. Давидовича, — не забывались никогда...», и никакие трудности не могли остановить туристов к этим «святым местам» природы. Ну а тот, кому удавалось побывать у подножия Эльбруса или же на его склонах, пленялся им окончательно. Даже М. З. Кипиани, писавший в путевых очерках, что к красоте кавказской природы у него «давно притушился взор», поскольку он, мол, с детства «слишком много видел прекрасных картин», восхищенно замечал: «Положительно не хочется оторвать глаз от этой панорамы!»

И не случайно, естественно, появление в эти годы таких известных картин художников, как «В горах Кавказа», «Среди облаков», «Эльбрус в облаках» Николая Александровича Ярошенко и «Вершина Эльбруса, освещенная солнцем», «Эльбрус днем», «Эльбрус вечером» Архипа Ивановича Куинджи. В 1883 году на Одишадцатой передвижной выставке экспонировалось 18 пейзажных этюдов Н. А. Ярошенко, объединенных под общим названием «Путевые заметки из путешествия по Кавказу».

Наброски горцев и горянок, зарисовки из их семейного быта, рисунки Пятигорска, Железноводска, окрестностей Нальчика, Владикавказа появляются в его альбомах уже в 1874 году, когда он приезжал на Кавказские Минеральные Воды только на отдых. Ярошенко совершит путешествия в горы Закавказья, Урала, таких стран, как Швейцария, Италия, Франция, Германия, но именно на Кавказе художник ощутил повизну мира, чистоту красот природы, необычное сочетание цветов. И, кроме того, его привлекали, как он выразился, и те «людские муравейники» (т. е. населенные пункты), что лепились на склонах гор. Николая Александровича интересовали люди, их жизнь, быт, культура, образ мыслей, их легенды и предания.

По словам И. И. Успенского, близкого друга семьи Ярошенко, у художника было много друзей и близких знакомых среди балкарцев, кабардинцев, карачаевцев, осетин. Этому способствовали его обаяние, рассудитель-

ность, справедливость, надежность и открытый взгляд, какой может быть, наверное, только у художника и которому, как свидетельствовали современники, нельзя было не довериться. Лично знавшая его дочь известного балкарского просветителя М. Абаева Ляля Мисостовна вспоминала: «Ярошенко завоевал любовь горцев за большую человеческую доброту». Автору книги не раз приходилось уже в наши дни слышать имя художника, с почтением произносимое старейшими жителями Баксанского ущелья.

Живя почти каждый летний сезон в Кисловодске, а потом и постоянно, Ярошенко, писал В. Прытков, «прекрасно изучил жизнь народов Кавказа»¹⁰.

Но основные путешествия его начинаются с первых лет 80-х годов. Именно тогда он становится постоянным гостем кабардинских и балкарских селений Баксанского ущелья, или, как его тогда называли, Урусбиевского общества. Его можно было встретить в Гирхожане, Эльжурту, Чилмасе, Кызыл-Кёзе, окрестностях Ичкумеля (в настоящее время Верхний Баксан). Не один день он проведет в кунацкой Урусбиевых, будет ходить по Верхнему Баксану, вживаться в быт балкарцев, изучать семейные отношения, элементы материальной культуры, всматриваться в лица, много беседовать и постоянно делать, делать наброски и зарисовки.

В книге В. Секлюцкого «Николай Александрович Ярошенко» можно прочесть такие строки: «Ярошенко восторженно любил природу Северного Кавказа и его обитателей — горцев, быт и нравы которых служили темой для его картин и этюдов. Он часто уезжал на продолжительное время под Эльбрус, в Карачай, где среди горцев у него было много приятелей»¹¹. Именно под впечатлением дней, проведенных в Урусбиевском обществе, бесед с горцами, особенно со стариками, прослушанных песен, исторических и фамильных легенд и была написана картина «Песнь о былом», которую он представил на Передвижной выставке 1894 года.

На переднем плане сидит князь, в которого, как считает автор книги «По тропам истории» Олег Опрышко, художником вложены черты Исмаила Урусбиева. За ним горцы в национальных костюмах, с серьезными

¹⁰ Прытков В. Н. А. Ярошенко. М., 1950, с. 70.

¹¹ Секлюцкий В. Николай Александрович Ярошенко. Ставрополь, 1963, с. 56—57.

лицами, переданными каждое индивидуально. Они напряженно слушают певца. Если внимательно всмотреться в картину, то в ней можно найти некоторые элементы обобщения. Художник этим, видимо, хотел отметить общность исторических судеб народов Северного Кавказа, что говорит о высокой культуре автора, уважении к горским народам, знании традиций и обычаев, национальной психологии и характера.

Большое влияние на Н. А. Ярошенко оказало знакомство с известными учеными М. М. Ковалевским, высокую оценку трудов которого дал еще Ф. Энгельс, и И. И. Иванюковым, а также с выдающимся русским композитором Сергеем Ивановичем Танеевым, с научными целями посетившими Приэльбрусье. В картине «Турист в горах» художник воспроизвел Максима Максимовича Ковалевского во время его пребывания на Северном Кавказе.

С 1888 года в горах Кавказа, у Эльбруса, Казбека, в Дарьяльском ущелье, бывает Архип Иванович Куинджи. Его волнуют кавказские пейзажи, виды альпийских пастбищ, быт пастухов в горах, живописные ущелья, необычное расположение населенных пунктов, горцы, их образ жизни. «Могущество гор, дикая стихия, неподвластная человеку, — пишет искусствовед В. Манин, — возвращали художника на Кавказ не один год. В течение лета он совершает иногда несколько поездок в поисках новых мотивов, впечатлений»¹². Своим острым взглядом художник проникает в сущность интересующих его вещей окружающей природы, запоминает, вынашивает, а потом уже, по прошествии некоторого времени, пишет по памяти. Это и позволило ему создать произведения «большой поэтической силы и живописной выразительности», как совершенно правильно отмечают специалисты.

Обращали свои взоры к Эльбрусу и Приэльбрусью И. Н. Занковский, К. Н. Филиппов, В. В. Верещагин, А. П. Остроумова-Лебедева, Н. Н. Дубовский и другие известные русские художники конца прошлого и начала нашего столетия.

Знакомство гостей Балкарии с отзывчивыми и трудолюбивыми горцами, с их таким непривычным материальным бытом, обычаями, различными сторонами духовной культуры все шире отражалось в статьях, очерках,

---

¹² Манин В. Куинджи. М., 1976, с. 104.

эссе, научных и периодических изданиях, литературных произведениях, картинах, скульптуре, музыке. Таким было начало более глубокого знакомства с Балкарией русского и европейского читателя.

Примечательно в истории и этнографии Балкарии посещение горных ущелий в начале 80-х годов начальником Межевого управления Терской области Михаилом Заловичем Кипиани с целью сбора сведений о поземельных отношениях горцев, их жизни и быте. Путь его пролегал по горным тропам через Мухол, Безенги, Думалу, Актопрак и Верхний Баксан. Кипиани характеризует местность, ущелья, реки, населенные пункты, затрагивает и важные в плане нашего исследования вопросы. В частности, как видно из вышедшего в дальнейшем путевого очерка, автор с помощью Исмаила Урусбиева расширяет сведения о восхождениях на Эльбрус и местных проводниках. Он с особым почтением называет имя Ахии Соттаева, своего родственника, «однофамильца», как он его называет, являвшегося проводником альпинистов многих западноевропейских стран. Автор, грузин по происхождению, находит в среде балкарцев своих родственников — членов фамилии Кипиани, но поменявших фамильное имя.

✓ В главе «Население» Кипиани характеризует все пять обществ Балкарии, пишет о численности и языке местного населения.

В главах, посвященных пастбищам, сенокосам и пахотным участкам, М. З. Кипиани весьма метко замечает, что «для горцев их общественно-социальная жизнь сложилась в пользу собственности труда». Земли, добытые трудом, по словам автора, принадлежали отдельным лицам, и «захват этого труда считался позором и притом не в прок захватившему».

✓ В последней главе «Пять горских обществ Большой Кабарды, или Таули» более детально представлен материал о количестве населения, принадлежности земельных угодий разным категориям населения, о фамилиях крупных и средних землевладельцев.

Тем не менее Балкария и ее обитатели еще долго будут оставаться загадкой для европейских путешественников и ученых. В 1899 году в газете «Каспий» Шаханов напишет, что этот народ, который называют даже по-разному, представляет еще «большую загадку»¹³.

¹³ Шаханов. Терские дела. — Каспий, Баку, 1899, № 267, с. 3.

Как уже было отмечено, многие из авторов, не будучи учеными, не ставили перед собой задач детального изучения исторического развития народа. Большая часть публикаций носила описательный, малоаргументированный, иногда и компилятивный характер, содержала поверхностные и нередко неточные сведения.

Один из главных недостатков работ дореволюционных авторов — в избегании ими решения вопросов, касающихся генетических корней анализируемых явлений.

Несостоятельной была, справедливо замечает заведующий сектором «Народов Кавказа» Института этнографии АН СССР профессор Валентин Константинович Гарданов, и методологическая база дореволюционных кавказоведческих исследований, которым были свойственны многие пороки дворянско-буржуазной историографии¹⁴.

Наше обращение к ним имеет чисто научный характер и цели, мы касаемся исключительно только проблем этнографии.

Анализ дореволюционных источников основывается нами на теоретических взглядах классиков марксизма-ленинизма, указаниях партии и правительства на отношение к буржуазной науке и культурному наследию прошлых эпох. Хотя некоторые из авторов при обращении к тому или иному горскому народу использовали термин «туземцы» (так принято было называть окраинные народы России), тем не менее в их отношении к ним проявлялись теплые чувства, понимавшие значимость затеваемых «предприятий для науки, общества, отечества».

А об определениях, подробных характеристиках и формулировках большой семьи, патронимии и «фамилии» в те годы не приходится и говорить. Научно обоснованно это удалось уже сделать в 30-е годы известному советскому историку и этнографу М. О. Косвену, развить, уточнить и продолжить его идеи — Ю. В. Бромлею, Н. А. Бутинову, В. К. Гарданову, М. В. Крюкову, З. Н. Никольской, А. И. Першицу, Л. И. Робакидзе, Ю. И. Семенову, Я. С. Смирновой, Д. Д. Тумаркину, Р. Л. Харадзе и ряду других ученых.

В литературе общепринятым является мнение, что

¹⁴ Гарданов В. К. Введение. — В кн.: Адыги, балкарцы и караеаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв. Нальчик, 1974, с. 3.

большие семьи позднего периода представляли собой семейно-родственные и хозяйственные коллективы, состоявшие из родственников нескольких поколений по нисходящей линии от отца к сыну и т. д., характеризовавшиеся коллективной формой собственности, общим производством и потреблением при деспотическом или демократическом управлении.

Патронимии конца XIX — начала XX в. — это общественные родственные организации, включавшие в себя большие и малые семьи, ведшие свое происхождение от одного предка, имя которого они и носили, и придерживавшиеся экономических, социальных и идеологических связей.

И, наконец, «фамилия». Это более широкий, чем патронимия, круг родственных семей, не представлявших собой коллектива родственных семей, группа, лишенная локальности, но поддерживавшая в различной степени родство. Подробное обследование «фамилии» в Кабардино-Балкарии сделал в 50-е годы сотрудник Института этнографии АН СССР Абрам Исаакович Першиц, который обратил внимание прежде всего на то, что родственники — члены фамилии в хозяйственных вопросах связаны в основном только через взаимопомощь, проявляющуюся при пахоте и уборке урожая, при постройке нового дома, при женитьбе одного из родственников, в воспитании сирот, обслуживании задержавшегося на долгий срок гостя и т. д. Яркие черты общественных и идеологических связей, по мнению исследователя, проявлялись в роли старших в «фамилии», экзогамии, фамильной генеалогии, общем эпониме.

И все же русская историческая наука закладывала прочные основы изучения общественных отношений у народов Поволжья, Сибири, Средней Азии и Казахстана, Кавказа, западноевропейских стран, то есть создавалось наследие, без которого затруднительными были бы успешные историко-этнографические исследования наших современных ученых. А в Москве в эти годы на заседаниях этнографического отделения Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете все чаще и чаще поднимался вопрос об организации экспедиции в центральные районы Кавказа для дальнейшего ознакомления с его народами, которая наконец и была предпринята летом 1883 года под руководством выдающегося ученого-ираниста Всеволода Федоровича Миллера.

ВПЕРВЫЕ С НАУЧНЫМИ ЦЕЛЯМИ

Июнь 1883 года... Со станции Котляревская в слободу Нальчик направляется тройка... Это продолжается научная экспедиционная поездка Всеволода Федоровича Миллера и Максима Максимовича Ковалевского, начатая ими в Северной Осетии. Уже собран большой этнографический материал — полевой и архивный — во Владикавказе, Алагире, Ардоне, Новохристиановском.

Целью экспедиции ученых в балкарские ущелья, пишет Борис Александрович Калоев в книге «М. М. Ковалевский и его исследования горских народов Кавказа» (М., 1979, с. 40), был «сбор данных по обычному праву балкарцев» и «выявление следов осетинского быта на исторической территории алап — предков осетин». Их интересовало время появления предков балкарцев в нынешних местах, складывавшиеся у них отношения с местным населением, очередность заселения каждого из ущелий. Предварительно ими были просмотрены и изучены литературные источники и статистические данные о «горских обществах Кабарды» и «горских татарах»*. Они уже знали о том, что «это племя татарского происхождения», что численность его по сведениям 1874 года составляет 15 тысяч человек (в чем они, правда, после посещения горских поселений усомнились),

---

* В дореволюционное время балкарцев называли «горными татарами», «горскими татарами», «татарами», «горскими кабардинцами», «черкесскими татарами», «кабардинскими горцами» и т. п. Термин «татары» имеет длительную историю, восходя к V веку н. э. и обозначая одно из монгольских племен. В русском официальном словоупотреблении он появился лишь по истечении многих веков, указывая на принадлежность к тюркоязычным народам.

что его язык близок к карачаевскому и кумыкскому, и были уверены в схожести с осетинскими многих сторон его жизни и быта.

После утомительной поездки их ждал гостеприимный дом Хамзата Урусбиева (члена нальчикского горского суда), отдых и неутруждающая беседа с обаятельным хозяином, а также с членами его семейства.

Здесь они должны были встретиться, чтобы проконсультироваться по ряду интересующих их проблем и организационным вопросам экспедиции, с Исмаилом Мырзакуловичем Урусбиевым, общепризнанным знатоком истории народов Северного Кавказа, авторитетнейшим среди горцев человеком, широко известным в кругу русской интеллигенции, проводившей отдых и лечение в Кисловодске и Пятигорске, и иностранных альпинистов и туристов, посещавших Приэльбрусье.

В слободе Всеволод Федорович в неменьшей степени интересовался горскими евреями, жившими компактно в одном из ее районов, и документами горского словесного суда, Максим Максимович же «покопался» в фондах архива, сделав ряд ценных выписок, которые он использовал в последующих своих публикациях.

Провожатым гостей в горные селения оказался один из сыновей Исмаила Мырзакуловича — Сафар-Али, еще сравнительно молодой человек, страстно увлеченный научными поисками, глубоко знавший устное народное творчество балкарского народа, работавший над «составлением грамматики родного языка». Выбор пал именно на Сафар-Али, поскольку это был и свободно владевший языком переводчик, и надежный спутник, и квалифицированный помощник на уровне полноправного члена экспедиции.

Их знакомство с горными ущельями началось с Хулама. Уже в окрестностях Карасу они пленяются роскошной природой, массивными лесистыми склонами, видневшимися вершинами Дых-Тау и Коштан-Тау, которые мысленно сравнивали с уступающим им по размерам Казбеком.

Не один путешественник еще будет восторгаться этими и другими местами Балкарии, Безенги и Чегема. Но наиболее ярко, на наш взгляд, свое восхищение выразил Василий Васильевич Поггенполь, действительный член Кавказского отдела Императорского Русского географического общества: «Дых-Тау, Коштан-Тау, Мижирги-Тау (Мижерген-Тау. — А. М.) и целая плеяда дру-

гих великанов ослепительно блестя, подобно миллиардам бриллиантов в холодной высоте эфира. Глубоко пораженный, в немом восхищении озирался я кругом! Гриндельвальд, Цермат, Шамуни — пустые призраки, слабые копии, детские наивные пародии горной природы. Настоящее величие, потрясающее человека до глубочайших фибр души, — вот оно, в этом непередаваемо прекрасном амфитеатре!»¹.

Приподнятое настроение путешественников поддерживалось и теплыми приветствиями хуламцев, встречавшихся им по дороге в ущелье. «Здесь же, — читаем в вышедшем через год очерке «В горских обществах Кабарды», — пришлось нам впервые столкнуться с горными понятиями о гостеприимстве. Хотя мы сами навязались на угощение, вполне уверенные, что берем кефир (айран.— А. М.) за деньги, однако горец, пожертвовавший нам большую часть содержания своего бурдюка, упорно отказывался от денег и, осыпав нас пожеланиями счастливого пути, отъехал восвояси».

Авторы, кстати, айран, которым их угощали, иронически называли «модной панацеей», т. е. мнимо исцеляющим лекарством. Это, очевидно, связано с тем, что среди русской интеллигенции тогда распространилось мнение о горском кефире, как о средстве, помогающем при многих болезнях. Тем не менее, через 15—20 лет айран (кефир) безоговорочно будет принят медициной в качестве лечебного напитка. И действительно, в 1903 году Н. П. Тульчинский подтверждал, что за последние годы он «получил широкое распространение, как лечебный продукт».

Балкарцы же считали айран — свой традиционный напиток — всего лишь средством утоления жажды, не подчеркивая его какие-то особые качества и достоинства. и всегда угощали им своих гостей. Как тогда, так и в наши дни любому туристу или проезжему, оказавшемуся то ли в балкарском селе, то ли на коше и остановившемуся напиться, обязательно преподнесут с пожеланием крепкого здоровья чашку айрана.

Миллер и Ковалевский обратили внимание на то, что встречавшиеся им хуламцы, независимо от того, куда лежал их путь, торопились они или нет, некоторое время сопровождали их. Этикет гостеприимства требовал от встречающихся в пути людей, чтобы младший по возра-

¹ Поггенполь Н. По ледникам Дигории и Балкарии, с. 48.

сту или местный житель провожал бы на определенное расстояние старшего или приезжего, пока последний не поблагодарит и не попросит продолжить их свой путь.

То же в своем описании отметил и путешественник С. Давидович, которого вместе с его спутниками в Баксанском ущелье, недалеко от Гижгита, встретил спешивший по личным делам племянник Исмаила Мырзакуловича Урусбиева Бий-Аслан. Не задумываясь, он отложил свою поездку. «Вы едете в Урусбиево, так позвольте пригласить вас к себе, — заговорил молодой человек по-русски. — Я Беслан (Бий-Аслан. — А. М.) Урусбиев, племянник владельца, но так как его теперь нет дома, то вы будете моими гостями».

В Гижгите их любезно пригласили в стоявшую у самой дороги кунацкую, имя хозяина которой гости не запомнили. А через полчаса, вспоминал С. Давидович, они уже лакомились превосходным бараньим шашлыком, какой умеют готовить только горцы.

Далее в Озаруково и выше по ущелью в других поселках их тоже угощали айраном и настойчиво приглашали в гости.

Ехавшие же навстречу путешественникам жители ущелья с радостными приветствиями присоединялись к ним. К Урусбиево они «подъехали уже в сопровождении целого десятка горцев». «Таковы правила горского этикета, — заключал Давидович, — чем более рады гостю, тем более народу должно провожать его и затем окружать по прибытии на место». В этом наглядно проявлялись взаимосвязи членов балкарских патронимий, «фамилий», сельской общины. В данном случае и племянник Урусбиева, и другие горцы, зная, что старшины общества нет дома, спешат достойно встретить гостей. Все остальное же откладывается на потом, главное — в выполнении их долга, обязанности, законов, по которым живут они и жили их предки.

Подобный порядок существовал и у других народов Северного Кавказа. Тот же С. Давидович, проезжая со своим проводником Магометом Коновым по кабардинскому селению Атажукино, остановился у первого попавшегося на пути двора, чтобы попросить напиток. Вышедший им навстречу мило улыбавшийся хозяин на своем языке и жестами (он ни слова не говорил по-русски. — А. М.) пригласил их в кунацкую, где в про-

хладной комнате они не только отдохнули, но и с удовольствием пообедали².

Размышляя над гостеприимством кабардинцев и балкарцев, Давидович заметит, что представители местных народов, собираясь даже в дальнюю дорогу, не обременяют себя багажом, не думают о деньгах: «Бурка да папаха — вот и весь багаж; даже денег с собою в дорогу не берут, так как все необходимое — ночлег, постель, пищу — благодаря гостеприимству горцев можно получить даром»³.

Ндолго запомнилось Сергею Анисимову и его спутникам посещение в горах Карачая, на пастбище, простой семьи чабана. Когда они возвращались с одного из высокогорных ледниковых озер в Верхнюю Теберду, их поздно ночью застала разыгравшаяся непогода и вынудила свернуть к близлежащему кошу (стоянка пастухов. — А. М.). «...Горец-хозяин, — читаем мы в воспоминаниях С. Анисимова, — помог нам слезть с седел, придерживая стремя, и сам повел наших коней в загородку, чтобы расседлать и устроить их на ночь». Кстати будет сказано, в подобных случаях одинаково вели себя и князья, и простые общинники. На обратном пути «в Урусбиево, — писал С. Давидович, — встретил нас сам Исмаил и, согласно с горским этикетом, помог мне и Магомету сойти с седел, придерживая наши стремена».

В жилище карачаевской семьи гостей приветливо встретили дочери хозяина. Последний вошел в комнату несколько позже, сияя такой улыбкой, «что она сильнее костра осветила всю саклю». Полушутливо, полусерьезно хозяин, указывая на закопченные стены, сказал, что его «дворец не богат и не блестящ». Но продолжал он, «хотя моя сакля и стара и, может быть, даже даст течь при таком ливне, но зато в ней для вас открыта вся душа хозяина. Аллах послал мне неожиданных и дорогих гостей, и все, что я имею, я предоставляю им. Правда, мое угощение, как и мой дворец, не будет роскошным: барашек и айран, потом айран и барашек — вот и все. Но зато радушие и любезность хозяина сдобрят его лучше, чем самые редкие приправы... Если ваши постели на голом полу у огня покажутся не слишком мягкими и ваш

---

² Давидович С. Восхождение на Эльбрус, с. 351—352.

³ Там же, с. 346.

сон не будет крепок, то, чтобы вы не скучали, я займу вас своими рассказами до самой зари»⁴.

Открытое и доброжелательное отношение хозяев к гостям сняло всякие перегородки между ними. Внезапно прибывших путников принимали так, как будто их специально и давно ждали. Между тем в семье совершалось важное событие: хозяйка дома в соседней комнате лежала в предродовом состоянии. Первой мыслью, пришедшей С. Анисимову в голову, когда он узнал об этом, было: «Если бы в нашей городской обстановке при таких обстоятельствах, в ночную пору, да еще в дождь, появилось сразу пятеро гостей с мокрым багажом и сумками, то трудно представить себе таких хозяев, которые были бы им рады»⁵.

В течение всего пребывания гостей в доме глава семьи оставался спокойным, веселым, легко и ненавязчиво развлекал их, шутил и что-нибудь рассказывал. Когда у него родился сын, он предоставил гостям право дать ребенку имя.

Утром они узнали, что большая, в 30 человек, семья 64-летнего горца состоит из трех поколений: отца, матери, женатых и неженатых сыновей, незамужних дочерей и внуков.

Отвечая на приглашение посетить Москву, глава семьи сказал: «Я никогда не был и никогда, должно быть, судьба не приведет меня в ваш далекий город. Я всегда живу здесь, никогда не был на плоскости и в городах. Я редко спускаюсь даже туда, вниз, в долины, где наши аулы. Здесь я родился, здесь похоронил отца и мать и здесь сам живу с детьми и внуками. Здесь мой стада, и сюда аллах посылает мне дорогих гостей».

Институт гостеприимства авторы, в частности М. М. Ковалевский в работе «Закон и обычай на Кавказе», объясняют тем фактом, что гость становится как бы временным членом «семьи, фамилии», и поэтому «обычай собственно наделял гостя и всеми преимуществами родственника и брата». То есть, говоря словами В. Я. Тепцова, сделавшего этот вывод несколько позже, гостеприимство — «остаток родовой жизни, когда было все свое, общеродовое, когда не нужно было просить

---

⁴ Анисимов С. От Казбека к Эльбрусу. М.—Л., 1928, с. 141—142.

⁵ Там же, с. 142.

что-либо, не к кому было и ходить в гости»⁶. Ну а наиболее ранним все же предположением этого вывода мы склонны считать высказывание Михаила Ивановича Венюкова: «известно гостеприимство всех патриархальных племен»⁷, как нельзя лучше указывающее на то, что, чем ближе общество по своему социально-экономическому развитию к родовому строю, тем больше его с ним связывает. На генетические корни гостеприимства указывает и такой факт, что население Северного Кавказа свои кунацкие не считало такой же собственностью, как и остальная недвижимость⁸.

✓ Приехав в Хулам, Миллер и Ковалевский по прошествии нескольких часов уже изучали само селение, слушали рассказы местного старшины, писаря, седобородых старцев. Им в глаза бросились тщательно обработанные небольшие участки пахотных земель, оросительные каналы, узкие улочки, своеобразные жилища. В записную книжку Максима Максимовича легли строки, касавшиеся землепользования и земледелия. Незначительные по размерам пашни свидетельствовали о том, что земледелие здесь было второстепенной отраслью хозяйства. Кучи камней рядом с пахотными землями и изгороди из них говорили о тяжелом и кропотливом труде горского землепашца, о принадлежности этих участков отдельным семьям на правах собственности.

Внимательный, исследовательский взгляд обоих ученых пытается выделить, что было присуще современному им «татарскому населению», а что осталось у них от алан. Жилища, хозяйственные постройки и поселения хуламцев они находят похожими на осетинские. Авторы характеризуют постройки с крытым двором, т. е. большесемейных общин, напоминающие П-образные жилища. В каждый подобный комплекс входили «четыреугольные» жилые помещения с навесами перед ними, т. е. большой дом и пристройки для женатых пар — отоу. Однако трудно согласиться с авторами в том, что

---

⁶ *Тепцов В. Я.* По истокам Кубани и Терека. — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (далее: СМОМПК), Тифлис, 1892, вып. 14, с. 167.

⁷ *Венюков М.* Очерк пространства между Кубанью и Белою. — Записки Императорского Русского географического общества. СПб., 1863, кн. 2, с. 63.

⁸ Результаты опроса информаторов во время сбора полевых этнографических материалов (1972—1975 гг.) в Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Северной Осетии и Чечено-Ингушетии.

при каждом дворе отдельно имелись кунацкие — помещения для гостей. Вероятно, устройство княжеского жилища, в частности семьи Жарахмата Шакманова, где они остановились, было принято в качестве типичного факта. У крестьянского населения комнатой для гостей всегда являлась одна из отоу.

✓ В. Ф. Миллер и М. М. Ковалевский в кунацкой хуламского старшины Шакманова фиксируют и некоторые элементы этикета гостеприимства. Хозяин дома и пришедшие сюда родственники и односельчане не садятся в присутствии гостей. По их наблюдениям, даже «лица почтенного возраста не решались отступить от этикета». Данный порядок был свойствен всем балкарским обществам, а также соседним народам. Так, И. Леонтьев, будучи гостем Дадаша Балкарукова из Озаруково, сделал следующую запись в дневнике: ✓ «Хозяина, любезно обслуживающего гостей, несколько раз пришлось просить присесть. Дадаш Балкаруков объяснял, что, по обычаю горцев, хозяин не имеет права садиться в присутствии гостей, особенно стариков, и должен сам прислуживать им»⁹. ✓

Можно добавить еще и то, на что не обратили внимания В. Ф. Миллер и М. М. Ковалевский (как и другие дореволюционные авторы): если гость был старше присутствующих в кунацкой, сесть рядом с ним не мог никто. В конкретной ситуации играло роль также, кто оказывался гостем: посторонний, односельчанин или родственник, происхождение, социальное и экономическое положение гостя и хозяина.

Недопоняли они и того, почему родственники хозяев дома и односельчане с приездом гостей собирались в гостиной, объясняя это лишь их любопытством. В этом ошибались и многие последующие авторы. В частности, Е. З. Баранов писал: «Прибытие в аул какого-либо незнакомца, а тем более не туземца, в мгновение ока становится известным всему населению аула, и толпа любопытных горцев спешит к той сакле, в которой остановился незнакомец». Любопытство, конечно, было свойственно людям, жившим в изолированных ущельях. Они стремились к общению с приезжими из других мест Северного Кавказа, особенно России. Как замечал Н. А. Караулов, балкарцы любят поговорить, что свидетель-

---

⁹ Леонтьев И. Поездка к Бакасанскому леднику.— СМОМПК, Тифлис, 1897, вып. 22, с. 143—144.

ствует об открытости их характера, а также обмениваться новостями, «всякое новое лицо собирает целую толпу любопытных». В самом конце XIX века лектор немецкого, греческого и латинского языков Тифлиских высших женских курсов Карл Федорович Ган писал: «Едва мы уселись в нашем приюте, как уже со всех концов аула собралась толпа любопытных посмотреть на приезжих, и более смелые нахлынули прямо в комнату»¹⁰. То же самое сообщал Н. Поггенполь, посетивший в 1904 году Черекское ущелье: «Неожиданное появление целого каравана возбудило всеобщее любопытство, жители толпами высыпали со всех сторон...»¹¹ И вполне естественно, что «весть в горах о приезде туристов» распространялась моментально. В. Ф. Новицкий вспоминал, что через короткое время после приезда членов его экспедиции на кош «собралась многочисленная группа загорелых горцев...». В то же время глубоко сомнительно его бескомпромиссное утверждение, что горец может даже ночью проехать несколько километров, переправляясь через пять-шесть холодных горных речушек, чтобы только лишь удовлетворить свое любопытство. Не догадывались они, что это — важнейшая сторона социального единства членов патронимии, «фамилии» и односельчан. Умение принять гостя касалось не только семьи, но и всех родственников, это было далеко не безразлично всем им с точки зрения морали, их чести, отношения со стороны односельчан. Именно поэтому мы позволили себе не согласиться с мнением некоторых исследователей, утверждавших, что если что-либо в угощении не доставало, хозяин занимал у родственников, соседей, односельчан. Термин «занимал», на наш взгляд, несколько неподходящ в данной ситуации. Родственники, выходцы в прошлом из единой большой семьи, потомки общего родоначальника, люди одной крови, стремились помочь семье, которую посетили гости, всем, чем только могли. Гостеприимство народов Северного Кавказа было связано с родственными узами семей патронимии и даже фамилии, представляя собой остаток их экономического единства. З. Д. Гаглоева пишет: «...если к одному из братьев являлся гость, то все остальные, бросив свои занятия, какими бы неотложными они ни были, обязательно приходили к хозяи-

¹⁰ Ган К. Ф. По долинам Черска, Уруха и Ардона. — СМОМПК, Тифлис. 1898, вып. 20, с. 9.

¹¹ Поггенполь Н. По ледникам Дигории и Балкарии, с. 36.

ну и приветствовали гостя точно так же, как если бы последний сидел в их личном доме, и не отходили от него, пока он находился там, причем в случае надобности бесплатно приносили с собой все необходимое для соответствующего угощения гостей»¹².

В основном именно по этой только причине горцы навещали приезжих. Те из них, кто помоложе, стояли сбоку, наблюдая за происходящим и слушая беседу старших и гостей. И этот момент, кстати, был зафиксирован Е. Ф. Миллером и М. М. Ковалевским, отмечавшими, что «группа молодежи отмалчивалась строгим молчанием в присутствии стариков и гостей и ограничивалась самым внимательным наблюдением над каждым нашим действием и движением».

Но если В. Ф. Миллер, М. М. Ковалевский, И. Леонтьев, Н. А. Караулов просто не поняли стремления родственников к идеологической и социальной общности, то М. Алейников, заведующий Мансуровским нормальным сельским училищем, в своих объяснениях вопросов гостеприимства принципиально ошибался. Он писал о ногайцах: «Если только аульные жители заметят, что к кому-нибудь приехал гость, то непременно явятся туда без всякого приглашения человек десятков, надеясь полакомиться остатками угощения, которого всегда готовится, принимая в расчет и непрощенных посетителей, достаточное количество»¹³. Автором неверно были возведены в степень встречавшиеся порой случаи появления нескольких «любителей полакомиться». М. Алейников умалял обычай гостеприимства, имеющий место у каждого народа.

В. Ф. Миллер и М. М. Ковалевский обследовали развалины башни в районе Хулама, провели археологические раскопки на «немусульманском кладбище», расспрашивали местных жителей «об общинном быте, их обычном праве, сословиях». Ученые выяснили, что у балкарцев широко бытовали фамильные предания, сохранение которых они объясняли отсутствием у последних письменности. Предания фамилий Черекского ущелья навели их на мысль, что Балкарское общество было за-

---

¹² Гаглойти Э. Д. Очерки по этнографии осетин. Тбилиси, 1974, с. 69.

¹³ Алейников М. А. Поверья ногайцев Мансуровского селения Баталпашинского отдела Кубанской области. — СМӨМПК, Тифлис, 1893, вып. 17, с. 1—2.

селено пришельцами «татарского происхождения» раньше других обществ и что «столкновение их с туземцами» привело к формированию «феодального строя жизни». Семейная легенда потомков Малкара, одного из родовых предводителей разбитых татаро-монголами кипчаков, подтверждала догадки В. Ф. Миллера и М. М. Ковалевского. Правда, здесь нужно уточнить, что активный процесс генезиса феодализма начался не со столкновения тюркского населения с местными жителями, а со смещения их. Интересно, что еще ближе к разгадке проблемы подошел Н. П. Тульчинский, пользовавшийся, как нами выяснено, теми же семейными преданиями и легендами: «Общественный строй первоначальных поселенцев был демократический, но с появлением среди них родоначальников таубиев — выходцев из строя с аристократическим строем жизни, людей ловких, воинственных и умеющих пользоваться обстоятельствами, — устанавливается тот строй разделения сословий на высшее и низшее, какой существует в настоящее время, но только без прежнего значения»¹⁴. Автор правильно указал, что пришельцы были воинственны, что их потомки становятся таубиями, что их появление в горах ускорило процесс феодализации. Это подтверждается и предположением В. П. Невской и Т. А. Невской относительно того, что карачаевская община — марка возникает в период заселения Кубанского ущелья¹⁵, которое произошло после татаро-монгольского нашествия, а это значит, что именно в это время продолжался процесс генезиса феодализма.

Начавшийся гораздо раньше переход к строю военной демократии в горах Центрального Кавказа, как и любой другой горной местности, проходил замедленно. Достаточно сравнить со странами античного Средиземноморья и «варварской» Европой¹⁶.

При сопоставлении исторических песен и преданий кабардино-балкарского нартского эпоса, результатов археологических исследований, языческого балкарского календаря и религиозных верований видно, что основ-

¹⁴ Тульчинский Н. П. Пять горских обществ Кабарды. — Терский сборник, Владикавказ, 1903, вып. 5, с. 164.

¹⁵ Невская В. П., Невская Т. А. Сельская община у карачаевцев в XIX веке. — В кн.: Социальные отношения у народов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1978, с. 23.

¹⁶ Греков Б. Д. Краткий очерк истории русского крестьянства. М., 1958, с. 35.

ные отрасли хозяйства — скотоводство и земледелие привели жителей гор к имущественному неравенству еще задолго до татаро-монгольского нашествия. Разлагавшееся родовое общество с созревающим постепенно на его основе социальным неравенством способствовало складыванию сельскообщинных отношений, развитию феодализма. Неслучайно К. Маркс писал в 1881 году В. Засулич, что сельская община — остаток общинного строя в последней его фазе. Стадиально предшествовавшие соседским началам кровнородственные постепенно утрачивались и заменялись территориальными, но при непосредственном участии родственных организаций.

Вопросы, связанные с архаическими общественными формами, в последние годы всестороннее освещение получили в трудах таких ведущих советских ученых, как Ю. В. Бромлей, А. Д. Давыдов, М. В. Крюков, Д. А. Ольдерогге, А. И. Першиц, А. И. Робакидзе, Ю. И. Семенов и другие.

Семейные общины классического типа развивались, трансформировались, превращались в территориальные поселения, а позже в объединения родственников после сегментации — патронимии¹⁷. Это было время, когда еще переплетались родовые связи с обособляющимися семейными. Семейные общины являлись как бы братскими семьями, что убедительно подтверждается исследованиями В. Дж. Итонишвили на северокавказском материале, в частности чечено-ингушском¹⁸. Данная точка зрения получила обстоятельное доказательство на обширнейшем и разнообразном материале разных народов в трудах выдающегося советского этнографа и историка Ю. В. Бромлея¹⁹.

Надо заметить, что с самого начала выделения из родовых групп семейные общины, представляя собой отдельные поселения, не были однодворными, как делали в свое время выводы А. Ефименко, М. Владимирский-Буданов, И. Лучицкий, исходя из характеристики поселений Севера. Наглядным в плане доказательства явля-

¹⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 27, с. 695.

¹⁸ Итонишвили В. Дж. Семейный быт горцев Центрального Кавказа. Историко-этнографическое исследование. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Тбилиси, 1971, с. 11.

¹⁹ Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории). М., 1981, с. 202—206.

ется дагестанский материал, приводимый профессором Р. М. Магомедовым: «Из имеющихся материалов, — пишет исследователь, — и наших полевых наблюдений можно заключить, что поселения в Дагестане складывались вначале по типу, о котором писал Энгельс»²⁰.

Выделение семейных общин явилось началом самостоятельного в хозяйственном отношении развития этих коллективов, что отличало их от парных семей первобытного рода, характеризовавшихся совместным трудом и совместным присвоением продуктов. Характерная для этого периода историческая ситуация — исчезновение рода, установление строя военной демократии и начало генезиса феодализма — определила утверждение родственной организации патронимии. При том уровне производительных сил, при той сложной обстановке переходного этапа и по ряду других причин, таких, как коллективное землевладение и землепользование родственных семейных общин, переплетение всяческих их интересов, нельзя было обойтись без общественного и идеологического единства. Важно в этом отношении высказывание А. Ефименко, анализирующей землевладение пещища Архангельской губернии, где она прямо делает упор на тот факт, что члены пещища после раздела, в связи с коллективной собственностью на землю, смотрели на себя, как на единое целое.

Ну и главное, пока не сформировалась окончательно соседская община, нужна была форма организации, способная отразить интересы отдельных семейных общин. Ею и оказалась патронимия, общественно-историческая значимость которой предопределила ее право на прочное утверждение. Поэтому трудно увязывается с реальностью точка зрения, согласно которой такие социальные структуры, как патронимия и соседская община, — явления одновременные, а также, что переходной формой от родовой общины была первобытная соседская община.

Выделявшиеся из семейных общин новые семьи закрепляли за собой имена своих отцов — родоначальников материнской семьи, что в этнографической науке и нашло выражение в термине патронимия («патер» — отец, «намен» — имя, т. е. наименование по отцу).

---

²⁰ Магомедов Р. М. К вопросу о семейной общине в Дагестане. — Труды второй научной сессии Дагестанской базы Академии наук Союза ССР. Махачкала, 1949, с. 88.

В связи с вышеизложенным мы не можем согласиться с рядом авторов, и в частности с Б. Д. Грековым, считавшим, что сельская община возникает непосредственно «с распадом родовых отношений»²¹. Автор игнорирует тот факт, что семейная община и патронимия явились той реальной основой, на которой выросла сельская община, и отводит ей лишь второстепенную роль. В одном из комментариев к книге М. М. Ковалевского «Очерк происхождения и развития семьи и собственности» М. О. Косвен убедительно доказал возникновение сельской общины из разрознивания сегментирующихся семейных. Изучение балкарских, осетинских и чеченских поселений приводит нас к мысли, что смешение поселений семейных общин и патронимий не являлось главным критерием образования сельских общин, поскольку, во-первых, отношения членов патронимий, будь то в начальной стадии ее развития или в последней, — это отношения, так или иначе, собственников, а значит — больше соседей, и, во-вторых, многие поселения семейных общин, выделенных из рода, устраивались исходя из стратегических соображений в таких местах, где о соединении кварталов и говорить не приходится.

Естественно, что решающий критерий генезиса сельских общин надо искать в экономическом факторе — использовании близлежащих земель и установлении на этой основе взаимоотношений общезжития. Так сложились сельские общины таких ущелий, как Балкарское, Чегемское, Даргавское, Куртатинское, Алагирское и т. д. Поселки, строившиеся в более или менее изолированных и малодоступных местах, принадлежали сначала семейным общинам, затем уже коллективу разделившихся семейных общин. За ними закреплялось имя родоначальника, и в дальнейшем они сохранялись как патронимические. А те поселки, которые в процессе роста соединялись с соседними, становились кварталами уже полигенного села, как, например, Ишканы, Тура-Хабла, Чегет-эль, Эльтюбю, Булунгу, теряя при этом свои патронимические наименования.

На наш взгляд, в Балкарии уже начали складываться семейно-общинные отношения, а смешанных сел еще не было. И лишь позже, с расширением патронимических поселений, «поисков новых мест обитания ввиду

---

²¹ Греков Б. Д. Краткий очерк..., с. 42.

безземелья и перенаселенности родных мест»²² и междоусобных войн, происходит как бы объединение кварталов в села, «разбрасывание» отдельных семей той или иной патронимии.

Общественные отношения в горах, с появлением кипчаков, складывались таким образом, что для свободных общинников становилась необходимой служба в дружине. «Каждый мужчина из таубиев, узденей и эмчеков, — читаем в газете «Каспий», — должен был иметь оружие и коня и по первому призыву олия явиться готовый к войне с неприятелем, а в мирное время мужчины упражнялись в стрельбе и верховой езде. Один из олиев Софан Абаев даже создал особых стрелков из своих чагаров, потомки которых и до сих пор являются отличными охотниками»²³.

В преданиях об образовании балкарских обществ не случайно указывается, что высшее сословие из пришельцев. Дело в том, что именно военные вожди и их потомки большей частью становились впоследствии таубиями.

Военные вожди и родовые старейшины, покровительствуя дружинникам и остальному свободному люду, постепенно ставили их под свое влияние. Сами же вожди, их ближайшее окружение и потомки родовой знати выделялись в военную аристократию и знать — господствующую социальную силу складывавшегося горского общества. Это было время активного формирования классов в Балкарии и сосредоточения политической власти в руках главенствующего меньшинства. Процесс социального расслоения общества нашел отражение и в наземных склепах Балкарии и Карачая (Абаевых, Балкаруковых, Мисаковых, Аккуловых, Крымшамхаловых), датируемых этим же периодом. Они принадлежали отдельным лицам, а также семьям выделившихся господствующих фамилий. И. М. Мизиев приводит примеры склепов Сосрана и Алимурзы Абаевых, родоначальника Мисаковых — Мисаки, Камгута в Баксанском ущелье²⁴. И далее автор заключает, что «эти факты дают право пола-

---

²² Магомедов А. Х. Культура и быт осетинского народа. Орджоникидзе, 1968, с. 229.

²³ Горец. Горцы Нальчикского округа. — Каспий, 1899, № 28, с. 2.

²⁴ Мизиев И. М. Средневековые башни и склепы Балкарии и Карачая. Нальчик, 1970, с. 84.

гать, что склепы-мавзолеи возникли в Балкарии и Карачае вследствие социального расслоения общества и выделения из общей среды крупных феодальных фамилий. Как при жизни эти феодалы и князья строили себе башни, крепости, замки и отмежевывались от основной массы населения, которое жило в обыкновенных горских саклях, точно так же и после смерти их хоронили в склепах-мавзолеях и этим обособляли семью или фамилию»²⁵.

В XV—XVI веках в Балкарии имело место уже крупное феодальное землевладение, но собственное хозяйство феодалов, в отличие от Западной Европы и России, было незначительным. Не было здесь, указывали Миллер и Ковалевский, крупного господского хозяйства, использующего крестьянский труд.

Общим правилом в горах являлось сочетание крупного землевладения с мелким крестьянским землепользованием, общинным и индивидуальным. Таубий оставлял себе незначительное количество земли, остальное делил на участки и раздавал на правах держаний безземельным и малоземельным горцам. Подобные отношения вели к закреплению сельского населения²⁶ и даже той его части, которая обладала своей собственностью, поскольку и первые и вторые «подчинялись требованиям службы и платежей, которые возлагал на них феодал»²⁷.

Складывавшиеся общины существенным образом влияли и на внутренние перемены в общественных взаимоотношениях: органы родового строя превращаются в орудие господства меньшинства над большинством. Если в период первобытно-общинной экономической формации управление строилось на подчинении народному собранию — тёре, коллективному решению схода и выборным должностным лицам, то с утверждением строя военной демократии и развивающихся феодальных отношений административная, судебная и исполнительная власть переходит к олиям, которые в дальнейшем ее закрепляют. Но и народное собрание, куда входили представители остальных формирующихся сословий, также продолжало существовать.

²⁵ Мизиев И. М. Средневековые башни..., с. 85.

²⁶ Ковалевский М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности. М., 1939, с. 171.

²⁷ Там же.

Усиление роли сельского хозяйства, совершенствование производительных сил и производственных отношений, утверждение территориальной общины позволили родовой и восинной знати, выполнявшей в основном еще военно-политические функции, в большей степени распространить свою власть, военные платежи, штрафы на экономическую сторону жизни односельчан — свободных людей и дружинников — рыцарскую среду. Однако дружинники, представляя собой рыцарское окружение олия, менее подвергались закабалению. Более того, чтобы безболезненно нести военную службу и содержать свои семьи, они сами должны были иметь зависимых крестьян. Собираемые время от времени платежи превращаются в регулярные налоги и повинности.

XIII—XIV века для горных ущелий — время непрерывных войн и стычек между племенами, междоусобных войн, усиленного строительства рядом с неукрепленными поселениями феодальных башен, эпизодических периодов голода, стихийных бедствий, эпидемий, время разорений и закабаления основной массы населения. Многие из соплеменников вынуждены были идти под защиту военных вождей — олий и их окружения, чтобы не быть разоренными более сильными соседями. Притеснения со стороны сильных общинников, боязнь потерять даже те незначительные земельные участки, которыми они обладали, остаться вообще без средств существования, стать нищими или рабами, — все это заставляло свободных людей отдавать себя их сильному соседу, чтобы заручиться его поддержкой. Соглашаясь преднамеренно на определенные оброки и барщину, отказываясь от личной свободы, простой горец таким образом сохранял жизнь себе и семье. В то же время патрон приобретал и усиливал свою власть над населением, становясь господином. Как видно, порядок патроната — коммендации формировался сугубо из материальных и политических интересов людей. Подобные отношения патроната, определяющие характер данного процесса, способствовали генезису феодальных отношений у кавказских горцев. Конкретно это находило, в частности, проявление через куначество — патронат, что было зафиксировано В. К. Гардановым у адыгских племен²⁸. К

---

²⁸ Гарданов В. К. Гостеприимство, куначество и патронат у адыгов (черкесов) в XVIII — первой половине XIX в. — Сов. этнография, 1964, № 1.

этому времени, очевидно, относится и широкое распространение атальчества. Горец указывал, что простые балкарские семьи и тукумы искали покровительство в форме атальчества у сильных фамилий Черекского ущелья²⁹. Е. О. Крикунова, правильно отмечая, что «при феодальном строе таубии отдавали своих детей на воспитание кому-либо из зависимых от них людей», в то же время и противоречила себе, считая, что этот обычай зародился еще в условиях родового строя³⁰.

В литературе (Миллер, Ковалевский, Тульчинский, Абаев) идентичным понятию атальчество нередко считается молочное родство, появившееся гораздо раньше первого и существовавшее действительно еще в первобытном обществе. Суть его тогда связывалась только со вскармливанием ребенка. В период же феодализма молочное родство нередко преследовало и цели социальных связей и отношений: достаточно было простое прикосновение к груди старшей из женщин любой фамилии, чтобы установилось родство.

Все четче среди горского населения выделяются различающиеся следующими качествами группы общинников, которых можно уже называть крестьянами: величиной земельных держаний, размерами и характером повинностей, степени своей личной зависимости. Зажиточные общинники и несшие военную службу дружинники выделяются в сословие каракишей. У В. Я. Тепцова есть важное в этом отношении выражение: «Каракеши, по преданиям, добровольные пришельцы...»³¹ В предании подразумевались воины-кипчаки, они, правда, не добровольно оказались в горах, но тем не менее они и их потомки были дружинниками.

Пользовавшихся правами «земельных держаний» и попавших под патронат называли чагарами. Они должны были определенное время отрабатывать на земле и в усадьбе покровителя — хозяина (вспашка сабана — пахотной земли — своим инвентарем и скотом, жатва, косьба, молотьба, уборка урожая, рытье канав, ремонт орудий труда и хозяйственных построек).

На господском дворе, да и у каракишей, в это время

---

²⁹ Горец. Горцы Нальчикского округа. — Каспий, 1899, № 134.

³⁰ Документы по истории Балкаркии. 40—90-е гг. XIX в. Нальчик, 1959, с. 222.

³¹ Тепцов В. Я. По истокам Кубани..., с. 172.

уже работают дворовые слуги (казаки и карауши — домашние рабы и рабыни), в качестве которых предпочиталось иметь пленных³². Поскольку затраты на их содержание по большей части не оправдывали себя, их использовали в небольшом количестве. Подобного рода рабство носило патриархальный характер. В условиях еще в общем-то низкого уровня социально-экономического и политического развития общества не было возможности и необходимости вследствие нерентабельности широко использовать труд рабов. В связи с чем рабство в «варварском» мире отличалось от античного. По материалам «Адаатов...» Ф. И. Леонтовича, балкарцы этих рабов захватывали силой у соседних народов, а также приобретали «путем купли и продажи»³³.

Таким образом в Балкарии шло формирование феодальных отношений. Надо заметить, что сельская община, складывавшаяся вначале как германская марка, в сравнительно короткий срок перерождается в феодальную, но тем не менее даже в середине XIX века, в чем, безусловно, прав К. Г. Азаматов, различные категории балкарского крестьянства так и не превращаются «в единый класс крепостных крестьян»³⁴. Значительная часть крестьянства сохраняла еще положение свободных общинников, отношение к которым князей имело характер покровительства. Это подтверждается и бытованием в XIX веке общинной собственности.

Свои впечатления о посещении следующего — Чегемского — ущелья Балкарии ученые начинают с описания случая кровной мести, происшедшего незадолго до их приезда туда. Спор возник из-за межи, в результате чего один из споривших рассек другому палкой голову. Сын же пострадавшего ударил обидчика кинжалом в живот. Послушав обсуждавших это происшествие местных жителей, В. Ф. Миллер и М. М. Ковалевский пришли к выводу, что, по понятиям горцев, мальчик «исполнил свой долг».

Фамильная легенда многочисленной чегемской фамилии Балкаруковых, поведенная ученым, еще раз вернула

---

³² *Абаев М. К.* Балкария. (Исторический очерк). — Мусульманин, Париж, 1911, № 14—17, с. 590.

³³ *Леонтович Ф. И.* Адааты кавказских горцев, с. 278.

³⁴ *Азаматов К. Г.* Социально-экономическое положение и обычное право балкарцев в первой половине XIX века. Нальчик, 1968, с. 45.

их в очерке к проблеме общественного строя балкарцев. Правы авторы, утверждая, что, хотя горские князья по внешнему виду были и далеки от средневековых рыцарей, в их своеобразном быту наличествовали все признаки феодализма. И ничего не было удивительного в том, пишут они, что в 1853 году представители горской знати «заявили русскому правительству о своем желании быть занесенными в ряды потомственного дворянства».

Анализируя легенду далее, авторы заключают: «...феодалная система отношений и, в частности, сословные различия неизвестны были туземцам до поселения в их среде чужеродцев», то есть феодализм, по их мнению, им был навязан извне.

А суть фамильной легенды Балкаруковых состоит в следующем. В далекие от нас времена, до XIII века, горные районы Кавказа от Эльбруса до Уштулу, верхней оконечности Балкарского ущелья, занимали племена, имевшие более или менее демократическое родовое устройство. Авторы, исходя из названий гор и рек, уцелевших следов древнего культа, считают, что это были предки осетин — аланы.

✓ Предки Али-Мурзы Балкарукова переселились сюда из Абадзехии в то время, когда там уже жили турки во главе с князем Берды-Бием. Сам Берды-Бий уже владел башней, прилегавшими к ней землями, собирал дань с населения. «Каждый двор в Чегеме должен был доставлять Берды-Бию одного барана в год... Отягощение жителей произвольными службами и платежами возникает только со времени тиранического правления преемника Берды-Бия». Как видно, при Берды-Бие и его потомках феодальные отношения продолжают усиленно развиваться. Пришельцы, т. е. кипчаки, не принесли с собой феодализм, а только ускорили общий и ранее начавшийся процесс смены одной формации другой, а что касается Балкаруковых, то они в ущелье появились несколькими веками позже.

Далее авторы связывают «факт создания частной собственности с политическим переворотом, захватом власти со стороны рода Балкаруковых и избиением потомства Берды-Бия», тем самым себе же противореча, поскольку буквально на этой же странице они утверждают, что Берды-Бий владел земельными угодьями. Общеизвестно также, что пахотные земли всего рода начина-

ют делиться на отдельные части еще в период выделения из родовых групп семейных общин классического типа. Достаточно вспомнить «Записки о галльской войне» Юлия Цезаря, где он, характеризуя земельные отношения дрезних германцев, имел в виду собственность семейной общины.

После проникновения в горные ущелья кипчаков, несмотря на мирную ассимиляцию местных племен, пришельцы как воины-дружинники большей частью оказываются собственниками земель. Остальным же и их потомкам, в связи с ростом населения, приходилось расширять количество пахотной земли за счет отвоевывания ее у природы, расчистки новых участков из-под камней и леса. Сам же М. М. Ковалевский об этом писал так: «Замкнутость занятых ими долин, трудность сообщения между ними, благодаря непроходимости горных ущелий в зимние месяцы, заставили недавних кочевников заняться земледелием, сделаться народом оседлым и построить свои земельные отношения на началах дворовой общины»³⁵, «...естественный прирост населения и следовавшие один за другим переделы, естественно, уменьшали долю каждого, и в конце концов собственность раздробилась бы на мельчайшие частицы, если бы против этого не были своевременно приняты меры путем расчистки целины, так как земли было недостаточно»³⁶.

Что касается захвата власти в Чегеме Балкаруковыми, то это объясняется междоусобной борьбой феодальных фамилий. А что Балкаруковы раздают землю своим приближенным и ставят их в особое привилегированное положение, то это не что иное, как распространение среди горцев бенефициальной системы, т. е. пожалование земель приближенных лиц с условием выполнения определенных служб, в частности военной, хотя это было далеко уже не строй военной демократии.

При анализе землепользования и землевладения и характеристике сословных отношений авторы затрагивают отдельные стороны аталычества, называя его «молочным родством», имевшего, судя по сообщениям других авторов, место в Балкарии.

Один из примеров его зафиксировал в 1886 году

---

³⁵ Ковалевский М. Закон и обычай на Кавказе. М., 1890, т. I, с. 54.

³⁶ Ковалевский М. Очерк происхождения и развития семьи..., с. 21.

С. Давидович. Возвращаясь с Эльбруса, куда он и его провожатый Бий-Аслан Урусбиев попытались совершить восхождение, они повстречали аталыка Бий-Аслана, воспитателя его дочери. Бий-Аслан пояснил, что его дочь будет жить в семье аталыка до восьмилетнего возраста, а по истечении этого срока вернется домой. «Этот обычай,— писал С. Давидович,— соблюдается строго, и только поселяне воспитывают своих детей дома; дворяне — никогда»³⁷.

Аталык пригласил гостей отведать тура, убитого им за день до этого на охоте в соседнем ущелье. У входа в кунацкую С. Давидович обратил внимание на играющую во дворе нарядную девочку, которая, как выяснилось позже, и была дочерью Бий-Аслана. Но «отец не только не приласкал, но как будто и не заметил ребенка: у горцев считается неприличным обнаруживать при посторонних свои родительские чувства». «Потом уже,— вспоминает С. Давидович,— я спросил Бий-Аслана, неужто же не жалко родителям с первого же дня разлучаться со своим ребенком? «Жалко бывает,— отвечал он,— да ничего не поделаешь: такой у нас обычай».

Наблюдать за некоторыми сторонами аталычества приходилось и Н. Тавлинову, путешествовавшему с Наурузом Урусбиевым по Приэльбрусью и посетившему на коше семью аталыков князя. Шаханов-Джанхотов в «Этюдах туземной жизни» описывает пример молочного родства. Он рассказывает об одном из своих младших братьев, который был вскормлен молочной матерью, но семью этой женщины ошибочно называет семьей аталыков.

В. Ф. Миллер и М. М. Ковалевский, указывая на установление родственных связей между семьями аталыка и эмчека (воспитуемого), отмечали, что при подобных связях князь дарил воспитателям земельные угодья и что последние при этом должны были оказывать всевозможные услуги таубию, носившие название «эмчекская подать». Отношения эмчекской подати могли возникнуть и при других видах фиктивного родства, а также после «усыновления» кровника.

В заключение очерка, после анализа прав и обязанностей представителей различных крестьянских сословий, В. Ф. Миллер и М. М. Ковалевский как бы мимохо-

³⁷ Давидович С. Восхождение на Эльбрус, с. 371—372.

дом, но довольно четко представляют балкарскую большую семью. Они сравнивают ее с русской семейной общиной, в которой главой являлся «наследственный и невыбираемый старшина». Имущество подобного семейного коллектива было «не личным», а «дворовым», и все, что зарабатывалось отдельными членами семьи, поступало в общую казну. Но развитие балкарского общества, заканчивают свой очерк авторы, вело к распаду этих «архаических союзов», как это происходило уже «в большинстве великорусских губерний».

Документы государственных архивов Северной Осети, Чечено-Ингушетии, Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии подтверждают мысли, высказанные Миллером и Ковалевским. Из их анализа видно, что разделы чаще происходили во вновь образовывавшихся селах и в тех случаях, когда большие семьи состояли из братьев, т. е. когда после смерти отца братья не делились. Так, в «Прошении представителей бедноты Енеева (Энеева.— А. М.) и Чеченова начальнику Нальчикского округа о наделении крестьян, поселившихся в с. Гунделен, земле» читаем, что среди семей «есть такие из прежних переселившихся — из одного двора разделяются братья и составляют разные дворы и требуют на каждого брата надел земли, и таких очень много».

О повсеместности семейных разделов в горских обществах и у народов, живших в предгорной части Северного Кавказа, все чаще и чаще появляются известия в конце XIX—начале XX века. Корреспондент «Терских ведомостей» Глагол, сообщая из станицы Прохладной, писал, что эти разделы учащаются в осенние месяцы, когда молодежь особенно активно уходит на заработки. И объясняет он этот распад материальными причинами и деспотизмом власти отца — главы семьи³⁸.

Н. Раздорский, также близко знакомый с бытом станиц Терской области, писал в 1909 году, что в последнее время в «станицах войска» участились случаи «раннего разделения семей и хозяйств, преждевременного ухода сыновей от отцов»³⁹.

Поездка ученых в ущелья Балкарии превзошла все их ожидания. Уже в декабре в Кавказский отдел Гео-

---

³⁸ Глагол. Семейные разделы.— Терские ведомости, 1885, № 11, с. 2.

³⁹ Раздорский Н. Семейный и общественный быт в станице Солдатской. — Терские ведомости, 1909, № 16.

графического общества поступило «весьма ценное для кавказоведения сообщение глубокоуважаемого профессора», т. е. Всеволода Федоровича Миллера, в котором он сообщал: «В археологическом, этнографическом и историческом отношении горцы Кабарды представляют значительный интерес»⁴⁰.

Таким образом, анализ первого целенаправленного посещения В. Ф. Миллером и М. М. Ковалевским Хулама и Чегема и их историко-этнографического очерка «В горских обществах Кабарды» показывает, что науке оставлен труд, обилующий не только разнообразным фактологическим и исследовательским материалом, но и рядом ценных, не утративших до сегодняшних дней выводов теоретического значения.

---

⁴⁰ Миллер В. Ф. О поездке в горские общества Кабарды и в Осетию летом 1883 года. — Известия Кавказского отдела Императорского Русского географического общества, Тифлис, 1884—1885, т. 8, с. 198.

«У ПОДОШВЫ ЭЛЬБОРУСА»

Лишь спустя два года, в июле 1885 года, М. М. Ковалевский в Кисловодске познакомился с Исмаилом Мырзакуловичем Урусбиевым, который сразу же произвел на него особое впечатление. «Могучая, как бы из железа скованная фигура Исмаила Урусбиева внушала нам бодрость и уверенность в успехе предприятия»,— писали М. М. Ковалевский и И. И. Иванюков в вышедшем после экспедиции очерке «У подошвы Эльборуса»¹. А когда друг Максима Максимовича Аглинцев напутствовал: «Ваше путешествие начнется под счастливой звездой... лучшего путеводителя трудно найти на всем Кавказе» и сам Исмаил Мырзакулович, приглашая в горы, добавил: «Кто выбьется из сил, того мы перенесем на бурках», сомнений не осталось.

Путь экспедиционной группы по Баксанскому ущелью в высокогорные села и поселки Сванетии был не легкий и не близок. Кроме населения Урусбиевского общества, ученых в значительной степени привлекли их южные соседи, сохранившие больше, чем кто-либо из северокавказских народов, в своем быту и культуре архаических черт. «Посещение малоизвестного народца сванетов было главной целью нашей поездки...»,— читаем в их очерке.

Наиболее заманчивым представлялся маршрут через труднодоступный Донгуз-Орун, но проводника найти было трудно. По данным отставного полковника Аглинцева, даже баксанцы редко посещали Сванетию, а из иностранцев преодолеть перевал удалось до этого лишь анг-

¹ Вестник Европы, 1886, т. 1.

личанину Фрешфильду и венгру Морицу фон Деши. И ученые, отчаявшись уже найти опытного проводника и решив было ехать в Сванетию через Владикавказ, Тифлис и Кутаиси, стали готовиться к отъезду, как в Кисловодске судьба случайно свела их с Исмаилом Урусбиевым, часто навещавшим своих кисловодских друзей и вернувшего их к первоначальной задумке. Проблема сопровождения в горах, посещение отдаленных сел и уголков Кавказа, оказания квалифицированной помощи в восхождении на Эльбрус и другие вершины Центрального Кавказа занимала важное место и в организационных вопросах путешественников. Особую роль здесь играло гостеприимство, о котором писали многие авторы и которое нашло образное выражение в фольклоре и поэзии, преданиях и легендах. Дело в том, что в период феодализма оно имело свои особенности, выражавшиеся в том, что без него затруднено было путешествие по чужой территории. П. Зубов отмечал, что у адыгов проводник сопровождал гостя по всей территории племени, обеспечивая ему безопасность и необходимые условия для передвижения². И связано это было, по мнению М. Ковалевского и как уточняет В. К. Гарданов, с тем, что «гостеприимство в древности предполагало временную, а не постоянную охрану гостя-чужеплеменника хозяином»³.

В Балкарии и других районах Северного Кавказа не было еще, как в Швейцарии, ремесла проводничества. Горцы рассматривали помощь, оказываемую ученым, чиновникам, путешественникам, альпинистам как долг гостеприимства, а в некоторых случаях — даже куначества. Некоторые из путешественников, часто бывавшие в горах, становились близкими друзьями балкарцев, карачаевцев, осетин, и их отношения считались на уровне родственных. Правда, в дореволюционной литературе почти не упоминается о куначестве между, например, представителями господствующих классов России и Западной Европы и простыми крестьянами-горцами или даже таубиями. Но, вчитываясь в их воспоминания, можно увидеть, что горцы вели себя с некоторыми из приезжих гораздо проще, чем с другими. И разница в том, что с купаком они беседовали по всем интересующим их темам, проявляли «повышенный интерес к его

² Зубов П. Картина Кавказского края..., с. 47—48.

³ Гарданов В. К. Гостеприимство, куначество..., с. 45—46.

делам» и принимали в них активное участие, что возможно, пишет В. К. Гарданов, по отношению только к кунаку⁴.

Кунаками балкарцев, чеченцев и осетин были и люди, приезжавшие в горские села по делам службы: чиновники, журналисты, топографы, землемеры, врачи.

Вряд ли прав английский путешественник и альпинист Дент, утверждавший, что на Кавказе нет проводников, подобных швейцарским. Его опровергает не менее известный альпинист, также англичанин, Дуглас Фрешфильд, писавший после второго посещения Кавказа: «...они (урусбиевцы.— А. М.) гораздо лучше на ледниках, чем тирольцы... они неутомимые пешеходы...»⁵ и далее и о других народах Кавказа, что они «прекрасные путешественники»⁶.

Рассказывая на очередном заседании альпийского клуба 1 апреля 1890 года о восхождении на Дых-Тау, Германн Вули восторгался балкарскими проводниками, предложенными ему Азнором Айдеболовым, — Кичи Жанибековым и неким Бий-Асланом. Так, о Кичи он писал, что это был очень выносливый человек, «как и все татары»⁷, мягкий и терпеливый. Привлекла внимание Вули палка, обитая железом, с которой Кичи «всегда ходил на восхождение», и альпинист делает вывод, что ола, «видимо, уже много служила фамилии Жанибековых», имея в виду, что не одно поколение горцев участвует в восхождениях на труднодоступные вершины Центрального Кавказа. Ссылаясь на мнения и других своих друзей, Вули отмечал, что балкарские проводники в выборе пути на скалах подобны горным сернам — никогда не ошибаются.

В. Ф. Новицкий с благодарностью вспоминал, что баксанцы прекрасно знают все тропы в горах, маршрут восхождения на вершину Эльбруса и что в Урусбиевском «легко нанять проводников, лошадей, получить продовольствие и т. п.».

В проводничестве, как свидетельствуют информато-

---

⁴ Гарданов В. К. Гостеприимство, куначество..., с. 47.

⁵ Фрешфильд Д. Дневник шестинедельного путешествия по Центральному Кавказу в 1887 году. — Альпийский журнал, Лондон, 1888, № 93—100, с. 357.

⁶ Там же, с. 376.

⁷ Вули Г. Восхождение на Дых-Тау. — Альпийский журнал, 1890, № 109, с. 177—178.

ры⁸, ярко отражалось общественное единство членов балкарских фамилий. Умение встретить гостей — путешественников, оказать требуемую помощь и поддержку связывалось горцами с понятиями чести семьи и фамилии. Не случайно С. Анисимов указывал, что благодаря гостеприимству «и возможно путешествие в горах Кавказа».

Первые известия о проводничестве в изучаемом регионе относятся к 1828 году, когда царское правительство после присоединения Кавказа к России в ходе Кавказской войны заинтересовалось горными перевалами Карачая, открывавшими более короткие пути в Абхазию. Для знакомства с окрестностями Эльбруса и высокогорными районами Карачая был организован военный поход во главе с командующим войсками на Кавказе и в Черноморье Георгием Арсентьевичем Емануелем. К военной экспедиции присоединилась группа ученых в составе геофизика Адольфа Яковлевича Купфера, физика Эмиля Христиановича Ленца, зоолога Эдуарда Менстрие, ботаника Карла Андреевича Мейера, тюрколога Яноша Кароя Бессе и архитектора Иосифа Бернардацци, отправившихся для изысканий «по части зоологической, ботанической и минералогической»⁹. Проводником оказался житель карачаевского села Хурзук некий Киллар, единственный из всей экспедиции достигший вершины Эльбруса.

В 1849 году анонимный автор путевого очерка «Поездка к южному отклову Эльборуса» уделил немало теплых и благородных слов проводникам — карачаевцам и балкарцам, отнесшимся к нему «с величайшей заботливостью».

Английские альпинисты Фрешфильд, Дуглас, Тукерт и Мур, посетившие Урусбиевское общество в середине июля 1868 года, весьма лестно отзывались об Ахие Соттаеве, его крепком физическом здоровье и необыкновенной выносливости. Удивила их и личность Исмаила Урусбиева, проинформировавшего альпинистов о сложностях восхождения и сопровождавшего гостей к подножию Эльбруса.

---

⁸ Материалы полевых этнографических исследований, проводимых нами в 1970—1975 гг. в Баксанском ущелье и в Карачае. (Личный архив автора).

⁹ Подробней об этой экспедиции см. статью Н. В. Соколовой «Эльбрусская экспедиция Академии наук 1829 года» (Ученые записки КБНИИ, Нальчик, 1965, т. 23).

29 июля 1874 года тот же Ахия и один из членов фамилии Жаппуевых оказали большую помощь англичанам Грове, Уоккеру, Муру и Гардинеру, также удачно поднявшимся на Эльбрус.

Нам не удалось выяснить фамилию баксанца Молая, который буквально спас в 1884 году жизнь венгерского ученого Морица фон Деши и сопровождавшего его швейцарского проводника. Этот, как характеризует его С. Давидович, «здоровый, солидный горец, с физиономией, внушающей доверие», вынес на себе всю тяжесть их экспедиции.

Надежно и уверенно чувствовали себя при штурме Эльбруса сопровождаемые четырьмя проводниками-балкарцами (к сожалению, упоминается имя лишь одного из них, некоего Жаная) путешественники Д. Л. Иванов и Е. В. Павлов, о чем они сообщили на общем собрании Русского географического общества 3 октября 1884 года.

Чуткость и взаимопонимание проявили урусбиевцы, помогая подняться на Эльбрус известному военному топографу Андрею Васильевичу Пастухову. В книге С. Анисимова «От Казбека до Эльбруса» читаем, что «при первых своих попытках Пастухов терпел неудачи. Этот самоотверженный альпинист на ледяных полях Эльбруса не раз обессиливал и падал без сознания, а сопровождавшие его горцы клали на бурку и стаскивали вниз. Но, очнувшись, Пастухов снова шел, пока не падал снова».

Во время второго восхождения на Эльбрус 26—29 августа 1896 года А. В. Пастухову активно помогал Аккаш (акъкъаш — белобровый.— А. М.) Адухович Тилов¹⁰. Правда, Пастухов называет его Акбаем и отмечает, что из четырех носильщиков и студента петербургского университета, входивших в группу, восхождение осилили только он (Пастухов.— А. М.) и Аккаш.

Заинтересовавшись Аккашем и остальными тремя носильщиками, Д. Таумурзаев разыскал старейших представителей фамилии Тиловых и выяснил, что Аккаш был «весьма энергичным и крепким человеком». Обессилившего Пастухова он почти на руках донес до вершины. Сам Пастухов жил в доме Аккаша и до восхождения и после в течение трех месяцев. Долгое время у

---

¹⁰ Пастухов. Сведения о восхождении на Эльбрус. — Русские ведомости, 1897, № 125, с. 3.

Тиловых даже хранились фотографии, сделанные самим Пастуховым.

Современники и друзья Пастухова вспоминают о нем, как о большом любителе путешествий, рассказывают о его восхищении гостеприимством баксанцев, жизнью и бытом горцев, его близких друзей-проводников. Они свидетельствуют, что симпатии Пастухова к Эльбрусу и к этому краю явились причиной того, что он завещал похоронить себя на той стороне Машука, откуда виден Эльбрус. Он умер в 38 лет и был «погребен, по его желанию,— читаем в журнале «Землеведение»,— на вершине Машука».

С благодарностью запомнил имена своих проводников Н. В. Поггенполь. Ими были Молай Терболатов, Аппай Ахкобеков и Исса Казаков из Урусбиевского общества.

Вряд ли была бы возможна экспедиция 1909 года, считает Ф. И. Горепекин, если бы не содействие местных жителей¹¹.

Верным другом оказался, даже исполняя роль носильщика, Бачай Исмаилович Урусбиев, потомок старшего атаула Али, в экспедиции 1910 года профессора Варшавского университета В. В. Дубянского¹².

В 1912 году всю тяжесть перехода через перевал в Закавказье разделили с С. Я. Голубевым Сеид Хадживев и Кичи-Батыр Кайгермазович Будаев.

Несмотря на занятость и недомогание, в 1913 году, через год, С. Я. Голубева по ущельям Балкарии сопровождал Хаджи-Мырза Бий-Асланович Урусбиев, потомок Келемета из среднего атаула Урусбиевых¹³.

Поднимаясь на «Жилкъын Акъгъан», С. Анисимов, полностью доверившись проводнику Малкаруку (фамилии он не приводит.— А. М.), с нежностью и благодарностью думал: «Малкарук необычайно серьезный и верный человек», человек, в котором не может быть сомнения.

В кавказоведческой литературе немало признательных упоминаний о проводниках на Казбек из ингушской

---

¹¹ Горепекин Ф. И. По горам Терской области. Владикавказ, 1910, с. 64.

¹² Протоколы заседаний Общества естествоиспытателей при Императорском Варшавском университете. Варшава, 1912, т. 23, с. 278.

¹³ Голубев С. Я. Экскурсии по Центральному Кавказу.— Ежегодник Русского географического общества, М., 1914, вып. 10.

фамилии Бузуртановых: Исааке, Яни и Муссе, живших в селе Гвилети.

Благополучными оказались путешествия В. Ф. Новицкого, которому помогали проводники-кабардинцы Кала-Гирей и Хаджи-Омар. Последний родом из Кармово (Каменномостское. — А. М.).

Сотрудник Ботанического музея Академии наук Н. А. Буш не раз с благодарностью вспоминал своего помощника в экскурсиях по Карачаю — Ахию Семенова.

И гости никогда не забывали своих помощников, с теплотой отзываясь о них в своих воспоминаниях. Как легенды, бытуют в горах рассказы об английских альпинистах, приславших в знак благодарности Исмаилу Мырзакуловичу Урусбиеву из Лондона блестящий штуцер, нарезное крупного калибра охотничье ружье, о наркомое просвещения Н. Крыленко, подарившем своему проводнику, уже пожилому человеку, Тахиру Кочкарову двуствольное ружье, о проводниках из фамилий Тиловых, Соттаевых и Байдаевых, бывавших по приглашению в гостях у своих друзей-путешественников — известных ученых, художников, врачей и т. д. в Пятигорске, Кисловодске, Нальчике, Владикавказе.

...Первым сюрпризом для путешественников был поселок Хасаут (по-балкарски Ысхауат), образовавшийся после крестьянской реформы из переселенцев балкарских ущелий, Карачая и Кабарды, хотя по поводу этнического состава этого населенного пункта были и другие точки зрения, в частности В. Ф. Новицкого, считавшего Хасаут только карачаевским поселением.

Здесь, в окрестностях Хасаута, даже бывавшие в Швейцарии, Франции и Италии И. И. Иванюков, М. М. Ковалевский и фотограф Д. И. Ермаков буквально были ошеломлены. «Удивительно, поразительно — раздавалось среди нас, — читаем в очерке. — Путники слезли с лошадей и улеглись на краю обрыва. Напоминания Азамата (одного из проводников. — А. М.), что надо ехать, что путь на сегодняшний день еще длинен, — не действовали. Только часа два после торжественного созерцания мы двинулись дальше».

В самом поселке гости были приняты в доме Джерешитневых, ознакомлены с достопримечательностями местности и села, с историей его заселения; им показали национальные танцы, исполнили исторические, трудовые и лирические песни.

Затем состоялся трудный и опасный переход через

Шаукам и Кыртык к Урусбиевскому поселку, где снова бесконечные восхищения и удивление Адыл-суу, Адыр-суу, Эльбрусом и цепью соседних снежных вершин.

И вот Урусбиево. Родственники и соседи радостно встречают долгожданных гостей князя. Прославленная кунацкая Исмаила Мырзакуловича. Гости пленяются гостиней Урусбиевых, радушным приемом хозяев, пришедшими сюда сельчанами, постоянно удивляющим их Исмаилом, его статной и цветущей фигурой, познаниями в области истории, литературы, фольклора.

Надо заметить, что во время пребывания гостей в том или ином ущелье Балкарии их непременно познакомили с достопримечательностями и историческими памятниками этих мест, старались разнообразить их досуг. Так, уже на следующий день Исмаил Мырзакулович организовал для гостей экскурсию на «Кругозор», где специально для Танеева был дан «концерт» национальной музыки. Исмаил виртуозно играл на балкарском музыкальном инструменте «къыл къобуз», Танеев же поддерживал его игрой на скрипке.

Трудно было найти в Приэльбрусье уголок, куда бы Исмаил Урусбиев не приводил профессора Ивана Васильевича Мушкетова, изучавшего ледники Эльбруса и Азау.

Летом 1886 года Бий-Аслан и Исмаил Урусбиевы познакомили другого путешественника — С. Давидовича сначала с окрестностями своего «аула, которые весьма живописны», а потом они совершили экскурсию на Адыр-суу, в сосновый лес при впадении р. Адыр-суу справа в Баксан, «Тонгуз-орун гитче чат башы» по правому берегу р. Баксан, «Тонгуз-орун кел» и т. д.

Во дворе дома аталыка Бий-Аслана Урусбиева гостя развлекали стрельбой по мишеням. И баксанцы, по словам С. Давидовича, «стреляют метко: на расстоянии трехсот шагов ни одна пуля не вышла из мишени величиною в квадратный аршин».

Сын чегемского старшины Султан познакомил С. Анисимова и его брата с чегемскими башнями, живописными местами «Айры Агъач», «Асан Сырты», «Бозтан», «Гара Тюзю», памятниками христианских погребений.

Приезжим гостям балкарцы нередко организовывали охоту на туров, во время преследования зверя или отдыха создавая им необходимые условия. Н. П. Тульчинский, сам не раз охотившийся в балкарских горах, писал, что

«когда охотник охотится с гостем, то первый выстрел обязательно предоставляется последнему, хотя бы он был гораздо моложе охотника»¹⁴.

Бывая в Чегемской сельской общине, Н. П. Тульчинский останавливался у Муссы Барасбиева, у которого была привычка, рассказывая о чем-либо, показывать все на месте. Так, слушая рассказ о появлении сословий в этом ущелье, вспоминает Тульчинский, ему посчастливилось увидеть много живописных и ценных, с точки зрения истории, мест этого «уголка Кавказа».

Организовывать времяпрепровождение и досуг гостей, естественно, приходилось и в вечернее время. Большинство путешественников в этом отношении с похвалой характеризовали Исмаила Мырзакуловича. По словам С. Давидовича, с ним можно было беседовать на разнообразные темы: «Геологию, археологию и историю Северного Кавказа он знает весьма основательно и обладает замечательной археологической коллекцией... Голова Исмаила всегда занята гипотезами о заселении и геологическом образовании Северного Кавказа, и когда он с жаром и увлечением начнет развивать свои любимые и подчас весьма остроумные теории, мне невольно думалось: какой, может быть, блестящий ученый вышел бы при других условиях из этого горца».

С. Давидович интересно, в беседах проводил время и с сыном Исмаила Сафаром, уже выпускником Петровско-Разумовской академии. Весьма эрудированный, знаток русского языка и литературы, компетентный в вопросах истории края и Российского государства, сельском хозяйстве, медицине, он произвел особое впечатление на этого, можно сказать, въедливого, критически ко всему относящегося и очень щепетильного гостя, одного из тех людей, о которых в Баксане говорили: «У гостя глаза велики», в Чегеме и Балкарии: «Этот из тех гостей, что сидит мало, да видит много», в Хуламе, Безенги: «Гость недостаток сразу замечает» и «Из тех, кто мало сидит, да много наблюдает».

В дореволюционной литературе часто встречаются высказывания и об Наурузе Исмаиловиче Урусбиеве, который мог неповторимо рассказать горскую легенду, воспроизвести и проанализировать содержание исторической или героической песни, вспомнить о восхождении на Эльбрус, случаи, происшедшие с путешественни-

¹⁴ Тульчинский Н. П. Пять горских обществ..., с. 203.

ками, ранее бывавшими в ущелье, о приключениях на охоте.

Очерк Д. Л. Иванова свидетельствует о том, что Урусбиевы очень много рассказывали автору и его попутчику Е. В. Павлову об уже складывавшейся истории восхождения на Эльбрус, о происхождении ледников и о различных геологических и географических особенностях Приэльбрусья.

В 1917 году в «Кавказских курортах» В. В. Дубянский писал: «Фамилия Урусбиевых на Северном Кавказе бесспорно принадлежит к числу тех немногих туземных фамилий, которые приобрели почетную известность далеко за пределами родных гор и России»¹⁵.

Надо заметить, что, работая над проблемами данной книги и изучая литературу дореволюционных авторов, мы встречали множество и других похвальных слов в адрес представителей баксанской фамилии Урусбиевых, некоторые из которых хотелось бы также привести. В 1867 году Магомед Урусбиев сопровождает из Пятигорска в верховья Баксана и далее в Сванетию археологов братьев Нарышкиных, «глубоко» знакомя их с памятниками культуры, «старинны» и материальным бытом народа¹⁶.

Убедительно характеризовали Урусбиевых отзывы в оставленной в 1868 году английским альпинистом Фрешфильдом переплетенной тетради всех тех, «кто бывал в Урусбиеве и останавливался в кунацкой»¹⁷. Эту тетрадь с записями многих «ученых, художников, писателей и альпинистов, русских, англичан, немцев, французов, итальянцев, испанцев, венгров и других национальностей»¹⁸ в 1927 году видел в семье Урусбиевых С. Анисимов.

Д. Л. Иванов с доктором Е. В. Павловым, после отдыха в Кисловодске, в 1884 году решают совершить восхождение на Эльбрус. Свидетелем их предприятия, помощником в подготовительных работах, выработке мар-

---

¹⁵ Дубянский В. В. К портрету князя Науруза Исманловича Урусбиева. — Кавказские курорты, Пятигорск, 1917, № 10, с. 118—

¹⁶ Отчет гг. Нарышкиных, совершивших путешествие на Кавказ (Сванетию) с археологической целью в 1867 году. — Известия Императорского Русского археологического общества. СПб., 1877, т. 8, вып. 1—5, с. 326.

¹⁷ Анисимов С. От Казбека к Эльбрусу, с. 93.

¹⁸ Там же.

шрута, а также одним из проводников был Хамзат Урусбиев. Именно под впечатлением всего происходящего Д. Л. Иванов писал, что «в ауле князей Урусбиевых всякий путешественник может рассчитывать на самый радушный прием, добрый совет и искреннее содействие...»¹⁹.

На заседании альпийского клуба в Лондоне 7 февраля 1888 года много лестных слов было сказано Д. Фрешфильдом о жителях Урусбиево, о их весьма необходимой помощи туристам и альпинистам, о знаменитой кунацкой Урусбиевых²⁰.

Через 19 лет после путешествия в Балкарию М. М. Ковалевский с благодарностью вспоминал Исмаила Мырзакуловича Урусбиева: «Неисчислимую пользу оказало мне дружеское расположение одного из местных князей, а именно князя Урусбиева»²¹.

Петербуржец Николай Васильевич Поггенполь, совершивший в августе 1897 года переход из Сванетии в ущелье Баксана, вспоминал: «В гостеприимном доме князей Урусбиевых, в ауле того же имени, провел часы полуденной жары».

Один из гостей Урусбиево в 1899 году Н. Тавлинов писал о встрече с Наурузом Исмаиловичем Урусбиевым, что она была «самая радушная».

Блестяще обеспечит возможность изучения Приэльбрусья, создаст максимальные для отдыха условия, будет квалифицированным проводником в августе 1910 года экспедиции профессора Варшавского политехнического института В. В. Дубянского Бачай Урусбиев.

Выразил признательность за прием Урусбиевым В. Ф. Новицкий, подробно описавший кунацкую хозяев, ужин и обслуживание гостей. В. Ф. Новицкий, встретив здесь же И. Я. Акинфиева и еще нескольких незнакомых ему людей, невольно подумал, сколько же путешественников и туристов останавливается за сезон в этой уютной кунацкой.

А. С. Анисимов следующим образом характеризовал Науруза Урусбиева: «У меня в Урусбиеве был старый знакомый и приятель, интеллигентный горец Науруз Урусбиев». Кстати, Анисимов в кунацкой Науруза встретил живших там более трех недель художниц М. Н. Иль-

¹⁹ Иванов Д. Л. Восхождение на Эльбрус, с. 475—476.

²⁰ Альпийский журнал, Лондон, 1888, № 100, с. 501—502.

²¹ Ковалевский М. Поклонение предкам у кавказских народов. — Вестник всемирной истории, СПб., 1902, № 3, с. 3—4.

ину и англичанку Чемберс, писателя из Москвы В. П. Обнинского, занимавшихся каждый своим творчеством ²².

18 июля 1913 года в этой же кунацкой долго за полночь засиделись Науруз Урусбиев и С. Я. Голубев, зарабатывая, изменяя и уточняя разработанный ранее ученым-путешественником план экскурсий по Центральному Кавказу.

В разнообразных по профилю публикациях и в памяти горцев остались рассказы о радушном приеме гостей другими фамилиями Баксана и Балкарии, а также целыми селами.

Достоинно встречали гостей Езюр, Шимауха и Гиляу Ахматовы, Омар и Али Узденовы из Баксана, Даут Болдуев и Байда Бапинаев из Гунделена, Атаби Кулиев из Булунгу, Осман Калабеков из Чегема, Сосу Кайгермазов из Ташлы-Тала, такие села и поселки, как В. и Н. Ишканти, Сауту, Чегет-эль, Кашкатау, Безенги, Шыкы, Кара-суу, Орсундак, Суу-сузла, Гюдюргю, Жанхотеко, Озаруково, Эльжурту, Кочкаровский и т. д.

С. Я. Голубев был также гостем домов Этезова из Гирхожана и Али Будаева из В. Баксана.

В июле 1881 года М. З. Кипиани остается в восторге от мухольцев и, в частности, от Хажы-Мырзы Шаханова²³. В первой половине одного из июльских дней 1899 года жители Мухола пришли к общественной кунацкой²⁴, чтобы приветствовать приехавших поздно ночью К. Саввича-Заблоцкого и доктора геологии Пятницкого²⁵.

В этом же году поселок Тюбен-эль встречал английских альпинистов Моммери, Коккэна и Вули, в 1910-м принимал группу итальянцев, в 1911-м — В. В. Дубянского и П. Г. Лысенкова, совершивших восхождение на Дых-Тау, в 1912-м Кара-суу — В. В. Дубянского и П. Г. Лысенкова.

В честь известного исследователя горных пород, геолога, путешественника Д. Белянкина в 1914 году летним

²² Анисимов С. От Казбека к Эльбрусу..., с. 93—94.

²³ Кипиани М. З. От Казбека до Эльбруса. Путевые очерки Владикавказ, 1889, с. 5.

²⁴ Гостей, прибывавших в ночное время, как правило, устраивали в общественной кунацкой и считали гостями всего села

²⁵ Саввич-Заблоцкий К. В верховьях р. Черка — Землеведение. М., 1900, кн. 4, с. 88.

днем на безенгиевском ныгыше собралось местное общество. Безенгиевцы любезно предлагали свои услуги, помогли устроиться, познакомили с ущельем.

Радушно принимали путешественников и на кошах, горных стоянках пастухов. Так, К. Саввич-Заблоцкий и Пятницкий провели два дня на одном из кошей Верхней Балкарии. Пастухи были внимательны к гостям и, несмотря на усталость после тяжелого рабочего дня, легко и с желанием обслуживали гостей. «Хозяин зарезал в честь нашего прихода барана...» — вспоминал Саввич-Заблоцкий, остальные же члены коша привели в порядок нашу одежду, занялись лошадьми. И не было вопросов о том, кто эти люди — гости, куда и зачем идут, и лишь на прощание старший коша поинтересовался, нужна ли какая помощь²⁶.

Все это было и в данной экспедиционной поездке. Находясь под впечатлением теплого приема, гости успешно проводят свои научные исследования. М. М. Ковалевский изучает жилища, хозяйственные постройки, обстановку кунацких-отоу, интересуется семейными отношениями, вопросами обычного права. В первую очередь ученый замечает, что дом Исмаила, т. е. кунацкая, отличается от традиционных построек, богаче и благоустроенней, чем у других горцев. Это помещение из толстых сосновых бревен длиной до 20 и шириной до 5 метров, украшено тонкой резьбой, изречениями из Корана. Очаг напоминал М. М. Ковалевскому искусно устроенный камин. Стены были украшены персидскими коврами и старинным кавказским оружием.

Описание этой же кунацкой дополнил позже Н. Тавлинов: «Обширная сакля построена из колоссальных сосновых бревен. В передней стене ее, в самой середине, устроен красивый очаг с высокой открытой трубой (камин.— А. М.); в боковых стенах вделаны в несколько рядов полки с причудливой восточной резьбой, на задней стене по всем полкам навалены груды перин, красивых шелковых одеял и подушек, которые тщательно заправлены азиатскими покрывалами»²⁷.

Еще более современным выглядел дом и был прием Хамзатом Урусбиевым, отставным офицером русской армии, получившим образование в Петербурге, извест-

²⁶ Саввич-Заблоцкий К. В верховьях р. Черека..., с. 105.

²⁷ Тавлинов Н. В горах Баксанского ущелья. — Природа и охота, М., 1900, кн. 2, с. 25.

ного журналиста газеты «Терские ведомости» Евгения Баранова. Хамзат Мырзакулович, долгие годы живший в России, бывавший в Швейцарии, Италии, Германии, Польше, ведший светский образ жизни, соответственно встретил и Е. З. Баранова в своем доме, расположенном на живописном берегу Баксана рядом с сыроваренным заводом, открытым им после посещения Швейцарии. Е. З. Баранов вспоминал об этой встрече: «Хамзат, со свойственной горцам любезностью, пригласил меня переночевать у него, и я с радостью согласился. Выйдя на балкон сыроварни (дом Хамзата как бы был продолжением сыроварни.— А. М.), мы застали шумевший самовар, небольшой азиатский на трех ножках столик, покрытый безукоризненно чистой скатертью с симметрично расставленной на нем посудой...»²⁸

В «приятной беседе с гостеприимным Хамзатом», продолжает Баранов, они просидели до полуночи.

Кунацкие большинства князей и зажиточных семей каракишей были похожими друг на друга, отличаясь лишь только некоторым убранством. С. Давидович обратил внимание, что в кунацкой аталыка Бий-Аслана Урусбиева имелось «много диванов с тюфяками и подушками. Стены были увешаны коврами домашней работы и оружием...».

Кунацкая чегемского старшины по описанию ряда путешественников начала XX века была также украшена средневековым оружием, коврами и паласами. На полках вдоль стен хранились постельные принадлежности. Близкими к этому описанию, но, конечно, намного бедней выглядели кунацкие-отоу простых балкарцев.

Сравнивая свои первые наблюдения в Хуламе и Чегеме с рассказами урусбиевцев, их отношение друг к другу, Ковалевский выделяет факт привилегированного положения в горской среде родственников по материнской линии. Подобное явление на примере произведения римского историка Тацита «Германия» было проанализировано Ф. Энгельсом: «Здесь мы имеем живой пережиток рода, организованного в соответствии с материнским правом...»²⁹ И далее: «Брат матери смотрит на своего племянника как на сына, а некоторые даже считают кровные узы, связывающие дядю с материнской стороны

²⁸ Баранов Е. З. Баксанское ущелье.— Кавказ, 1891, № 336, с. 6.

²⁹ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства.— Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 135—137.

и племянника, более священными и тесными, чем связь между отцом и сыном...» Ф. Энгельс приводит факты, когда более тяжким преступлением, нарушением «священнейшего родового права» считалось невыполнение торжественного обязательства по отношению к сыну сестры в сравнении со своим.

У балкарцев и карачаевцев «особая близость детей сестры», сохраняющаяся и в наши дни, отражается в образных народных поговорках: «Родившийся от сестры заласканным бывает» и «Если придет сын сестры, то центральный столб дома и то оживится»³⁰.

Интересно, что среди «мстителей» в Балкарии отдаленных времен ведущее место занимал и дядя по материнской линии. «Отметим ту любопытную черту,— читаем у Ковалевского,— что в числе ищущих кровомщения, при отсутствии других родственников, встречается и дядя по матери». М. М. Ковалевский, кроме того, касаясь выплаты части кровного выкупа дяде по материнской линии пострадавшей стороны, останавливается и на проблемах самого института кровной мести. По мнению М. М. Ковалевского, кровная месть представляла явление универсальное и была характерна всем народам на определенном этапе их развития. Позже в работе «Закон и обычай на Кавказе» (М., 1890, т. 2, с. 115) он заметит, что у алан, одного из основных компонентов, принявших участие в этногенезе балкарцев, «отомщение составляет священную обязанность людей», и не выполнившие своей миссии, по воззрениям Сасанидов Ирана, связанных с ними племен и потомков, презирались и считались «незаконнорожденными». Культ предков, в данном случае, по Ковалевскому, как иранское влияние на балкарцев, требовал подходить к мести, как к удовлетворению прихотей предков в загробной жизни, их задабриванию. И невыполнение священного долга рассматривалось с точки зрения навлечения на пострадавшую семью и родственников различных несчастий, болезней и невзгод. Соглашаясь с той ролью, какую играл, в характеристике Ковалевского, культ фамильных предков в жизни горских народов Кавказа, мы считаем его связанным с периодом противопоставления одной группы ближайших родственников соседним, т. е. с появлением патро-

---

³⁰ Певская В. П., Студенецкая Е. Н., Шаманов И. М. Общественный быт. — В кн.: Карачаевцы. Черкесск, 1978, с. 197.

ними. Через поклонение предкам народы Северного Кавказа, и в том числе балкарцы, как бы поклонялись семейному очагу, его благополучию. По всей вероятности, первоначально поклонялись только родоначальнику, что как бы определяло в сознании людей единство происхождения, затем это стало связываться и с материальной стороной жизни. Еще в XIX веке у адыгейцев «существовало суеверное представление, связанное с надочажной цепью», заключающееся в том, что если семья лишится цепи, разрушится ее основа³¹.

В горской семье, будь то осетинской, кабардинской или балкарской, старшего уважали за то, что он являлся как бы хранителем тукумных традиций.

У абазин тамга, как «фамильная реликвия», замечает Е. Н. Данилова, хранилась в доме старшего.

Старики Хуламо-Безенгийского ущелья вспоминают рассказы отцов и дедов о том, что было время, когда невесту подводили к очагу главного дома тукума, поскольку считалось, что необходимо, мол, разрешение предков на брак³².

По данным Н. Раздорского, в станице Солдатской Терской области невеста, если у нее уже не было родителей, «благославлялась» на кладбище у их могил³³.

Именно исходя из культа своих тукумных предков, балкарцы, осетины, чеченцы и ингуши еще в XIX веке придерживались порядка, по которому после мести или получения выкупа родственники как бы оповещали покойника о выполнении своего долга³⁴. Религиозная природа мести, характеризовавшая в раннее средневековье арабов, племена моравских славян, салических франков, германцев, исландцев³⁵, определяла важнейшую черту патронимий и «фамилий» — родственную солидарность, а не наоборот, как это считали некоторые исследователи кровной мести. Ибо создание родственных организаций и групп семей они ошибочно считали не

³¹ Меретуков М. А. Семейная община у адыгов. — Ученые записки Адыгейского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Краснодар, 1965, т. 4, с. 149.

³² Материалы полевых этнографических исследований 1969 года.

³³ Раздорский Н. Семейный и общественный быт в станице Солдатской. — Терские ведомости, 1909, № 16, с. 3.

³⁴ Материалы полевого этнографического опроса в селах и поселках Чегемского и Баксанского ущелий 1974 г.

³⁵ Ковалевский М. Современный обычай и древний закон. М., 1886, т. 2, с. 14—16.

естественным, а искусственным процессом. Так, исследователь осетин С. Каргинов писал: «Для этой цели требовалось образование более крупных союзов, и, естественно, такими являлись союзы между лицами, физическое родство которых хотя было и отдаленно, но все же сохраняло в памяти происхождение от общего родоначальника или предка»³⁶. На наш взгляд, прав М. М. Ковалевский, по мнению которого первым ограничением на пути кровной мести был утвержденный самой жизнью закон равного возмездия. Действительно, на незначительных территориях горных ущелий непрекращающиеся междоусобия семейных общин и патронимий не оправдывали себя. Жизнь, по сути дела, рядом означала постоянное столкновение враждующих сторон и уничтожение друг друга.

Получившая дальнейшее развитие частная собственность послужила толчком к замене сначала в ряде случаев кровной мести выкупом «къан тѣлеу», т. е. системой композиций.

Особо прочно новые порядки укрепились с приходом в горы основного этнического компонента балкарцев — кипчаков. Неудивительно, что Ковалевский указывал: «На примере балкарцев мы покажем возможность почти всецелой передачи пришельцами-завоевателями обычного права покоренной ими народности»³⁷. К этому периоду мы относим формирование церемониала примирения, опирающегося на материальное вознаграждение.

Но тем не менее кровная месть и в течение XIV—XVII веков имела широкое еще распространение. В 1715 году Вахушти в «Географии Грузии» писал, что убийство члена одной фамилии кем-либо из другой в Балкарии и Осетии «поднимает на ноги всю первую фамилию, которая не успокаивается до тех пор, пока не выместит за свою кровь кровь же»³⁸. Важно, что выполнение обязанности кровной мести контролировалось общественным мнением. «Пока не отомстят кровью за кровь,— читаем в «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа»,— родственники убитого чувствуют себя

---

³⁶ Каргинов С. Кровная месть у осетин. — СМОМПК, Тифлис 1915, вып. 44, с. 173.

³⁷ Ковалевский М. Современный обычай..., с. 79.

³⁸ Известия грузинских летописцев и историков о Северном Кавказе и России. — СМОМПК, Тифлис, 1897, вып. 22, с. 69.

приниженными в обществе, в глазах которого неисполнение этого обычая слывет за крайний позор»³⁹.

Выкупом в те времена, как правило, довольствовались семьи, в которых не было взрослых мужчин, или малочисленные тукумы. И поэтому, видимо, как воспоминание прошлого в Балкарии XIX века выкуп пострадавшей стороной брался после неоднократных просьб медиаторов. «Родственник не сразу может согласиться на выкуп,— указывал М. М. Ковалевский,— а только после добровольного уничтожения себя обидчиком...»⁴⁰

С течением времени, с внедрением в быт законов шариата, присоединением к России, изданием царской администрацией приказа 1859 года о категорическом запрещении кровной мести она постепенно сводится до минимума. Поэтому уже в конце XIX века И. Леонтьев, заинтересовавшийся этим вопросом, вынужден был признать, что она почти отсутствует.

Вира, ставшая стоимостью крови, находила выражение сначала в натуральной, затем больше в денежной форме.

Тем не менее в 1883 году М. М. Ковалевскому и В. Ф. Миллеру пришлось почти быть, можно сказать, свидетелями случая кровной мести в Чегеме. Подъезжая к дому старшины Али-Мурзы Балкарукова, они узнали о только что произошедшем тяжелом ранении одного из жителей села подростком, защищавшим честь своего отца.

Собиравшийся нами в течение многих лет полевой этнографический материал свидетельствует, что обычай кровной мести мог наблюдаться среди всех слоев населения и что любое правонарушение могло повлечь за собой повод к мести: оскорбление личной, семейной или фамильной чести, неприкосновенность собственности, захват надочажной цепи, отказ от брачного договора, прелюбодеяние и, естественно, убийство. У чеченцев и ингушей, рассказывают, ссылаясь на своих отцов и старейших односельчан, Бузуртанов Хаджибикар Абукарович (1921 г. р.) и Арчакова Лали Аюповна (1911 г. р.) из сел. Насыр-Корт, в предреволюционные годы наиболее типичными причинами кровной мести были нанесение телесной раны (если появлялась кровь), умы-

³⁹ Каргинов С. Кровная месть у осетин, с. 181.

⁴⁰ Ковалевский М. Современный обычай..., с. 17.

кание засватанной невесты, пощечина мужчине, клевета.

В Чегемской сельской общине в связи с оскорблением Муссой Ахматовым жены Кубади Ахматова совершилось убийство, в результате которого родной брат Муссы мстит Кубади. Однако вмешательство старших патронимии и старейшин этой многочисленной фамилии остановило братоубийство. Правда, если такие случаи могли произойти редко между односельчанами, то еще реже — между родственниками, хотя разногласия и бывали. Один из первых эту мысль высказал в 30-е годы XIX века П. Зубов, указывая, что родство удерживало людей «от взаимных обид»⁴¹.

Мы в принципе согласны и с Ковалевским, отрицавшим кровную месть в родственной среде: «Неприменимость мести и выкупов к преступлениям, совершенным над близкими родственниками, составляет общую черту в быте кавказских горцев...» Убедительно его объяснение в одной из последующих работ на примере пшавов: «...не удивительно, если преступные действия, совершенные в родственной среде, оставляемы были без последствий. Сыноубийца, как и отцеубийца не могли сделаться предметом мести, так как в противном случае роду предстояло бы понести новую потерю, не вознаградив прежней»⁴². Кровная месть в данном случае противоречила интересам семьи, патронимии, всей фамилии. С. Каргинов, досконально изучивший данный вопрос у осетин, писал: «Мщение за кровь не допускается обычаем между членами рода, так как тогда для рода получалась бы в итоге двойная потеря (убитого и убийцы). Отсюда и поговорка: никто самому себе не враг»⁴³.

По закону же не принято было мстить отцу, убившему своего сына, брата или сестру, а также наоборот. Но подобного рода убийц зато осуждали и избегали односельчане. В Черекской общине известен случай, когда такого убийцу забросали камнями. Сотруднику газеты «Коммунизмге жол» Д. Таумурзаеву удалось в Верхней Балкарии записать историю фамилии Мусуковых, ставшую легендой. Некогда родные братья Мусуковы Шакка и Чакка, отправившись со своим двоюродным братом (имя его не известно.— А. М.) на равнину для продажи

⁴¹ Зубов П. Картина Кавказского края..., с. 41.

⁴² Ковалевский М. Современный обычай..., с. 118.

⁴³ Каргинов С. Кровная месть у осетин..., с. 184.

скота, ограбили и убили его, а сами скрылись в неизвестном направлении, не подавая о себе больше никогда известий. Когда жамауат решил удалить с похорон отца преступников, вмешалась мать убитого. «Этибизни кеси итлерибиз ашагъандыла», — сказала она. — «Оставьте его, свои собаки съели наше мясо».

И сейчас, что-либо осуждая, в Черекском ущелье говорят: «Шакка бла Чаккача, не ишти бу» — «Что это за дело, как у Шакки и Чакки». В других ущельях родственников-кровников характеризовали следующим образом: «Къан бермез киши ёлтюрдю» — «Тот убийца, у которого ничего не затребуешь».

Интересно, что в Осетии «исполнение приговора о смертной казни возлагалось на родственников самого осужденного — отца или старшего брата». В. Пфаф и А. Х. Магомедов объясняют это опять-таки тем, что убийство члена семьи «не преследовалось мезьт»⁴⁴.

Балкарское общество не прощало те фамилии, где внутри имелись случаи кровной мести. З. Д. Гаглоева пишет, что у осетин, а мы бы добавили и у балкарцев, кабардинцев, абазин и ногойцев, случаи кровной мести в родственных группах учитывались при заключении браков.

Известные случаи кровной мести северокавказских народов, мы считаем, надо объяснять резкой имущественной дифференциацией семей отдельных патронимий и фамилий, существенной утратой родственных связей.

По данным М. М. Ковалевского и И. И. Иванюкова, кровную месть на себя навлекал и тот, кто позволял себе насильно ворваться в чужой дом или обидеть гостя чужей-либо семьи. Собирая полевой этнографический материал в Верхней Балкарии, Советском, Бабугенте, Верхнем и Нижнем Чегеме, мы то же самое слышали от стариков. «В голову бы не пришло балкарцу выяснять отношения с обидчиком в чужом дворе или же преследовать кровника на территории хозяйства или жилья односельчанина», — говорит по этому поводу Махмут Исаевич Гасиев (1886 г. р.) из Верхней Балкарии. «Тяжелым оскорблением семьи, членов тукума, — рассказывает Мусса Адыкович Жарашуев (1888 г. р.)

⁴⁴ Магомедов А. Х. Сельская община у осетин. — Ученые записки Северо-Осетинского государственного педагогического института (в дальнейшем СОГПИ). Орджоникидзе, 1968 т 28, вып 2, с. 349.

из Булунгу,— считались обида и издевательские насмешки, оскорбление гостя чегемца».

А если, указывает М. Ковалевский в работе «Закон и обычай на Кавказе», убийца, скрываясь от погони, попадал в центральное помещение горской семьи — «большой дом», его должны были извлечь в данной ситуации от преследования: «...ищущий убежища преступник старается прежде всего проникнуть в это помещение; раз он вошел под его кровлю, он считает себя спасенным от преследования и, по обычаю, не может быть выдан, будь он даже виновным в смерти кого-либо из домочадцев»⁴⁵. П. Зубов на примере адыгских народов это объяснял следующим образом: «Гостеприимство между народом адехе доходит до последней степени и переходит даже пределы гражданских добродетелей. Всякий, кто бы он такой ни был,— путешественник, купец, преступник, русский, татарин, еврей,— как скоро прибегнет к гостеприимству кого-либо из адехе, становится священной особою»⁴⁶.

«Личность его, как гостя,— подтверждает С. Каргинов,— считается священной, почему хозяин, у которого преступник ищет спасение, должен защищать его даже жизнью, если бы это потребовалось»⁴⁷.

Образное воплощение подобный порядок у кабардинцев нашел отражение в романе известного писателя Алима Пшемаховича Кешокова «Вершины не спят». Одна из героинь романа вдова Диса, желая насильно выдать замуж дочь Сарыму, преследует ее до дома соседки Думасары, которая, властно останавливая ее, заявляет: «Я не позволю тебе совершить злодеяние в моем доме. Она моя гостья, я защита ей...»⁴⁸

Насколько серьезно к этому относились кабардинцы, свидетельствует и такой необычный случай из этого же романа. Каспот Маремканов, совершая жертвоприношение, отвлекается на некоторое время от обрабатываемого животного, а его пес, используя, как говорится, момент, утаскивает ягненка под крыльцо соседа Кургоко Матханова. Разъяренный Каспот пытается убить собаку, но Кургоко защищает ее: «Животное ищет защиты, оно в моем доме. Уходи!»

⁴⁵ Ковалевский М. Закон и обычай..., ч. 1, с. 201.

⁴⁶ Зубов П. Картина Кавказского края..., с. 46—47.

⁴⁷ Каргинов С. Кровная месть у осетин..., с. 178.

⁴⁸ Роман-газета, М., 1967, № 4, с. 15.

В. К. Гарданов, ссылаясь на Ш. Б. Ногмова, Н. Дубровина и Хан-Гирея, писал, что у адыгов, как и у других горцев, важнейшей обязанностью хозяина в отношении гостя было не только сохранение его личной безопасности, но и «сохранение всего того имущества, с которым гость прибыл в данный дом»⁴⁹.

Однако закон гостеприимства для преступника или виновного действовал не всегда абсолютно, что в литературе впервые было отмечено П. Зубовым и что подтверждается полевым этнографическим материалом. Если односельчане знали, что такой-то член их общины похитил обрученную невесту, «обесчестил законное ложе супругов», они лишали его права гостеприимства, если он, правда, не прибегал к хитрости. И, видимо, не случайно полабские славяне отказывали в гостеприимстве нищим, считая их серьезно провинившимися у себя на родине.

Возвращаясь к анализу кровной мести Иванюковым и Ковалевским, надо отметить, что они, как и С. Каргин и другие дореволюционные авторы, упустили факт объявления кровной мести. Между тем начало вражды объявлялось главой патронимии или фамилии в доме старшего виновной стороны⁵⁰.

В сжатой форме, но глубоко и компетентно с точки зрения экономики и социологии И. И. Иванюков и М. М. Ковалевский дали понять, что в Балкарии описываемого периода никакой речи о развитой промышленности не могло и быть. Здесь господствовало полунатуральное хозяйство. «Почти все предметы первой необходимости урусбиевцы приготавливают сами...» — отмечали они. Домашние промыслы в общем удовлетворяли потребности горцев. Авторы выделили шерстяное производство, производство бурок, ковров, башлыков, сукна, войлочных головных уборов, обработку шкур и кож, добычу металла, кузнечное ремесло. Баксанцы снабжали себя почти всеми необходимыми для повседневной жизни предметами обихода. Главная причина сохранения превалирующего значения ремесла заключалась в удаленности горных аулов от больших торговых центров, сохранении в общественной жизни и быту существенных патриархальных пережитков, в медленном

⁴⁹ Гарданов В. К. Гостеприимство, куначество..., с. 39—40.

⁵⁰ Информация получена в 1973 г. в селах Большого Карачая.

проникновении в экономику капиталистических отношений. Даже в 1908 году есаул Терского казачьего войска Николай Александрович Караулов замечал: «Торговля всегда меновая. Вместо денег и теперь еще употребляют скот, зерно и кожи»⁵¹. По воспоминаниям некоторых старейших информаторов Хуламо-Безенгийского ущелья, их матерям и бабушкам не приходилось пользоваться деньгами.

Мы не ошибемся, если добавим, что и особой профессиональной специализации в балкарских ущельях еще не было. Мужчины выполняли более трудосмкую работу: в кузницах, в поле, делали предметы домашнего обихода из дерева и железа, обрабатывали кожи. Женщины же большей частью занимались домашним хозяйством и изготовлением вещей из шерсти.

Переходя к характеристике горских поселений, М. М. Ковалевский и И. И. Иванюков в первую очередь выделяют патронимические, называя их родовыми, что нами объясняется терминологической путаницей, являющейся недостатком большинства дореволюционных публикаций. Так, Н. Ф. Грабовский в статье «Ингуши» патронимические поселки называет «фамилиями» и «отдельными родами»⁵², Н. П. Тульчинский же — семейной общиной, хотя по его описанию ее члены, называя себя одним общим наименованием, живут отдельными дворами⁵³. М. В. Орлов, анализируя землепользование и землевладение в Карачае, под родовой землей «подразумевает тукумные или семейные»⁵⁴. И тут в общем-то ничего удивительного нет, поскольку в буржуазной историографии XIX века, или, как пишет М. О. Косвен, в «старой литературе», смешение терминологии и понятий было не редким явлением. Р. М. Магомедов в статье «К вопросу о семейной общине в Дагестане» винит в этом Ковалевского, Леонтовича и Комарова, М. О. Косвен в публикации «Северорусское печище, украинские сябры и белорусское дворище» — Ефименко, Лучицкого, Довнар-Запольского, Срезневского и других.

Тем не менее, надо заметить, что термин «род», из-

⁵¹ Караулов Н. А. Болкары на Кавказе. — СМОМПК, Тифлис, 1908, вып. 38, с. 144—145.

⁵² Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1876, вып. 9, с. 41.

⁵³ Тульчинский Н. П. Пять горских обществ..., с. 179.

⁵⁴ В кн.: Невская В. П., Невская Т. А. Сельская община..., с. 27—28.

вестный в русской исторической науке с «Повести временных лет», воспринимался ведущими учеными второй половины XIX — начала XX века уже не в первоначальном своем значении. А убедительней всего это подтверждается хотя бы следующим высказыванием Ковалевского: «Очевидно, что если видеть в роде группу лиц, имеющих общего родоначальника и отличающихся единством происхождения, а в сельской общине — связанных отношениями соседства и совладения разных родов, то различие между обоими сведется к тому, какое существует между кровным и территориальным союзом...»⁵⁵ Ковалевский, как видно, имеет в виду именно патронимию.

Естественно, что патронимические поселки существовали в каждом горном ущелье, но утверждать, что их было больше, чем полигенных, было бы ошибкой. Авторы верно объясняют происхождение этих поселков, считая их выселками. Разраставшиеся большие семьи делились и в связи с увеличивающейся плотностью населения в квартале переселялись на свои зимовья. И такое территориальное обособление создавало небольшие поселения, носящие патронимические наименования.

Мы вполне солидарны с Н. Ф. Грабовским, что в Балкарии и скотоводческий быт также сыграл немаловажную роль в образовании изолированных хуторов⁵⁶. Характеризуя поселки Глашевский и Башиевский Черекской сельской общины, развивает эту же точку зрения и известный грузинский этнограф Алексей Иванович Робакидзе⁵⁷.

Нельзя не согласиться с М. М. Ковалевским и П. И. Иванюковым, утверждавшими, что образование полигенных сел происходило за счет коммемдации, акта установления зависимости крестьян от феодала, хотя параллельно здесь играло роль разрастание поселений семейных общин классического типа. Примером того, как это могло быть в прошлом, может служить осетинское село Гизель, исчерпывающую характеристику которого дал преподаватель Аксаевского училища Андрей

⁵⁵ Ковалевский М. Закон и обычай..., с. 63.

⁵⁶ Грабовский Н. Ф. Экономическое положение бывших зависимых сословий Кабардинского округа. — Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1869, вып. 2, с. 20.

⁵⁷ Робакидзе А. И. Формы поселения в Балкарии. 2. Морфология поселения. — Материалы по этнографии Грузии. Тбилиси, 1963, вып. 12—13, с. 192.

Цаллогов (Цаллагов. — А. М.)⁵⁸. Несколько фамилий (Лдатовы, Мамсуровы, Теговы, Кануковы и Кундуховы) поселились сначала отдельно, но с увеличением числа семей их кварталы естественным образом соединились.

Авторов также интересовала и численность семей, которые они называют «дворами», определяя их 25 душами каждый. Здесь же в сноске со слов Магомета Урусбиева они приводят пример двора в Хуламе, где жили 183 человека. М. М. Ковалевский и И. И. Иванюков не называют описываемые коллективы большими семьями, видимо, потому, что среди них были семьи уже разделившиеся, но оставшиеся жить одним двором, ибо реально существовать в социально-экономических условиях конца XIX века семейный коллектив в 183 человека не мог бы. С другой стороны, выселение из общего двора выделившейся семьи задерживалось в связи с новым обложением налогом. Поэтому мы склонны считать, что это был коллектив разделившихся родственных семей, какой зафиксировал С. Третьяков у ближайших соседей балкарцев сванов, где «в одном роде (патронимии. — А. М.) дымов 30, то есть родичей 250 по меньшей мере»⁵⁹. Трудно согласиться и с С. Ф. Давидовичем, убеждающим читателя, что в Балкарии конца XIX века большие семьи в 70 человек — «не диво». На том этапе, на котором находились большие семьи в этот период, этапе отцовской семьи, ее средний численный состав не мог превышать 10—12 человек. В анализе данного вопроса важна и такая деталь: информатор Магомет Урусбиев видел в более широком родственном коллективе семью — настолько жизнь патронимии была схожа с семейной. Это лишнее подтверждение предположений М. О. Косвена, что патронимия в прошлом сохраняла общность движимого и недвижимого имущества, теснейшие социальные и идеологические связи.

В отношении экономической основы большесемейных коллективов М. М. Ковалевский и И. И. Иванюков утверждали, что семьи базировались на коллективной собственности, но распорядителем ее был отец — глава семьи: «Каждый двор имеет свое отдельное от других

---

⁵⁸ Цаллогов А. Селение Гизель. — СМОМПК, Тифлис, 1893, вып. 16, с. 1.

⁵⁹ Третьяков С. Сванетия. М., 1928, с. 28.

имущество, состоящее в заведывании старшего по летам...»

Анализируя большую балкарскую семью, Иванюков и Ковалевский, как и их последователи, к сожалению, не указывают процентного соотношения больших и малых семей.

Впервые по народам Северного Кавказа обобщающий анализ сохранности большой семьи, соотношения разных форм семьи делает Я. С. Смирнова в статье «Формы семьи у народов Северного Кавказа в XIX—начале XX в.»⁶⁰. Она пришла к выводу о том, что большие семьи были широко распространены в горной части Северного Кавказа и менее на равнине.

Во внешнем виде балкарских усадеб ученые нашли много общего с усадьбами осетин и других горских народов. Типичное крестьянское хозяйство включало в себя центральное жилище, пристройки для женатых пар и для хозяйственного пользования, небольшой дворик перед домом, иногда огород. Жилые помещения и хозяйственные постройки ставились плотно одно к другому. При этом всегда основное место в комплексе занимал «большой дом». Центральную часть дома, пишут они, составляет общая кухня. Сравнивая центральное жилище с римским атриумом, Ковалевский и Иванюков отмечали важную его роль «во всех действиях, совершаемых семьей или от ее имени: тут решаются вопросы об отдаче в замужество и о получении платы за кровь; нищий убежища преступник старается прежде всего проникнуть в это помещение: раз он вошел под его кровлю, он считает себя спасенным от преследования и, по обычаю, не может быть выдан, будь он даже виновником смерти кого-либо из домочадцев». Здесь праздновались фамильные торжества и устраивались поминки.

Проводимые в центральном жилище поминки авторы связывали со стремлением умиловить предков вниманием и пищей, от настроения которых зависел успех «жатвы». А мы добавим, и благополучие семьи и фамилии: «Хорошо кормимый, а потому и вполне довольный своим потомством предок не применит испослать на него из могилы всевозможные благоденствия, избавит его от засухи и града, наделит обильными урожаями; надо только молиться ему да не отказывать во

---

⁶⁰ Сов. этнография, 1981, № 1.

всем, что доставляло ему удовольствие при жизни...» Не случайно потому культ предков ими связывается и с домашним очагом. Поклонение домашнему огню у балкарцев выражалось в том, что каждая семья имела определенный день недели, когда выносить из дому огонь запрещалось, чтобы не приобщать к своему домашнему культу чужих людей.

Как пережиток древнего обычая представляет собой и поклонение надочажной цепи. Иванюков и Ковалевский писали, что к ней нельзя было прикасаться постороннему, позором считалась ее продажа, а похищение вызывало кровную месть. Правда, продажа ее в народе рассматривалась не столько как позор, сколько как предзнаменование несчастий и дурная примета.

Важность надочажной цепи в ритуальных вопросах семьи подтверждается и обязательным прикосновением к ней невесты, означавшим приобщение чужого человека к новой семье. И они (невесты.— А. М.) становились членами фамилии мужа, поскольку как бы отказывались «от участия в религиозных обрядах своего рода и переходили к обрядам мужа...»⁶¹.

Перечень запретов, распространенных в свое время у северокавказских народов (воровство у очага, зарывание кладов и многие другие), продолжает в своей обстоятельной статье «О местоположении камня в традиционном жилище народов Северного Кавказа» старший научный сотрудник Института этнографии АН СССР В. П. Кобычев.

Право пользования семейным имуществом определялось единством происхождения, общностью культа, «фактом совладения имуществом», сложившимися нормами обычноправовых отношений.

Несколько неточны М. М. Ковалевский и И. И. Иванюков в характеристике управления большой семьей, считая, что если старший по возрасту был не способен руководить семьей, то выбирали более молодого. Между тем власть в семье механически наследовалась следующим по возрасту членом семьи в случае смерти «юй таматы». Преимущество всегда было на стороне старшего, так как в народе считали его ближе к культу предков.

---

⁶¹ Энгельс Ф. Происхождение семьи..., с. 101.

В основном балкарская семья отличалась ярко выраженной деспотической властью главы семейства, и некоторое ограничение его роли имело место в неразделенных семьях, которые образовывались после смерти главы семьи — отца.

Власть отца, продолжают авторы, проявлялась и в том, что он определял каждому члену семьи работу, высказывал свое окончательное мнение в вопросах заключения брака, представлял семью во всех внешних делах и перед сельскими властями, мог наказать или изгнать из дому провинившегося, единолично управлял хозяйством и распоряжался имуществом.

М. М. Ковалевский и И. И. Иванюков ошибались, считая, что отец согласовывал с членами семьи вопросы «отчуждения семейных доходов». Семейным советом отношения регулировались лишь в коллективах, состоявших из неразделенных братьев. Если глава семьи — отец пользовался правом самостоятельного проведения любых торговых операций, то старший из братьев — только по договоренности с семейным советом.

Карательная власть главы семьи — старшего брата носила ограниченный характер и резко отличалась от отцовской: он мог наказывать только женщин и детей. Исключение «из семьи отдельных членов и изгнание последних производится не иначе, как в силу решений, принятых семейным советом».

Но зато в отношении торговли семейным имуществом отец был полностью зависим от членов патронимии и «фамилии», пользовавшихся правами тукумного выкупа и предпочтительной покупки. Состоявшееся без ведома родственников и даже соседей соглашение обязательно разрывалось. Ковалевский и Иванюков не дают объяснения соседскому выкупу, но, вероятно, он был связан с характерным для патронимии традиционным принципом локального поселения членов разделившейся большой семьи, т. е. родственники всегда жили рядом, и поэтому ближайший сосед считался как бы близким по крови.

Исследовав земельные отношения, лично осмотрев пашни, сенокосы, побывав на пастбищах, изучив документы сельского правления, авторы приходят к выводу, что пахотные и сенокосные участки являлись собственностью отдельных хозяйств, а пастбища и леса — частью общинными, частью собственными. Общинными счита-

лись наиболее отдаленные, а также присельские выгоны. Что касается лесных угодий, то в Урусбиевском обществе они принадлежали княжеской фамилии, в других — отдельным селам, некоторые участки — таубиям, а в общем — сельской общине.

Право пользования общинной собственностью — пастбищами, сенокосами, лесами, реками — объединило горцев еще в раннее средневековье в прочные коллективы соседей — сельские общества. Это время — окончательного распада родового строя, когда на основе установившихся экономических отношений определенных групп населения в ущельях Балкарии возникали общества, социальные и хозяйственные интересы которых требовали создания органов управления, выделения территории и установления на основе вырабатывавшихся норм общежития определенных законов.

При распаде родовых и установлении соседских отношений происходят изменения и в области религии горцев. Божества отдельных родов или исчезают или закрепляются за конкретной какой-то территорией, селом, семьей, затем патронимией. Преподаватель Ставропольской гимназии Сергей Васильевич Фарфоровский в принципе был прав, указывая, что в Балкарии «почти каждая речка и каждое ущелье имеет своих духов и богинь»⁶². Он упускал лишь, что одухотворение окружающей природы все более увязывалось с теми или иными семьями и фамилиями, селами, затем с сельскими общинами. Углубление в дальнейшем социальных различий в обществе приводило к тому, что «божества сильных» патронимий сельской общины в ряде случаев «начинают почитаться членами остальных, более слабых...»⁶³. По данным и нашего полевого этнографического материала, многие семьи и патронимии в конце XIX — начале XX века имели свои регулярные культовые празднества⁶⁴.

Формировались и переходили к следующим поколениям порядки и обычаи, превращавшиеся в законы обычного права — «тау адет», которые, по словам московского учителя, популярного географа Сергея Павло-

⁶² Фарфоровский С. Кавказские легенды об Эльбрусе. — СМОМІК, Тифлис, 1908, вып. 38, с. 107.

⁶³ Магометов А. Х. Сельская община у осетин. — Ученые записки СОГПИ. Орджоникидзе, 1968, т. 28, вып. 2, с. 338.

⁶⁴ Полевой этнографический опрос 1969—1970 гг. в Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии.

вича Меч, «можно назвать первым звеном, связующим людей в общество, переходным состоянием к жизни общественной».

Сельские общины, охватывающие конкретные ущелья, имели строгие границы, в качестве которых им служили громадной величины валуны, речушки, кустарники, деревья, овраги и другие, бросавшиеся в глаза места и предметы.

Попытки размежевания и захвата земель соседних сельских общин приводили к длительным распрям и тяжбам (примеры кровной вражды Хуламского и Безенгийского, Чегемского и Баксанского ущелий). Важный отпечаток на сельскообщинные отношения, их существование и живучесть откладывали географические условия, местоположение ущелий Балкарии, специфический горный ландшафт, изолированность территории.

Авторы поднимают и вопросы заселения Баксанского ущелья, появления здесь фамилии Урусбиевых и создания сельской общины. В частности, они предполагают, оперируя полученными у информаторов данными, что первым из Урусбиевых поселился на Камыке, «задолго перед этим оставленном карачаевцами», Чопеллеу. (Карачаевцы ушли из Эльжурту после 40-х годов XVII века, а Чопеллеу поселился там в 1750—1755 годах). «С Урусбиевым, — читаем дальше, — прибыли сюда и две семьи каракишей, или подчиненных им вассалов, а также незначительное число крестьян...» Действительно, вместе с Чопеллеу, а некоторые и несколько позже, в Баксанское ущелье переехали Жаппуевы, Геккиевы, Курдановы.

Здесь же, в Урусбиевском обществе, путешественники-ученые обратили внимание на определенную разность в антропологических типах местного населения, выделив сванов и кабардинцев.

Подробно анализируя брачные отношения, М. М. Ковалевский и И. И. Иванюков отметили, что балкарцы «редко обращаются к полигамии», что объясняется материальными затруднениями и влиянием христианской традиции. Редко можно встретить двоеженство, и то среди наиболее богатых людей.

Особо считались горцы при заключении браков с сословными различиями жениха и невесты: «Таубий или князь может жениться только на дочери таубия или чужеземного узденя; каракиши, т. е. вассал князя, может жениться на ком угодно, за исключением рабыни». Ана-

логичное исключение делалось и для браков чагаров — простых крестьян.

В свадебном ритуале определенная роль отводилась родственникам брачащихся. Так, переговоры с родителями невесты вел кто-либо из родственников жениха.

Интересную информацию привели авторы относительно поведения невесты в период сватовства: родители в случае согласия на брак отсылали свата к дочери, и та на троекратный вопрос, желает ли она выйти замуж, отвечала, что она согласна, поскольку такова воля родителей. Действительно, в решении брачных вопросов решающая роль принадлежала старшим членам семьи.

Среди родственников невесты ученые выделяют опять-таки дядю по материнской линии невесты.

М. М. Ковалевский и И. И. Иванюков не упустили из виду и такой момент свадебной церемонии, как возвращение невесты в отчий дом, что они объясняли как неполный и неокончательный разрыв ее со своей семьей и фамилией. Дома она находилась от одного до двух лет. Перед отъездом невесты члены семьи устраивали угощение близким и дальним родственникам, а затем с подарками окончательно возвращали в дом мужа. На торжестве прощания старший член фамилии предлагал присутствующим одарить молодую, в результате чего к ее личному имуществу прибавлялось «до шестидесяти штук рогатого скота, сто или полтора ста баранов, много одежды и домашней утвари».

При рассмотрении положения женщины в большой балкарской семье, отношения к ней мужа и его родственников авторы отметили, что она имела определенные права. Муж не мог претендовать на ее имущество, «не мог обременять ее собственными долгами», нес ответственность за ее судьбу перед ее родственниками. В случае же убийства жены «мстителями за смерть» ее родственникам необходимо было «заплатить если не полный, то половинный размер платы за кровь».

Некоторые права сохранялись за женщиной и после смерти мужа. Хотя по обычному праву женщина исключалась из числа наследников, по шариату бездетная вдова получала четвертую часть имущества, имевшая детей — восьмую. Авторы в очерке объясняли это тем, что дети тоже наследовали имущество, и поэтому доля вдовы, имевшей детей, оказывалась вдвое меньше, чем бездетной.

М. М. Ковалевский и И. И. Иванюков обнаружили в балкарском обществе и «вымирающую форму левирата», при котором вдова вместе с имуществом как «собственность семьи покойного переходила к остальным членам двора». Левират, широко распространенный и у других горцев Кавказа, являлся одной из ранних форм брака⁶⁵. «Левират, т. е. обязательный выход замуж за старшего брата,— читаем в работе «Очерк происхождения и развития семьи и собственности»,— если муж умрет, встречается у большинства племен Кавказа...»⁶⁶ Здесь же дается объяснение появления левирата, как результат попытки сопротивления запрещению коллективного брака в форме наложения табу на взаимоотношения между невесткой и отцом ее мужа, а также братьями, который все же нашел выход в форме «обязательного выхода замуж за старшего брата»⁶⁷. Сохранение же этого порядка у ряда народов не просто как символа, а института, считал М. М. Ковалевский, «соответствует новому представлению о женщине как о собственности»⁶⁸, что подтверждается известием Вахушти: «По смерти одного брата на вдове его женится другой брат, и это делается потому, чтобы при женитьбе еще раз не пришлось приподнести в дар родителям невесты адатом положенных 10, 20, 30 или 40 коров»⁶⁹. Этой же точки зрения, собственно, придерживаются и советские исследователи Х. Есбергенов и Т. Атамуратов, по данным которых, полученным ими при исследовании семейного быта каракалпаков, левират, «восходя к групповому браку, в более поздний период» сохранялся и в семейной общине, «не заинтересованной в уходе вдовы и разделе имущества»⁷⁰. Таким образом, если корни левирата восходят к беспорядочной форме брака⁷¹, то сохранение обычая у балкарцев в исследуемое время, говоря словами Ковалевского, «объясняется возможностью достижения с его помощью

⁶⁵ Ковалевский М. Первобытное право. Род. М., 1886. вып. I с. 61.

⁶⁶ Ковалевский М. Очерк происхождения и развития семьи с. 33.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же, с. 21.

⁶⁹ Вахушти. География Грузии. Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России.— СМОМПК, Тифлис, 1897, вып. 22, с. 69.

⁷⁰ Есбергенов Х., Атамуратов Т. Традиции и их преобразования в городском быту каракалпаков. Нукус, 1975, с. 43.

⁷¹ Ковалевский М. Современный обычай..., с. 270.

новых целей, которые вовсе не имелись в виду при его первоначальном установлении»⁷².

Кроме экономических интересов семейных коллективов и фамилий, причиной могло быть отсутствие наследников по мужской линии. М. Ковалевский приводит примеры индусских и греческих племен, у которых обычное право допускало «сожителство жены с братом мужа лишь с целью рождения сына, который мог бы со временем сделаться продолжателем семейного культа».

Заканчивают свой научный очерк М. М. Ковалевский и П. И. Иванюков вопросами порядка наследования общесемейного имущества: об идеальных долях наследников, приобретающих реальность после смерти отца, усилении внутрисемейных разногласий, роли шариата в семейном быту, степени родства в наследовании имущества, привилегиях старших и младших и о самой церемонии раздела движимого и недвижимого имущества.

Исследованием балкарской музыки, вместе с М. М. Ковалевским и П. И. Иванюковым, занимался Сергей Иванович Танеев. Он записал 20 песен и танцевальных мелодий, описал и зарисовал ряд народных инструментов. Это было, как справедливо заметила искусствовед Т. Хопрова, «первое научное исследование интереснейших образцов музыкального творчества народов Кавказа».

Материалы двукратных посещений балкарских ущелий легли в основу и статьи М. М. Ковалевского «Поклонение предкам у кавказских горцев», напечатанной в «Вестнике всемирной истории»⁷³.

Прежде всего автор остановился на характеристике большой семьи, ее специфических черт, экономической основы, взаимоотношений между членами семьи.

Собранные М. М. Ковалевским данные свидетельствуют, что каждая большая семья поклонялась своим предкам, непосредственно связанным с культом очага: «Говоря о близкой связи, существующей между культом душ умерших и культом домашнего очага, раньше всего следует указать тот факт, что очаг у горцев отождествляется вполне с «семейством». Он в качестве примера приводит осетинское проклятие, имевшее место и у балкарцев, чеченцев и ингушей: «Чтоб в его очаге навсегда

⁷² Ковалевский М. Современный быт..., с. 270.

⁷³ Вестник всемирной истории, СПб., 1902, № 3, изд. 3-е.

потух огонь», т. е. чтобы семья прекратила свое существование.

Самой священной клятвой балкарцев (автор в статье называет их «эльборусскими татарами»), осетин, пшавов, ингушей считалась клятва, связанная с очагом: «клянусь цепью очага», «клянусь чистейшим золотом надочажной цепи».

Далее Ковалевский излагает факты культа очага в связи со свадебными, похоронными и поминальными обрядами и другими актами тщательной заботы членов семей и патронимий о своих предках. И все это он объясняет тем, что в противном случае «предок-покровитель» может разозлиться и стать причиной «болезней, несчастливых предприятий, падежа рогатого скота и баранов и т. п.». Об этом писали и более ранние авторы и поздние, как ученые, так и современные поэты и писатели. В 1849 году анонимный автор Г-д замечал: «Каменные кладбища горцев составляют маленькие городки, которые содержатся в большем порядке и чистоте, чем аулы, потому что мусульмане считают главнейшею добродетелью чтить память своих родных и друзей»⁷⁴. Татарский поэт Равиль Файзуллин в четверостишии «Слова седого мудреца» так образно выразил отношение народа к этому:

Два клада драгоценных сохрани —
кладбище предков и собрание книг!
Живи, святые ценности любя!
Базар не пропадет и без тебя. . .

Завершая анализ двух научных экспедиционных поездок М. М. Ковалевского, В. Ф. Миллера, И. И. Иванюкова и других участников, можно констатировать, что, не имея серьезных предшествующих публикаций⁷⁵, ученые глубоко и конкретно исследовали общественный строй и быт балкарского народа, обычноправовые нормы, материальную и духовную культуру. Бесспорной заслугой ученых является обращение внимания на распадающийся родовой строй в Балкарии и проблемы генезиса феодальных отношений, развития и трансформацию семейной общины и бытование родственных организаций.

⁷⁴ Г-д. Поездка к южному отклову Эльборуса..., с. 95.

⁷⁵ «Имевшиеся до Ковалевского сведения об этом народе, — оценивает предшествующий период М. О. Косвен, — были отрывочны и случайны» (Косвен М. О. Этнография и история Кавказа. М., 1961, с. 231).

Выпущенные ими историко-этнографические очерки — это образцы умелого использования существовавших литературных источников, полевых этнографических, архивных и рукописных материалов, данных археологических изысканий.

Результаты экспедиций привлекли еще большее внимание к балкарским ущельям историков, этнографов и археологов, а также ученых других областей знаний: географов, геологов, гидрологов, зоологов и т. д. И полностью хотелось бы поддержать Б. А. Калоева, указывающего, что сделанные М. М. Ковалевским, В. Ф. Миллером и И. И. Иванюковым на кавказском материале общетеоретические выводы и обобщения не только не утратили до сих пор своей значимости, но, более того, являются одними из основополагающих в исследовательской деятельности современных кавказоведов.

НА РУБЕЖЕ ДВУХ ЭПОХ

Конец XIX — начало XX века для Балкарии — наиболее плодотворный период в плане активного посещения ее гостями, отражения на страницах различных изданий новых этнографических, археологических и исторических материалов о ней, попыток дальнейших теоретических обоснований собранных данных.

Очень часто балкарские общества, начиная с Безенгевского, посещал большой любитель путешествий, ученый-ботаник, биолог и гидролог, преподаватель физики и космографии в ставропольской Ольгинской женской гимназии Николай Яковлевич Динник.

В его очерках «Горы и ущелья Северо-Западного Кавказа», «Горы и ущелья Терской области», «Поездка в Балкарию» и в ряде других отражена радость встреч с горами, природой, с этой, как он пишет, «интересною страной», общительными, жизнерадостными и любознательными людьми.

В Кашкатау (Къашхатау.— А. М.) Динник со своими спутниками осмотрел село, состоявшее, на внешний взгляд, из 75 дворов, записал легенду об его образовании, сделал множество рисунков и набросков, побывал на горе с одноименным названием. Путешественники были буквально обворожены неповторимой и «неподдающейся описанию» природой берегов Черека, голубыми озерами, ярусами громоздящихся скал. Они посетили также ряд других, небольших, потеррасных и полупотеррасных, населенных пунктов — Зылгы, Зарашкы, Коспарты, Мухол, Чегет-эль, Ишканы. Как видно из описания, все эти поселения были незначительными по размерам (от 5 до 30 дворов), характеризовались по-

квартальным поселением и объединялись в одно общество.

✓ Николай Яковлевич воссоздал структуру сельскохозяйственных отношений Черекского ущелья, описал экономику и хозяйство балкарцев, их занятия (овцеводством и некоторыми промыслами), сделал замечания по поводу внешнего облика и нравственных качеств населения.

Относительно земледелия, землевладения и землепользования он указывал, что «культурной» земли в горах очень и очень мало, почему эта отрасль хозяйства и занимает второстепенную роль. Узкие ущелья, зажатые скалами, небольшие участки, заваленные камнями, суровый горный климат — такова типичная картина горных районов Центрального Кавказа, сделает позже вывод Н. Я. Динник.

Таубии пользовались незначительными земельными угодьями — пахотными, сенокосными, пастбищными, большую же часть сдавали в аренду крестьянскому населению.

Н. Я. Динника интересовали приемы обработки почвы, сельскохозяйственные орудия труда, ассортимент и качество выращиваемых культур, система орошения. Наглядно видно, отмечал он, что даже ведущееся в незначительных размерах земледелие, требует искусственного орошения. Основными его видами были речное и ручьевоe, выразившиеся в строительстве наземных оросительных сооружений, которые использовались коллективно под контролем общества.

Глубоко ознакомившись с бытом балкарцев, путешественник сделал вывод, что в обществе нет нищих, чему способствовали родственная солидарность и обычай взаимопомощи: «...здесь почти нет таких полнейших бедняков, как у нас. Это объясняется хорошим, издавна существующим обычаем, по которому каждый должен пособить, насколько он может, своему близкому, если его постигнет бедность или какое-либо несчастье. Ему, наверно, наберут несколько баранов, дадут 1—2 коровы, лошадь, словом, обставят так, что он будет в состоянии кормить себя и свою семью».

Сам факт бытования данного обычая еще в конце 50-х годов у адыгов зафиксировал некий Л., указав в статье «О гостеприимстве у черкесс», что «между ними нет скитающихся нищих и не слышно, чтобы кто-нибудь

умер от голода»¹. М. З. Кипиани, по служебным делам посетивший горные районы Северного Кавказа в начале 80-х годов, писал: «Нельзя не удивляться, например, тому, что среди осетин, вообще ни в Закавказье, ни на Северном Кавказе, нельзя найти нищего»².

Л. объясняет увиденное гостеприимством, М. З. Кипиани сдерживается вообще от объяснений, и лишь Динник совершенно верно видит в данном порядке взаимоподдержку потомков одного родоначальника.

А получили развитие взаимная помощь и поддержка еще раньше, а именно в роде. В характеристике родовой общины З. П. Ванеева можно прочесть следующие строки: «В родовой общине существует прекрасная «организация» социального обеспечения: в случае дряхлости или потери трудоспособности человек переходит на попечение и иждивение своего ближайшего родича. К нему же переходит его имущество. Этим объясняется отсутствие нищих у осетин: нищий, просящий милостыню, здесь — явление совершенно исключительное»³.

Как пережиточное явление первобытнообщинных и патронимических отношений, у ряда народов на определенном этапе развития была соседская взаимопомощь. Так, С. А. Егiazаров писал, что когда у армян «член общества впадает в нищету, то каждый «добрый сосед» считает своим долгом помочь ему: кто дает барана, кто овцу или корову, смотря по средствам; и при дружной помощи скоро восстанавливается благосостояние обедневшего соседа. Взаимная помощь у патриархальных туземцев развита в сильной степси; но форма и размер помощи зависят от доброй воли каждого: это дело его совести»⁴. Не случайно безенгиевцы до сих пор в подобных ситуациях говорят: «С каждой бороды по волоску, безбородому борода».

Ссылаясь на данные немецкого летописца Гельмгольца 1155 года, А. Д. Эпштейн отмечал: «Славяне не допускали, чтобы кто-нибудь впал в нищету и просил подаяние. Если старость и болезнь подрывали силы и делали человека немощным, родственники окружали его

¹ Кавказ, 1859, № 7.

² Кипиани М. З. От Казбека..., с. 24.

³ Ванеев З. П. Из истории родового быта в Юго-Осетии. Тбилиси, 1956, с. 51.

⁴ Егiazаров С. А. Исследования по истории учреждений в Закавказье. Сельская община. Казань, 1889, с. 95.

заботой и обеспечивали всем необходимым»⁵. И что интересно, продолжал А. Д. Эпштейн, «если издалека приходил к славянам чужеземец, его гнали прочь с презрением, как преступника, изгнанного с родины за какие-то злодеяния», ибо славяне, во-первых, не допускали мысли, чтобы родственники не поддержали своего близкого. Во-вторых, считалось, нищий человек — это человек, изгнанный из общества за серьезное нарушение норм общежития, за особую провинность, связанную с интересами общества.

Балкарцы, осетины, кабардинцы, чеченцы, абазинцы о провинности человека сообщали в другие сельские общины, которые безоговорочно в данном случае поддерживали соседей. Байкотируемый считался существом нечистым, поскольку он был отстранен от всякого соприкосновения с общиной. Именно поэтому, возвращаясь опять к славянам, необходимо указать, что они считали подобного пришельца проклятым и что это проклятье может передаваться им.

Большое распространение взаимопомощь имеет в наши дни в Турции, Передней и Средней Азии⁶.

Таким образом, как видно, участие в вопросах солидарности и взаимопомощи многие народы считали явлением вполне естественным и придерживались порядков, существовавших еще в роде, о которых писал Ф. Энгельс: «Бедных и нуждающихся не может быть — коммунистическое хозяйство и род знают свои обязанности по отношению к престарелым, больным и изувеченным на войне»⁷.

Двенадцатидневные антропологические исследования и этнографические наблюдения почти во всех балкарских селах провел доктор медицины, психиатр, приват-доцент Московского университета Николай Александрович Вырубов⁸. После работы Р. Фон-Эркerta (выходца из Пруссии, находившегося на военной службе в России), опубликованной пятью годами раньше, отчет Вырубова явился второй значительной публикацией по антрополо-

⁵ Эпштейн А. Д. Древние славяне. Книга для чтения по истории средних веков. Раннее средневековье. М., 1940, ч. 1, с. 29—30.

⁶ Курьлев В. П. Об общинных отношениях в деревнях современной Турции. — Сов. этнография, 1969, № 4, с. 83.

⁷ Энгельс Ф. Происхождение семьи..., с. 98.

⁸ Вырубов Н. А. Отчет о поездке на Кавказ летом 1890 года. — Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. М., 1890, вып. 11, т. 12.

гическому типу населения Балкарии. Ученый обследовал различные половозрастные группы (провел измерение головы, частей тела, роста, зафиксировал результаты физиологических данных). В отчете заслуживают также внимания естественноисторическая характеристика Балкарии, описание семейно-брачной жизни горского населения, традиционной архитектуры, воспитания и ухода за детьми, физических качеств долгожителей, пищи, народной медицины.

Знаменательным явлением в этнографии Балкарии 90-х годов XIX века стал очерк «По истокам Кубани и Терека», написанный буквально по следам летнего путешествия по Карачаю и Балкарии помощника классного наставника Кутаисского городского училища В. Я. Тепцова. Один из рецензентов этого очерка, профессор Юрьевского университета Николай Иванович Кузнецов, отмечал, что автор не претендует «на строго научную разработку вопросов», но тем не менее воспроизводит «весьма интересные подробности относительно природы и характера жителей»⁹.

В начале своего очерка Тепцов пишет, что ему удалось «за каникулы проехать все указанные группы татар (он имел в виду балкарские общества: Черекское, Хуламское, Безенгиевское, Чегемское и Урусбиевское.— А. М.), полюбоваться чудными картинами природы», близко познакомиться с жизнью горцев. Примечательно, что очерк был напечатан в «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа», начавшем выходить в 80-е годы в Управлении Кавказского учебного округа и названном М. О. Косвенем «важнейшим источником по исторической этнографии Кавказа»¹⁰.

Описав место расположения Урусбиево, окружавшую селение окрестность, хвойные леса, видневшиеся пики Ушбы и Донгуз-Оруна, ущелья Адыр-суу и Адыл-суу, глетчеры и снеговые поля, автор охарактеризовал все это как живописное, «но грозно-суровое и неприветливое». И если учесть, что В. Я. Тепцов оказался в Баксанском ущелье в ненастную, туманную погоду и что ему пришлось устраиваться в не настолько, как бы хотелось, благоустроенной общественной кунацкой, в связи с отсутствием в селе князя Урусбиева, настроение его

⁹ Известия Императорского Русского географического общества, СПб., 1893, т. 29, вып. 1, с. 36.

¹⁰ Косвен М. О. Этнография и история Кавказа, с. 187.

еще больше испортилось, все вокруг казалось мрачным и негостеприимным, квартира неудобной, грязной и пыльной.

Естественно, что мнение путешественника, утомленного трудным переходом, или вообще гостя зависит, собственно, от теплоты встречи и внимания, проявленного к ним, их устройства и конечно погоды, на что в первых своих путешествиях обратил внимание Ковалевский: «В горном путешествии, в путешествии среди грандиозной природы, есть только одна забота и один стимул вашего настроения, эта забота и этот стимул — погода. Хороша погода — вы жизнерадостны, вы наслаждаетесь до восторженности.

Непрерывно сменяющийся калейдоскоп дивных красок привлекает ваше внимание. Прошлого и будущего как бы не существует, живете только настоящим моментом. А в этот настоящий момент существование ваше наполнено одним лишь возвышающим душу созерцанием. О, как хорошо чувствуешь себя в недрах величественной природы, как отдыхают нервы вне почт, газет и цивилизации.

А живительный горный воздух! Какие трудные пути вы в состоянии совершить только благодаря чистоте и прохладе этого воздуха. Четыре, пять часов сна на горном воздухе вполне восстанавливают силы».

Но В. Я. Тепцову, к сожалению, не повезло и в Безенги: лил проливной дождь, никто не был предупрежден о его прибытии туда, все казалось не так.

Однако в Урусбиево неудовлетворение несколько сгладилось, когда женщины княжеского дома пригласили гостей на ужин и оказали «радушное гостеприимство».

На следующий день В. Я. Тепцова и его спутников познакомили с селом и его окрестностями. Писарь общества рассказал Тепцову, что в селе около 600 дворов с более чем двумя тысячами человек. Жители владеют 200 десятинами пахотной и сенокосной земли, стоимость которой доходит до 1000 рублей.

Как бы мимоходом, видимо, сам об этом не догадываясь, В. Я. Тепцов характеризует право предпочтительной покупки: «Пахотная земля находится в частном подворном владении с правом продажи и перепродажи ее только в руки односельчан...» Но среди односельчан предпочтение отдавалось родственникам.

Хорошо знакомый с трудами по сельской общине Закавказья, которая начала изучаться еще в 40-х годах, автор в анализе Урусбиевской сельской общины, ее сущности и управления показывает, что членами сельских сходов могли быть мужчины начиная с 25 до 100 и более лет.

Все семьи общества были податными единицами, причем величина налога зависела от «числа взрослых мужчин» в семейном коллективе, без учета несовершеннолетних, стариков и нетрудоспособных, а также от социального положения.

Во время пребывания в Урусбиево В. Я. Тепцов и его спутники наблюдали важный для горцев-скотоводов праздник — «праздник сенокоса». Уже за неделю до торжества сельчане начинали налаживать косы, грабли, вилы, спорили дома и на ныгыше по поводу организации и церемониала праздника.

Поскольку это и семейный и общесельский праздник, начало проведения его определялось официально сельским сходом. «Наступает желанный день,— пишет В. Я. Тепцов,— и аул подымается в поход с песнями, скачкой, кто пешком, кто верхом».

Дальнейший путь В. Я. Тепцова должен был лежать или через горную местность Жукурюшкию и Этмиш кол или по реке Гестенти (Кестапты.— А. М.) и Ырхыла в Чегемское ущелье. Второй был легче, и они двинулись в сторону Гирхожана...

Описывая развалины башен, храмов, «христианские» древние кладбища, воспроизводя фамильную легенду Урусбиевых, Тепцов, как чувствуется по изложению, находился под непосредственным влиянием публикаций Ковалевского, Миллера и Иванюкова.

Одним из основных выводов Тепцова после изучения памятников культуры Балкарии является призыв к немедленным научным археологическим раскопкам в этом «богатом древностью» крае, пока археологические памятники полностью не разрушены и не уничтожены.

В составе Чегемской сельской общины автор выделяет главное село Эльтюбю, центр общества, а также Думалу, «Сузарь (Суусузла.— А. М.), Кям (Кам.— А. М.), Орсундах (Орсундак.— А. М.), Булунгу». Однако он упустил такие поселки, как Беттургу, Кала, Кёкташ, Бопу, Жора, Гюдюрдю и др. Ведь в Чегемском ущелье

ко времени его посещения насчитывались 22 населенных пункта.

В Чегеме Тепцова интересовали традиционные виды занятий горцев, поселения и жилища, их санитарное состояние, пища, утварь. Он изучал также древние сооружения, башни, кладбища, высеченные на скалах лестницы, остатки оросительной системы. Фиксируя в своих записях увиденное, давал всему объяснение. Тепцов считал, например, что некогда в этих местах жил христианский народ с высокой культурой и что этот край был razорен полчищами Тамерлана: «Железный хромец особенно был зол на христиан и из черепов их воздвигал громадные пирамиды».

Описывая современных ему обитателей ущелья, он отмечал, что представители княжеских фамилий живут в центральном селе общества, им принадлежат основное количество скота, лучшие земли.

В. Я. Тепцов первый из дореволюционных авторов подробно зафиксировал факт сохранения в Балкарии элементов былого хозяйственного и экономического единства семей одного «рода», подразумевая под словом тукум — патронимию. Он ссылается на такие порядки этого института, по которым родственнику или даже просто односельчанину позволялось, в случае необходимости, взять взаймы сено из стога, коня для поездки, при этом не спрашивая на то разрешения хозяина. «Нуждающийся,— пишет В. Я. Тепцов,— воровски ловит первую попавшуюся ему лошадь, седлает ее, едет. Потом, по миновании надобности, лошадь возвращается на то место, откуда взята». Отголоском родовых отношений было посещение жителями одного селения или поселка, даже не родственниками, друг друга как по приглашению, так и без него. Для этого не обязателен был серьезный повод: «Зарезал кто-либо барана — к нему являются незваные гости, и хозяин обязан разделить с ними трапезу. Приехал кто-либо с базара и привез что-либо серьезное, лакомство — незваные гости и тут, и опять угощение с сообщением новостей».

Здесь уместно будет привести наблюдение П. Зубова относительно того, что «если уздень увидит у владельца деньги, хорошее платье, шапку или другое, что ему понравится, то владелец отказать ему в оном не может и не должен». Вернее было бы сказать, что у горских на-

родов вообще было принято дарить гостю понравившуюся вещь.

Тепцов же многое недопонимал в жизни горского населения, что было, конечно, вполне естественным для приезжего, не знавшего психологического склада народа, древних традиций, не владевшего языком. Так, по его информации, если к соседу привезли с коша молочные продукты, которых, положим, не было в данный момент в соседнем доме, просить считалось неприличным. Нужно было пойти в гости и там поесть. Это, несомненно, ошибочно и, более того, смешно. Во-первых, если родственнику или соседу, жившему рядом, что-либо принесли или привозили, он всегда делился, а во-вторых, достаточно было сказать им, что нужно то-то и то-то, как просьба моментально выполнялась.

Касаясь вопросов свадьбы и свадебного ритуала, автор остановился на приданом невесты и его месте в общесемейном имуществе. Он указал, что приданое является неприкосновенной частью имущества женщин и «не идет в дележ наследства между детьми или родственниками мужа». Тепцов, не давая объяснения причинам, отмечал, что оно в случае смерти женщины возвращалось в дом ее родителей. Между тем, характеризуя приданое балкарской девушки и показывая, каким образом оно собиралось, он близко приблизился к ответу. Приданое горянки, по данным, полученным Тепцовым у местных жителей, начинало составляться с малолетнего возраста девочки. Родственники, в чем проявлялось их социальное единство, сначала одаривали новорожденного, а затем подрастающего ребенка в разные торжественные случаи жизни: «в праздники, в случае выгодной продажи, при хорошем урожае и приплоде скота и т. п. Из подарков этих составляется необходимый инвентарь будущей хозяйки: медные кувшины, миски, тазы, котлы, сковороды и т. д.». Таким образом получалось, что основная часть имущества являлась как бы семейной собственностью и, значит, неотчуждаемой.

Описывает Тепцов и подготовку к свадьбе юношей, охватывавшую также определенный период и ставившую перед женихом, семьей и родственниками вполне конкретные проблемы и задачи. Семья была обязана побеспокоиться, чтобы у их сына был приличный свадебный костюм, оружие, перед женитьбой выстроено отоу.

Заранее готовились деньги и все необходимое для

проведения самой свадьбы, для калыма и подарков родственникам невесты. Далеко не прав Тепцов, считавший, что родители во всем этом не оказывали помощи сыну, что, мол, выражение «женить сына» не имело места у балкарцев. Разве это не доказательство обратного, что родители строили собиравшемуся жениться сыну отдельную комнату, родственники буквально контролировали выбор невесты, могли возразить против неравного в сословном отношении брака, против женитьбы на «иноверке» и т. п.

Большую помощь в материальных затратах на свадьбу оказывали именно родители и родственники.

В статье Тепцов касается истории княжеских фамилий Балкаруковых, Келеметовых, Барасбиевых и Кучуковых, их взаимоотношений и на основе их преданий — этногенеза народа. Как и Ковалевский и Миллер, он прослеживает здесь два корня: аланский и пришлый — тюркский.

Своеобразно и проблемно Тепцов подошел к семейно-брачным отношениям, заострив внимание на различного рода брачных ограничениях — кровном и молочном родстве, сословных различиях, фамильной неприязни и вражде, непосильном калыме, физических и возрастных недостатках, — затруднявших вступление в брак молодых. Это вызывало недовольство отдельных слоев населения и даже нарушение экзогамии.

На сложность положения и на такую основную причину, как широкое распространение родственных уз, еще в 1869 году обратил внимание Н. Ф. Грабовский, указывавший, что балкарцы Чегемского общества невест себе чаще всего искали в соседних ущельях¹¹. Порядок, требовавший запрещения «половых сношений между лицами, принадлежащими к одной и той же общественной группе и носящими одно и то же имя — знак их родства, действительного и предполагаемого»¹², и, по мнению М. М. Ковалевского, восходящий к матриархату, в литературе носит название экзогамии. В этнографии этот термин, обозначающий порядок брачных отношений, был внесен шотландским исследователем Мак-Ленна-

¹¹ Грабовский Н. Ф. Свадьба в горских обществах Кабардинского округа. Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1869, вып. 2, с. 14.

¹² Ковалевский М. Очерк происхождения и развития семьи... с. 25.

ном. Ковалевский по этому поводу замечал: «Мак-Леннан впервые отмечал факт существования запретов брачного сожития между членами одной и той же группы родственников и дал этим запретам доселе удержанное за ними название экзогамии»¹³.

Генетические корни экзогамии восходят ко времени, когда происходило ограничение в половом сближении определенных категорий родственников¹⁴.

Ф. Энгельс это время определял заключительным этапом группового брака, когда запрещалось вступление в брак внутри племени и рода¹⁵.

Дальнейшее формирование корней экзогамных отношений надо искать в матриархате, когда «жена» жила еще в другом роде.

Один из авторов «Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа» М. Завадский в конце прошлого века обратил внимание на уникальный порядок брака у удин, связанный как раз с корнями экзогамии: «Невеста приводилась (или покупалась) из другого общества и рода: перед уходом из родительского дома она целует землю очага, прощается с отцом, с матерью и своими родственниками, т. е. расстается со своим родом и уходит в чужой». И далее он пишет: «Вся вообще обстановка свадьбы удинской носит на себе печать отдаленных времен материнства и экзогамии»¹⁶.

Здесь же, во вводной части, М. Завадский, характеризуя статью зрителя Варташенского сельского училища Михаила Степановича Бежанова «Краткие сведения о с. Варташен и его жителях», посвященную общественному строю и быту удин, южнодагестанской группы, живших в Елисаветпольской губернии, показывает наличие в их быту явных пережиточных следов матриархата: «Удины сохранили обычаи, напоминающие о древней форме брака, когда отец не имел никакого значения, когда первенствующую роль играл брат матери и брат невесты, когда последняя приобреталась

---

¹³ Ковалевский М. Родовой быт в настоящем, недавнем и отдаленном прошлом. Опыт в области сравнительной этнографии и истории права. СПб., 1905, с. 113.

¹⁴ Кисляков Н. А. Семья и брак у таджиков. М.—Л., 1959, с. 64.

¹⁵ Энгельс Ф. К истории первобытной семьи (Баховен, Мак-Леннан, Морган).— Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 223.

¹⁶ Завадский М. Вводная часть.— СМОМПК, Тифлис, 1892 вып. 14, с. 11.

целым обществом, которому и служила»¹⁷. А поскольку этот период истории человечества занимал длительное время, данный порядок «брака», т. е. положение, при котором жена должна была быть из другого рода, прочно укоренился. Когда же мужчина становится «хозяином» рода — в период формирования патриархального строя, когда он начинает нуждаться в наследниках своего имущества, жен забирают к себе в род. То есть утверждавшаяся генеалогия по мужской линии изменяла соответственно в своих интересах и порядки брачных отношений. В дальнейшем это становится основным правилом патриархального рода, негативным выражением «того весьма определенного кровного родства, в силу которого объединяемые им индивиды и становятся родом»¹⁸.

Развитие частной собственности, последующее усиление роли мужчины, выделение родовых групп, затем семейных общин, стремившихся к восполнению своего потомства и наследованию собственности, усиление экономических возможностей, внедрение в местную среду нового этнического компонента — кипчакского способствовали дальнейшему утверждению экзогамных отношений и закреплению их в обычном праве горцев, незыблемом и священном руководстве жизнью народа. Ими навсегда усваивается тот факт, что брак между родственниками запрещен, нарушение же его воспринималось как нарушение дедовских законов, древних устоев общества, сформировавшихся на основе народного опыта, а значит и как игнорирование современных им норм общественного порядка.

Все наши информаторы на вопрос, касавшийся причин запрета таких браков, ссылались на опыт прошлых поколений. Во время нашего посещения с. Белая Речка в 1969 году М. Ш. Бабаев, 1864 г. р., рассказывал, что ему не раз приходилось слышать от народных лекарей Хуламо-Безенгийского ущелья о том, что родственные браки усугубляли зачатки болезней, передаваемые общим предком брачащимся родственникам. В детях и особенно во внуках они проявлялись с опасной для жизни силой.

Одни из информаторов (фамилию просил не называть) привел пример аналогичного брака его родственников.

¹⁷ Завидский М. Вводная часть.— СМОМПК, Тифлис, 1892, вып. 14, с. 1.

¹⁸ Энгельс Ф. Происхождение семьи..., с. 88.

Свидетелями жизни потомков этого брака были еще дед и отец информатора. Естественно, поженившись троюродным брату и сестре пришлось уехать в предгорное кабардинское село, где их никто не знал. Проявление болезни нашло отражение в детях: из трех сыновей и двух дочерей, двое были слабы физически и умерли в раннем детстве, один из сыновей страдал болезнью суставов. Интересно, что в третьем поколении болезнь суставов погубила двух потомков мужского пола, а у одной из девушек была сердечная недостаточность.

По мнению большинства информаторов балкарских и кабардинских сел, к 22—25 годам любой человек приобретает какие-то болезни, среди которых отдельные могут принять характер наследственных. А при родственных браках развиться у потомков. Подобные наблюдения еще более укрепляли существовавший издревле экзогамный брак.

Кровосмешение у балкарцев запрещалось и по мусульманскому праву, которое исключало браки с сестрами, тетками по отцовской и материнской линиям, дочерьми братьев, кормилицами, молочными сестрами, женами родных сыновей и т. д. И поэтому члены патронимий, фамилий и сельской общины нарушение экзогамии считали в общем-то преступлением и соответственно относились к нарушителям. Информаторы помнят, как в Урусбиевской сельской общине сначала члены тукума, затем общества постановили изгнать Харуна Ж., женившегося на представительнице своей патронимии.

Очень строго осудили члены тукумов брак между Бозиевым Османом и Башиевой Бутту, а семью Бекмурзы Бозиева, сын которого Конак женился на дочери одного из Башиевых, изгнали из Коспарты. «Винным» пришлось поселиться в соседней сельской общине — Кашкатау¹⁹.

В книге «Балкарский «тукъум» мы уже писали, что экзогамия соблюдалась и по материнской линии. Но здесь отмечается такая деталь: женщины одной фамилии могли быть женами мужчин — членов одной патронимии, но в разных ветвях. Так, в тукуме Атабиевых, если встречаются по две невестки из Гергоковых и Бозиевых,

---

¹⁹ Информатор Башиев Зашика Огурлиевич, 1900 г. р., селение Бабугент.

то в интервале одного или двух поколений и являются женами родных или двоюродных братьев. В этом же тукуме женами являются две женщины из фамилии Созаевых: одна — женой нашего информатора Биляла (6-е колено), другая — Кара (5-е колено). В ветвях Хамзы и Абия — две женщины из тукума Жабоевых, но разных ветвей.

Аналогичная картина наблюдалась и в тукуме Те-мукуевых: женами Муссы, Моллы и Магомета были женщины из фамилии Жилкибаевых, Омара и Зашау — Бозисвых, Хасана и Тенгиза — Хужоновых, Османа и Жююноса — Шуановых (см. схему 7).

Таким образом, анализируя известный этнографический материал, можно сделать вывод, что экзогамия у всех народов должна была соблюдаться абсолютно, т. е. до тех пор, пока помнились родственные корни как по отцовской, так и по материнской линии. И в связи с этим утверждение Ерванда Александровича Лалаянца, редактора армянского этнографического журнала «Этнографическое обозрение», относительно того, что у армян брачный запрет колебался в пределах 7—5 колен²⁰, как и многих других авторов конца XIX — начала XX в., объясняется более развитыми социально-экономическими отношениями народов, о которых они написали, исчезновением патриархальных пережитков в их быту, утерей родственных связей многочисленного населения, миграцией и т. д.

В сватовстве В. Я. Тепцов главную роль также отводил ближайшим родственникам и особенно дяде по матери, являвшемуся доверенным семье жениха. Сваты, пишет автор, в день увоза невесты в ее доме, где собираются родственники и подруги, «вручают родным невесты калым и раздают подарки: лошадь (или пару волов) отцу, лошадь старшему дяде по матери, лошадь молочной матери и лошадь старшему брату невесты. Гостиам невесты привозится угощение». Перед самым отъездом родные невесты вручают сватам приданое, «которое тут же и вьючится на запасных лошадях».

Далее Тепцов приводит характерную для большинства горских народов этого периода инсценировку, отражающую в пережиточном состоянии матриархальные

---

²⁰ Лалаянц Е. А. Ванский вилайет. (Васкуракан). — СМОМПК, Тифлис, 1915, вып. 44, с. 29.

взаимоотношения. «Из соседних домов выбегают ребятишки и швыряют в поезжан палками и камнями. На пути в каком-нибудь узком месте, чаще всего на мосту, устраиваются жителями встречных аулов баррикады из камней и бревен. Джигиты должны перескочить через баррикаду и промчатся через толпу, сплошной стеной стоящую за баррикадой. Толпа состоит из ребятишек, баб и даже взрослых мужчин. У каждого в руках длинная хворостина, которой хлещут и лошадь, и всадника, покушающегося пробиться. Происходит целое сражение, из которого выходят многие с ранами и ушибами. Доходит дело иногда и до убийства, хотя и ненамеренно. Визг, крики, плач задавленных, неудачные попытки джигитов пробиться, насмешки над этим,— все это и пугает, и смешит в то же время. Если хоть одному всаднику удастся промчатся сквозь толпу, то дело последней проиграно, и свадебный кортеж движется далее. Если же толпа устоит, то всадникам ничего другого не остается, как откупиться от нее».

В Хуламе В. Я. Тепцов обратил внимание на смешанность антропологических типов жителей Безенги, Шыкы, Усхура, Озеня, собственно Хулама и Тотура, на форму и тип этих поселений, хозяйство и занятия местного населения. Среди них он выделил выходцев из Кабарды, Осетии и даже из горских евреев. Что касается, правда, последних, то тут автор несколько преувеличил. Но если говорить о кабардинцах, осетинах, сванах, рачинцах, карачаевцах, то их или их потомков, бесспорно, можно было встретить в большинстве населенных пунктов Балкарии. В. Я. Тепцов же указывает: «Разнообразие в типах сразу бросается в глаза и в Чегеме. Большинство населения приближается к типу осетин». Характеризуя сословия балкарского общества, он выделяет таубиев, каракишей, отпущенных на волю рабов и «пришельцев со стороны». И их, очевидно, насчитывалось немало, если Тепцов причисляет их к сословию.

В Урусбиевском обществе он обнаруживает несколько фамилий потомков сванов, попавших в виде приданого сюда после замужества одной из женщин княжеской сванской фамилии Дадешкилиани с представителем фамилии Урусбиевых, поскольку это было еще до отмены крепостного права.

Факты, касающиеся Урусбиево, убедительно под-

тверждены видными грузинскими этнографами Р. Л. Харадзе и А. И. Робакидзе²¹.

Превеличивает автор также процент проживания в Урусбиево карачаевцев. «Урусбиево,— пишет он,— населено карачаевцами». Хотя, бесспорно, какое-то количество их семей там проживало²².

Обратимся и к другим источникам, подтверждающим догадки и предположения В. Я. Тенцова. Так, К. Ф. Ган, подвергая анализу фамилии Черекского ущелья, приходит к выводу, что некоторые из них «указывают на чужие элементы». В частности, он считает, что Шаханов «значит иностранец, чужой».

В этом же отношении следует прислушаться к мнению Н. Харузина, правда, выраженного несколько сумбурно и заключенного в том, что в Балкарии живут выходцы и из Сванетии, и из «кумыкских степей и других мест»²³.

В начале XX века окружной врач Нальчика Грамматиков, проводя антропологические исследования в балкарских обществах, находил среди местного населения «типы кабардинцев, осетин, имеретин, сванетов, чеченцев и т. п.».

Как бы невзначай брошенная В. Ф. Новицким фраза о том, что в «Терскольском выселке» живут потомки карачаевцев²⁴, «принадлежащих к Урусбиевскому обществу», подтверждается нашим полевым этнографическим материалом. В Терсколе действительно жили Кочкаровы, родоначальник которых был родом из Карачая.

Подобное явление наблюдалось и у других народов. Так, поднимая вопрос об этногенезе одного из близкородственных балкарцам народа — карачаевцев, секретарь Ставропольского статистического комитета Моисей Алейников указывал, что «сначала их поселилось здесь (на пышных землях Карачая.— А. М.) немного, но с течением времени численность их увеличивалась от

---

²¹ Робакидзе А. И., Харадзе Р. Л. К вопросу о сванско-балкарских этнокультурных взаимоотношениях. — О происхождении балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1960, с. 146.

²² Об этом см. работы Н. Г. Волковой.

²³ Харузин Н. По горам Северного Кавказа. Путевые очерки. — Вестник Европы, 1888, т. 6, с. 192.

²⁴ Новицкий В. Ф. В горах Кавказа. — Известия Императорского Русского географического общества. СПб., 1903, т. 39, вып. 2, с. 104—105.

наплыва разных пришельцев: сванетов, мигрельцев, абхазцев, кабардинцев и русских беглецов...»²⁵, которые здесь через одно-два поколения ассимилировались, а через 8—10 даже забывали корни своего происхождения. Данные М. А. Алейникова в начале XX века подтвердились исследованиями Василия Михайловича Сысоева, редактора «Известий Общества любителей изучения Кубанского края», указывавшего, что к древнему «ядру племени последовательно, в течение долгого периода, и вместе с тем безостановочно (разрядка наша.— А. М.) присоединялись различные этнические элементы...»²⁶.

По материалам А. Д. Бесленеева, в адыгейских селах до революции «жили адыгейцы, черкесы, карачаевцы, абазины, сваны и представители других народов Северного Кавказа и Закавказья»²⁷.

На 1 января 1899 года в осетинском селе Алагир проживало 736 имеретин, переселившихся сюда в связи с голодом в Рачинском уезде Кутаисской губернии²⁸.

На смешанность типов в Дагестане обратил внимание путешественник и антрополог Н. Воронов, который изложил этот материал в статье «Из путешествия по Дагестану».

По сообщению кумыкского князя Абдул-Мержита Казаналипова в 1890 году в кумыкском селе Эндери жили потомки ногайцев, составляя отдельный квартал (Тюмен-аул)²⁹. Кумыкское село Аксай Хасав-Юртовского округа Терской области в 1877 году включало 758 горских евреев, 23 чеченца, 9 армян и 5689 кумыков³⁰.

Михаил Георгиевич Афанасьев, заведующий Костекским сельским училищем, писал, что в одноименном на-

---

²⁵ Алейников М. Карачаевские сказания. — СМОМПК, Тифлис, 1883, вып. 3, с. 138.

²⁶ Сысоев В. М. Карачай в географическом, бытовом и историческом отношении. — СМОМПК, Тифлис, 1913, вып. 43, с. 47.

²⁷ Бесленев А. Д. К вопросу развития сельского хозяйства горцев Кубанской области. — В кн.: Из истории сельского хозяйства Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1971, с. 1.

²⁸ Толмачев С. И. Селение Алагир. — Терский сборник, Владикавказ, 1903, вып. 5, с. 123.

²⁹ Вейденбаум Е. Г. Начало ауэнской песни. — СМОМПК, Тифлис, 1893, вып. 17, с. 58—59.

³⁰ Мохир М. Аксай. — СМОМПК, Тифлис, 1893, вып. 16, с. 84.

селенном пункте проживали кумыки, казикумыки, ногайцы и персы³¹.

В «Грудах» Абрамовской комиссии об ингушах и осетинах читаем: «Население Джераховского общества принадлежит к ингушевскому племени. Народ этот, находясь с давних времен в близком соседстве с осетинами Тагаурского общества, часто принимал в свою среду осетин па жительство и, в свою очередь, поселялся в Осетии, вступая с ними в родственные связи, и таким образом принял от них язык и многое из правов и обычаев осетинского народа...»³²

В разделе «Чеченцы» книги «Народы Кавказа» Б. А. Калоев со ссылкой на ЦГА ЧИАССР (ф. 586, д. 27, л. 78) выделяет среди чеченцев такие тайпы, как Тарковская, Джаевская и Кубачинская из Дагестана, Черкесская и Грузинская³³, названия которых говорят сами за себя.

Обследования, проведенные нами в 1968—1975 годах в кабардинских селах Малка, Сармаково, Шордаково, показали, что носители ряда фамилий здесь — потомки пришельцев: Моловы — из Абадзехии³⁴, Аговы и Аджиевы — из абазин, Капашаровы — из Балкарии, Казаковы — с Кубани, Евсеевы — из-под Георгиевска, Кумыковы — из Дагестана, Кербиевы — из Сванетии.

В верховьях Черекского ущелья Тепцова и его спутников встречало радостное, оживленное, закончившее трудовой день население Ишкапты, Кюшномов, Мухола, Шаурдата. Они с интересом наблюдали за женщинами с веретенами в руках, беседовавшими между собой и ни на минуту не отвлекавшимися от дела, за «толпами ребятнишек», за степенными седовласыми аксакалами, сидевшими на ныгышах. И это «непонятное соединение труда и веселья», улыбающиеся лица, теплый вечер уходящего

---

³¹ Афанасьев М. Г. Селенне Костек. — СМОМПК, Тифлис, 1893, вып. 16, с. 85.

Труды комиссии по исследованию..., с. 169.

³³ Калоев Б. А. Чеченцы. — Народы Кавказа. Серия «Народы мира». Этнографические очерки. М., 1960, с. 366.

³⁴ После 1868 г. из станицы Георгиевской переселяется в Бабуковский, Ашабовский, Тамбиевский и Касаевский аулы большое количество абадзехов, в свое время бежавших «от своих владетельных князей» (Калоев). Станица Георгиевская. — Терский сборник, Владикавказ, 1903, вып. 5, с. 83).

трудового дня заметно приподняли настроение путешественников, повлияв на их доброе отношение и расположение к жителям общества.

На одном из склонов по пути в Зарашкы им встретилось несколько девушек, шедших с кувшинами от родника. Устроив кувшины на плечах, они умудрялись еще и вязать на ходу.

Между поселениями путешественники увидели тщательно обработанные пашни: «Во всем видна заботливость, а главное чистота и аккуратность...»

В. Я. Тепцов первый из дореволюционных авторов обратил внимание на возможность и необходимость занятий черекцев садоводством. Его пожелания сбылись гораздо позже: сейчас в ущелье разведены прекрасные сады, где выращиваются одни из лучших в республике сорта фруктов.

На протяжении всего очерка автор подчеркивает трудолюбие народа, отмечая, что «каждый балкарский аул — фабрика для сукон, что эта работа идет здесь беспрестанно, поспешно и составляет гордость для Балкарии», что балкарцев отличает чувство собственного достоинства, простота, этикет взаимоотношений и скромность в поведении, особенно это касалось женщин.

Приводит Тепцов и материал о тонкостях обычая гостеприимства. Так, если гость, приезжая в село, попадает в общесельскую кунацкую, то он становится гостем всех жителей села и общества, если же к кому-либо из ссльчан или старшине, то их гостем. Необоснованно его утверждение, что гостей мог встречать только хозяин дома. На самом деле это мог сделать, если хозяин отсутствовал, старший из сыновей, кто-либо из мужчин — членов патронимии и даже пожилые женщины, пользовавшиеся уважением и почетом в обществе. Примером может служить встреча Сергея Анисимова с сыном чегемского старшины учеником 6-го класса Владикавказского реального училища Султаном, о которой он вспоминал: «Отца не было дома, и он принимал нас, как хозяин, по-горски, по всем обычаям гостеприимства».

Тепцов отметил, что гостей обслуживает чаще всего молодой член семьи или родственник.

Интересно, что церемониал обслуживания гостей у балкарцев во многом был похож на то, как это водилось в Северном Казахстане. Гости, например, после мытья

рук перед угощением в образных выражениях, даже в форме стиха, благодарили обслуживающего³⁵.

Любопытна и такая деталь. Гость не должен был у хозяина спрашивать о здоровье его жены и детей. Это не было принято, считалось невежественным, проявлением неуважения к хозяину, издевкой, нарушением этикета. В Шыкы до войны существовала по этому поводу легенда, суть которой вкратце состоит в следующем. Давным-давно к одному из местных жителей в гости приехал друг, и первый вопрос, который он, решив подшутить, задал хозяину, был таким: «Давно я не был у тебя. Говорят ты женился и у тебя невероятно красивая жена?» Хозяин ответил, что он тоже так думал, пока не увидел его жены, и что его постоянно, мол, тянет к ним в гости. После этого, утверждают старожилы и других ущеллий, никто никогда не преступал недозволенного. На самом деле это связано с мусульманской религией.

У казахов, сообщает Жетписов Закир (1903 г. р.) из пос. Елтай, «здоровьем жены, детей, родных принято было интересоваться только родственникам».

К сожалению, ни Тепцов, ни другие дореволюционные авторы не обратили внимания на застольный этикет. Надо заметить, что церемонии обслуживания гостя и конкретные их проявления у балкарцев и казахов, потомков рода кипчаков, очень близки. Так, например, даже в наши дни старших родственников и гостей обязательно угощают головой барана, коровы или лошади, поясничным самым крупным позвонком, тазовой костью, реберным мясом, курдюком, печенью. Причем гостю голова подается независимо от его возраста.

Сватам в обязательном порядке на стол поставят голову животного, малую берцовую кость, 3—4 ребра. Зятя принято угощать, кроме перечисленного, также грудинкой³⁶.

Начиная с конца 80-х годов прошлого столетия в периодических изданиях «Терские ведомости», «Новое обозрение», «Казбек», «Вестник курортов», «Кавказский край», «Пятигорское эхо», «Донская речь» и многих

---

³⁵ Информаторы Ещанов Береке (1892 г. р., пос. Джамбаскаль Кав. ССР), Башинаев Ахия Уразаевич (1882 г. р., пос. Былым КБАССР).

³⁶ Информация собрана в селах Тарановского, Боровского и Паурзумского районов Кустанайской области в июле—августе 1980 г.

других стали появляться весьма интересные и оригинальные по своему содержанию, стилю, манере изложения статьи, очерки и заметки под псевдонимами «Е. Горец», «Кабардинец», «N», «З. Лесной», «Евг.», «Адыге», «Ев. Б.». Среди них встречаются публикации на сельскохозяйственные темы, историко-этнографические, литературно-фольклорные, медицинские, о женском вопросе, кровной мести, просвещении, религии. Их автор — уроженец и житель Нальчика, журналист и сотрудник выходившей во Владикавказе газеты «Терские ведомости» Евгений Захарович Баранов³⁷.

По долгу своей службы Е. З. Баранов постоянно бывал в различных районах Терской области, нередко в отдаленных селениях и поселках. Он изучал кабардинский и балкарский языки, вел дневниковые записи, которые впоследствии становились очерками и статьями. Ценны и содержательны публикации этого незаурядного человека в области этнографии и фольклора. Опираясь на данные своих наблюдений, беседы с крестьянами, членами княжеских фамилий, представителями сельской администрации и на статистические информационные бюллетени, автор в таких статьях, как «По вопросу о формах землевладения у кабардинцев», «Поездка в Урусбиевское общество», «В горах», «Из области суеверий и устной словесности терских казаков» и другие, порою детально, порою вскользь, но всегда схватывая суть вопроса, рассказывает об экономике края: скотоводстве и земледельческом труде кабардинцев, балкарцев и терских казаков, их быте и нравах.

А знакомство Евгения Захаровича с жизнью горцев Северного Кавказа, их обычаями, народными преданиями, сказаниями, песнями произошло еще в детские и юношеские годы. Отец его, будучи торговцем, общался и имел деловые связи с представителями всех кавказских народов.

Немногим более двадцати лет было Евгению Баранову, когда печатаются его «Очерки землевладения в

---

³⁷ О нем см.: Венгеров С. А. Словарь, 1915, 2-е изд., т. 1, с. 45; Косвен М. О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке. — Кавказский этнографический сборник. М — Л 1962 вып. 3, с. 218; Мусукаев А. Журналист и этнограф. — Коммунизмге жол, 1975, № 5, с. 3; Шаманов И. М., Мусукаев А. И. Балкария и Карачай в русской науке 70—90-х годов XIX века. — В сб.: История горских и кочевых народов Северного Кавказа. Ставрополь, 1976, вып. 2, с. 94—95.

горах»³⁸ и «Очерки из жизни горских татар Кабарды»³⁹, которые можно определить как научно-исследовательские. В первых из них дана глубокая характеристика землепользования и землевладения в Балкарии, т. е. показано, сколько и какой земли было в горах, кому и на каких условиях она принадлежала, отношение различных сословий к земле, о сельских общинных пастбищах, разнообразных видах аренды.

Е. З. Баранов, в частности, отличает характер землевладения у балкарцев «от общинного в Кабарде». Определяет это он по тому, что в отличие от плоскости в горах «пахоты, покосы и выгоны не представляются глазам путника обширными полями, простирающимися на несколько верст в окружности...». Эти земли расположены вокруг поселков и сел «небольшими клочками, по краям которых груды камней и обломки скал». «Эти клочки,— пишет Баранов,— по величине очень незначительны, занимают они несколько квадратных сажень, редко около десятины, каждый окружены каменной оградой, хорошо унавожены и орошены искусственными ручьями и канавами, проведенными за одну-две версты». «Разная величина пахотных участков», «крайняя количественная ограниченность» подсказали Е. З. Баранову, что они принадлежат частным лицам, т. е. большесемейным коллективам. Общественные выгоны около сел, далеко, конечно, не качественные, являются собственностью этих населенных пунктов: «Это выгоны, на которых может пастись лишь только самое ограниченное количество скота и рабочих ишаков, содержащихся при домах». Поселковые выгоны, принадлежащие отдельным населенным пунктам, и пашни — отдельным домохозяевам, неодинаковы по размерам и большей частью очень малы. В целом обществе, считает Баранов, едва ли найдутся 10 дворов, могущие пользоваться своим хлебом в течение всего года.

Обращаясь к проблеме зарождения частной собственности на землю в горах и обезземеливания большей части населения, он, ссылаясь на легенды и предания, склонен считать, что «за несколько столетий до нашего времени» пришельцы застали здесь у местного населения некоторые черты общинного землепользования. И далее его объяснение сводится к точке зрения М. М. Ко-

³⁸ Терские ведомости, 1892, № 14.

³⁹ Терские ведомости, 1894, № 141, 145, 146; 1895, № 2, 21.

валевского, заключающейся в том, что в основном все земли, кроме княжеских, принадлежали обществу. А княжескими считались те, которые примыкали к его двору. Внедрение чужеродцев, продолжает Е. З. Баранов, и явилось началом «нарушения порядка земельного пользования». Как видно из текста, автор совершенно исключил специфику горной местности, общий процесс социально-экономического развития горского населения, роль и место семейных общин классического типа, усиление роли военных вождей, военные бенефиции, патронат и т. д. Он прежде всего упустил тот факт, что топография местности, на что еще указывал немецкий историк и исследователь общественного строя древних германцев Георг-Людвиг Маурер, откладывает свой отпечаток на характер собственности. В горных районах Германии, Швейцарии, Скандинавии и Кавказа большее развитие получила семейная собственность, нежели сельско-общинная. Это же подтверждает М. М. Ковалевский, писавший: «Простого сопоставления порядков землевладения плоскостных кабардинцев или осетин с теми, которых придерживаются сванеты и хевсуры, не говоря уже о горских народностях Дагестана, достаточно для того, чтобы убедиться в такой тесной связи, какая существует между топографией и землевладением»⁴⁰. Баранов же, как видно, подходит к решению данного вопроса упрощенно, сводя все к завоеванию пришельцами местного населения с вытекающими отсюда последствиями.

В то же время Евгений Захарович приводит высказывание относительно дробления земельных угодий, что могло быть при разделе большесемейных общин.

Е. З. Баранов дает объяснение образованию в предгорной полосе после крестьянской реформы 1867 года новых поселений — Гунделена, Хасаута, урочища Чижок. Причиной того он считает малоземелье. «Наибольший процент безземельного пролетариата выпадает на долю Урусбиевского общества», — уточняет автор, что он связывает также с поздним заселением Баксанского ущелья.

Все удобные для занятий земледелием участки Баранов делит «на три полосы». К первой он относит пахотные угодья, ко второй — сенокосные и к третьей — пастбищные. По данным автора, в балкарских обществах

---

⁴⁰ Ковалевский М. Родовой быт..., с. 290.

нет ни одного пахотного и сенокосного поля, «которым пользовались бы жители общества на общинном праве». И лишь сенокосные поля после проведения сельскохозяйственных работ становились общими, где мог пастись аульский скот. Что касается общинных пастбищ, то их он называет всего три.

Лес в горских обществах делился между группами поселков в зависимости от их местонахождения по отношению к нему. «Так, леса, растущие по Балкарскому ущелью, тянущемуся на юг, к главному хребту гор, и в местности «Уштулу», принадлежат жителям поселков Верхней Балкарии. В пользовании жителей Н. Балкарии находятся леса, растущие в районе горской территории и примыкающие к границам общего кабардинского леса». Аналогичная картина наблюдалась и в Чегемском и Хуламо-Безенгиевском обществах. В Урусбиевском же — все лесные дачи принадлежали княжеской фамилии Урусбиевых. Общество пыталось судиться с членами этой фамилии, но в 1889 году Урусбиевы «были признаны судом единственными законными собственниками леса». Население пяти горских обществ имело определенные права и на пользование общественным кабардинским лесом, но из-за его отдаленности оно почти не прибегало к этому.

Описывая приусадебную землю, Е. З. Баранов указывает, что она являлась древним видом собственности «каждого домохозяина» и что эта земля была невелика по размерам и ее не хватало для устройства выделяющихся новых дочерних семей.

Название «Очерки из жизни горских татар Кабарды» свидетельствует о том, что Евгения Захаровича интересовал разнообразный круг вопросов, касавшихся жизни балкарцев. Углубленное знание быта местного населения позволило автору дать емкую характеристику хозяйственного уклада и материальной культуры балкарцев, поселений и жилищ, одежды и пищи, семейно-брачных отношений и религиозных верований. Особо хотелось бы отметить великолепное качество Е. З. Баранова как ученого — это умение представить материал как бы на фоне патриархально-феодалных и развивающихся капиталистических отношений Балкарии конца XIX века, живо нарисовать социальную жизнь балкарского народа в этот период его истории.

Его работы являются важным источником при изуче-

нии сельской общины. Очерки Е. З. Баранова как бы доказывают, что сельско-общинные отношения — это явления трансформации, а не пережиточных процессов. Люди, объединявшиеся в сельские общества, были в них заинтересованы, иначе они просто напросто отмерли бы. Это подтверждается исследованиями советского ученого Ю. В. Качановского. Он пишет: «При ближайшем рассмотрении обнаруживается, что они обеспечивали политические и экономические интересы людей, что в их сохранении и укреплении были заинтересованы данный класс или прослойка класса»⁴¹. Именно поэтому община «очень долго сохраняла роль почти универсальной формы общественной организации»⁴².

Евгений Захарович вводит в этнографическую науку новый, еще не известный до него материал, конкретизируя и уточняя представления о жизни и быте горцев. Но у Баранова, как у человека, не специализировавшегося в области этнографии, естественно, были и определенные ошибки, выражавшиеся, в частности, в том, что он считал идентичными понятия общество и аул, между тем как сельская община в Балкарии включала все населенные пункты какого-то ущелья.

В своих работах Баранов показывает скученность балкарских сел и поселков, рассказывает о методах и технике строительства жилищ и хозяйственных построек, уделяет внимание описанию структуры сел, их улиц и переулков, интерьера жилищ, общественных зданий.

Евгений Захарович с симпатией относился к горцам, отмечал их «замечательное здоровье, крепкое телосложение». «Горский старик в 60 лет,— пишет он,— еще не кажется стариком, он бодр, силен и крепко держится на ногах; сделать в короткий промежуток времени длинный, трудный переход по горным тропам и дорогам, очень неудобным и далеко не безопасным, для него ничего не значит — после перехода он не будет жаловаться на боль в теле и усталость. Старость не особенно сторбливает его стан, и он часто обходится без палки, обычного «спутника» дряхлых людей. Примеры долголетия горцев нередки — в любом горском обществе и теперь можно встретить столетних стариков». Эту же особенность выделил биолог И. Акинфиев, посетив Бак-

---

⁴¹ Качановский Ю. В. Рабовладение, феодализм или азиатский способ производства. М., 1971, с. 187.

⁴² Поршнев В. Феодализм и народные массы. М., 1964, с. 296.

санское ущелье в 1886 году: «Как серна или дикая коза, горец совершенно свободно поднимается по крутизнам, иногда с тяжелою ношею».

Действительно, выносливость для балкарца так же закономерна, как и долгожительство. Во время своих этнографических поездок в большинстве сел нам приходилось беседовать с 15—20, а то и более информаторами старше 90—100 лет. Это были вполне крепкие, трудоспособные и жизнерадостные люди. Когда мы приезжали беседовать по тем или иным вопросам традиционной этнографии к М. Ш. Бабаеву (1864 г. р.) в Белую Речку, то всегда заставляли его за каким-нибудь занятием по хозяйству. Приехав в августе 1970 года в Верхнюю Жемталу к М. Х. Гузиеву (1860 г. р.), мы нашли его работающим в саду. Бывая часто у А. Н. Жанатаева (1864 г. р.) в Гунделе, мы ни разу не видели его больным или сидящим без дела. Нам приходилось наблюдать за виртуозным, мастерским вязанием Т. К. Анаевой (1886 г. р.) и А. Г. Гажаевой (1878 г. р.) из Хасаньи, Т. Н. Атмурзаевой (1874 г. р.), А. Н. Шекеровой (1870 г. р.) и А. Э. Боллуевой (1870 г. р.) из Гунделепа, М. К. Гелястановой (1880 г. р.) из Яникоя, Ф. О. Токумаевой (1879 г. р.) из Ташлы-Тала. Они и многие другие, информацию которых мы еще не приводили в своих публикациях, о которых пока не упоминали, были нашими рассказчиками.

Подкупает Е. З. Баранова у горцев нравственная чистота, честность, гордость, обходительность, общительность, гостеприимство. Но при оскорблении горец всегда стоит за себя. И все же, как дальше правильно он замечает, кровомщение в горах «не принимает» широких размеров и его нетрудно предупредить, склонив кровников к примирению.

Примирителями враждующих и вообще судьями при разборе ссор, возникавших между горцами, обыкновенно являлись старцы, выбранные из наиболее почетных и уважаемых народом. «Их называют медиаторами (третейскими судьями) и решением их всегда остается довольна как та, так и другая сторона враждующих».

Действительно, кровная месть в Балкарии уже не имела такого распространения, как у ряда других горских народов⁴³. Она была заменена системой вы-

⁴³ Ихилов М. М. Табасаранцы. — В кн.: Народы Кавказа. М., 1960, т. 1, с. 525; Калоев Б. А. Чеченцы. — Там же, с. 366; Третья-

купов. «Даже умышленное убийство,— замечал С. Давидович,— не подлежит преследованию, если родственники убитого помирятся с убийцей»⁴⁴. И платили балкарцы обычно скотом, имуществом, землей, деньгами. Но чаще всего размер штрафа они определяли числом скота, что свидетельствует о значении и роли у них исторически скотоводческого хозяйства. Аналогичный факт зафиксировала у древних кельтских племен Е. В. Гутнова⁴⁵.

Анализируя данные полевого этнографического материала в отношении кровных выкупов, можно заключить, что балкарцы требовали равноценную плату как за случайное, так и за преднамеренное убийство, хотя воспринимали эти факты по-разному. В одной из своих ранних публикаций мы уже приводили пример преднамеренного (по неосторожности) убийства сыном Азнора Айдаболова своего молочного брата Гиляжи Зарашева. Виновная сторона в качестве платы за кровь отдала довольно большой сенокосный участок, но отношений вражды, какие бывают при умышленном убийстве, между этими фамилиями не было.

Сотруднику газеты «Коммунизмге жол» Д. Таумурзаеву удалось воспроизвести более подробно события этой трагической истории. Когда печальная весть дошла до Коспарты, села, где жили обе фамилии, старшее поколение Айдаболовых пришло к Зарашевым и Темукуевым, зятем которых являлся пострадавший, с просьбой о примирении. Глава тукума Зарашевых ответил, что он понимает положение виновной фамилии, что Зарашевы всегда с уважением и почтением относятся к неписаным законам их дедов и к народному суду — тёре, по которым «проступки, совершенные неумышленно, кровью не платятся» — «билмей этген хата ючюн къан тёленмейди», за «повреждение во время игр глаза, головы или какой-то части тела родители не ссорятся» — «ойнагъанда кёз да чыгъар, башда тешилир, алай аны ючюн туюшюрге жарамаз» и что их сын ни в чем не виновен.

Темукуевы говорили о том, что для «любого рода нет большей трагедии, чем потерять зятя», но раз такое

ков С. Сванетия. М., 1928, с. 17; Клементьев. Через Сванетию на Эльбрус. М.—Л., 1930, с. 48; Ковалевский Б. Страна снегов и башен. Очерки сванской культуры. — Прибой, 1930, с. 67, 69, 71.

⁴⁴ Давидович С. Восхождение на Эльбрус, с. 89.

⁴⁵ Гутнова Е. В. Общественный строй «варваров». — В кн.: История средних веков. М., 1952, с. 34.

случилось, значит это судьба. И при этом они вспомнили легенду о смерти на охоте зятя Апсаты — Тегея. Приведем ее краткое содержание: некогда Апсаты, охотясь со своим сыном Атылом и зятем Тегеем на турах в верховьях Черекского ущелья, решил выяснить, кто же все-таки сильнее, ловчее и выносливее — его сын или зять, до сих пор не уступавшие друг другу ни в чем. Победу в упорной схватке, продолжавшейся в течение дня, с незначительным преимуществом одержал Тегей. Но по условию состязания он должен был без оружия в районе Дылгам-кая поймать тура. Настигая животное, Тегей нечаянно сорвался со скалы и погиб. В течение всей жизни казнил себя Апсаты за случившееся, жалея и свою дочь, «которая осталась вечной вдовой»...

Хоронили Гиляжи все три фамилии. Расходы были оплачены Айдаболовыми, хотя ни Зарашевы, ни Темукеевы об этом даже не обмолвились. А после похорон пострадавшим был подарен покосный участок «Тюп Мулучу», который автор книги и Д. Таумурзаев видели во время экспедиции летом 1975 года.

Неумышленным было убийство Хажи-Мырзы Малкарова Бий-Асланом Беппаевым. Обе стороны договорились о выплате композиции — «къан телеген» в размере пяти коров, одной лошади с седлом и 100 рублей.

Исмаил Тоттаев, случайно убивший сына Доблая Картлыкова, сбежал в Нижний Чегем к дяде по материнской линии. После трехлетних поисков старший брат убитого Хасан нашел виновного и потребовал выкуп — 60 голов скота. После того как выкуп был вручен пострадавшей семье, между этими патронимиями отношения были налажены.

Подобным же образом к преступлениям подходили и горные грузины — пшавы и хевсуры.

Имея в виду вышесказанное и то, что в объяснении многих явлений представители разных народов Кавказа находились под влиянием анимистических воззрений, они подходили к реальному факту через призму отношений «добрых и злых духов» к усопшему, и все это в совокупности противодействовало различению мотивов и степени виновности при убийстве. Убедительный пример в этом плане приводится известным писателем А. П. Кешоковым в его романе «Вершины не спят», где случайное убийство соседа Каспота одним из героев романа

Кургоко повлекло за собой выплату, составившую половину имущества ⁴⁶.

Заметим, что сумма выкупов в Балкарии и у соседних народов Северного Кавказа не была постоянной, так как зависела от степени сохранения архаических черт этих порядков, что свидетельствовало о существовании таких времен, когда в случае бегства виновного конфисковывалось все имущество.

При выплате денежной компенсации важную роль играли социальные и имущественные различия потерпевшего и виновного, т. е. отношение их к тому или иному сословию ⁴⁷. Примеры говорят о том, что чем беднее был горец, тем больше, в случае вины, падала на него плата, и наоборот, если он оказывался пострадавшим, получал меньшую сумму платежа по сравнению с таубием и богатым его односельчанином. «Подобно тому, как в германских «правдах» высшее состояние выражается прежде всего в высшем размере «вир» или «композиций», так точно среди горцев убийство и всякое другое правонарушение, направленное против членов княжеского рода, ведет за собою уплату обидчиком пени в три и четыре раза больших против обыкновенных», — читаем в работе Миллера и Ковалевского ⁴⁸. За убийство таубия платили в 3—4 раза больше, чем за простого крестьянина ⁴⁹, эта «вира» определялась примерно 15 головами крупного рогатого скота ⁵⁰.

От помощи в платеже выкупа освободить себя не мог ни один из родственников. И до уплаты его и урегулирования отношений, по адату, принято было избегать членов патронимии и фамилии пострадавшего.

Женщины и молодежь, как правило, были противниками примирения выкупом, всячески отговаривали мужчин прощать виновных, заклинали их памятью предков. Но общественное мнение настоятельно требовало этого, и пострадавшая сторона соглашалась на мирный исход дела.

---

⁴⁶ Кешоков А. Вершины не спят. — Роман-газета, 1967, № 4, с. 27.

⁴⁷ Документы по истории Балкарии (конец XIX— начало XX в.). Гальчик, 1962, с. 89.

⁴⁸ Миллер В. Ф., Ковалевский М. М. В горских обществах..., с. 573.

⁴⁹ Ковалевский М. Закон и обычай..., с. 257.

⁵⁰ Миллер В. Ф., Ковалевский М. М. В горских обществах..., с. 573.

Народные законы, даже после примирения, все же в ряде случаев не исключали столкновения между пострадавшими и виновными, и поэтому сельские власти предлагали родным и родственникам убийцы переселиться в другую сельскую общину. Каким бы выкупом конфликт ни был заглажен, в душе близких убитого оставалось неудовлетворение исполнением своих обязанностей, и рано или поздно оно могло проявиться.

В Центральном государственном архиве КБАССР (ф. 6, он. 1, д. 364, л. 138 и об.) хранится документ «Прощение холопа Муссы Жангуразова начальнику Центра Кавказской линии Голицыну о прекращении притеснений со стороны таубиев Абаевых» от 4 октября 1845 года, в котором Жангуразов просит повлиять на малолетних Абаевых, преследующих Жангуразовых после примирения. В частности, он указывает, что они «несколько раз по встрече на дороге делали выстрелы».

В качестве такого примера можно привести переживания Инала Маремканова (героя уже называвшегося романа А. П. Кешокова), отец которого был убит в приступе гнева соседом Матхановым Кургоко. Важно, что представление о «долге», принятом в среде кабардинцев, нашло отражение в детской душе. Сам же Матханов хорошо знал обычаи своего народа, знал, что если совет старейшин совершил примирение, его нарушение будет осуждено односельчанами. Но он знал и другое, что голос крови, несмотря ни на какие выкупы, может проявиться в душе наследника-мужчины. Он не был совсем уверен, что Инал, став взрослым человеком, не захочет отомстить его сыновьям. И поэтому Кургоко предпринимает следующий, по его мнению страховочный шаг: двух своих сыновей он определяет на учебу в русскую и мусульманскую школы, надеясь, что на людей «ученых», редких в те времена у горских народов, рука кровника не посмеет подняться.

Этикет не позволял горцу устраивать скандалы, ссоры или мстить в общественных местах: на сходах, ныншах, в присутствии стариков, женщин, детей⁵¹.

Вопросы, связанные с выкупом и примирением кровников, обсуждались на «дуа» — похоронном обряде, за-

⁵¹ Информация Магомета Карамырзаевича Доттуева (1871 г. р., сел. Гунделен), Хусейна Калабековича Жаппуева (1905 г. р., сел. Жанхотеко), Мухтара Османовича Калабекова (1916 г. р., сел. Нижний Черем).

тем на ныгыше ближайшими соседями и друзьями, а потом несколько авторитетных и почетных стариков предлагали свои мысли членам народного суда — медиаторам, которые занимались решением уголовных и гражданских дел ⁵².

Надо заметить, что отношение к медиаторам у дореволюционных авторов было противоречивым: одни поддерживали их деятельность, другие считали, что они приносят больше вреда, чем пользы. Так, один из авторов, публиковавшийся в «Терских ведомостях», в сообщении «Наши миротворцы» писал, что примирители не отвечают своему предназначению, приведя при этом пример конфликта и печального его исхода между чегемцами Бейтуганом Сарбашевым и Эсенем Таппасхановым ⁵³.

Но жители сел. Насыр-Корта в Чечено-Ингушетии считают, что и в наши дни, если кто-либо из односельчан серьезно повздорит, только «старшие могут помирить».

Количественный состав народного суда был разным — в зависимости от разбираемого дела. Если рассматривалось убийство, он равнялся 7—9 членам, ранение, оскорбление, клевета — 3—5. Если дело осложнялось, то процедура проходила следующим образом: перед началом следствия судьи давали слово в объективном и принципиальном подходе к решению вопроса, родственники же потерпевшего обещали отнестись к их решению уважительно, воспринять его «сдержанно, как подобает благовоспитанным людям» ⁵⁴.

Примирение, как правило, проходило во дворе дома убитого в присутствии всех его ближайших родственников — членов патронимии. Любая из сторон могла не согласиться с решением посредников, но должна была об этом объявить. После этого кровомщение возобновлялось. Несогласие идти на примирение, несогласие с решением суда осложняло жизнь враждующих фамилий. Некоторые из кровников этой жизни предпочитали бегство, даже в другие страны.

Невыполнение приговора одной из сторон, участвовавших в тяжбе, вызывало осуждение общественного мнения. В наиболее серьезных случаях игнорирующих

---

⁵² Записано Д. Таумурзаевым в Верхней Балкарии.

⁵³ *Житель*. Чегемское общество Нальчикского округа. — Терские ведомости, 1894, № 108, с. 3.

⁵⁴ Запись сделана автором в Верхнем Чегеме.

моральное отношение к происходящему суд мог объявить вне закона.

96-летний Кайсар Бозиев из Хасаньи рассказал автору книги и Д. Таумурзаеву историю Бозиева Башия и Зануюкова Ортая, происшедшую, как считали еще старшие представители фамилии Кайсара, примерно в середине XVIII века. В один из праздничных дней в местечке Зиришхи⁵⁵ (Зарашкы, Зарашгы.— А. М.) происходили скачки. Сюда собрались лучшие джигиты из Чегет-эль, Тура-Хабла, Ишканти, Кюннумов, Мухола, Коспарты, Зарашкы, гости из Ичкумея, Эльжурту, Гирхожана, Эльтюбю, Булунгу, Безенги. Во время решающего заезда соревнований вперед стал выходить Баший Бозиев, обгоняя до сих пор не уступавшего ему Ортая Зануюкова. Последний с досады (он считал себя выше и в социальном отношении) на лету ударил Башия камчой, что привело к поединку между ними — туююшге. Но Башию и здесь повезло: он убил своего соперника и оказался победителем. Не дав начаться семейной войне — тукъум уруш, народные судьи, рассмотрев дело, пришли к выводу, что виновником происшедшего является Ортай, но и Баший своими действиями тоже вышел за рамки закона и должен понести наказание. Чтобы он своим присутствием не напоминал матери убитого о горькой утрате, его выслали в соседнее общество — Хуламское. Но Зануюковы через несколько лет все же отомстили Башию, что наложило на них печать убийц — мурдар и оттолкнуло навсегда односельчан. В народе и сегодня, когда что-то осуждают, говорят: «Зануйукъланы эшегинлей, не айланаса?» — Что ты ходишь, как шнак Зануюковых?

Кровная месть возобновлялась и в случае невыполнения виновной стороной решения суда.

После выплаты выкупа и возвращения оружия, которым было совершено убийство, устраивалось так называемое «мирное угощение» для всех родственников усопшего. Что, видимо, являлось остатком тех времен, когда ущерб, принесенный одной семье, воспринимался также близко и всеми членами фамилии.

Такой обед у осетин, ближайших соседей балкарцев, назывался столом крови в доме убийцы — «туджы

---

⁵⁵ Равнинное место близ Верхней Балкарии на правом берегу Черема, где устраивались скачки (Кокков Дж. Н., Шахмурзаев С. О. Балкарский топонимический словарь. Нальчик, 1970, с. 68)

фынг». «При этом семья убийцы,— утверждает З. Д. Галгойти,— дарила пострадавшей семье оседланную лошадь и пр.».

«Но, несмотря на такую уплату,— считал П. Зубов,— не прежде исчезает совершенно кровавая вражда между домами убитого и убийцы, пока кто-нибудь из них не возьмет у другого на воспитание дитя, ибо тогда они соединяются между собою политическим союзом, равным родственному»⁵⁶.

И поэтому с целью окончательного примирения семья виновного старалась взять на воспитание сроком на 2—3 года ребенка — «къан эмчек» из семьи убитого⁵⁷. «С уплатой «кан алгана»,— замечено у Ковалевского,— или композиции, связывается обыкновенно передача роду убитого кого-либо из малолетних родственников убийцы»⁵⁸. Через положенный срок ребенок возвращался домой с подарками и считался ближайшим родственником «кровной» фамилии. Эта процедура символично означала умиловление усопшего и других предков, сближение с родственниками пострадавшего, поддержание якобы семейного и фамильного культов. М. Ковалевский видел в этой «заботе о союзах» порождение в свое время распространенного обычая «передавать новорожденных детей на воспитание чужим семьям, чтобы таким образом установить с ними фиктивное родство»⁵⁹.

Кроме того, у балкарцев, карачаевцев, лезгин и у ряда других народов Кавказа после общей процедуры примирения кровники выдавали замуж дочерей за мужчин фамилии пострадавших. «С тою же целью,— читаем у С. Каргинова,— обычай предписывает связывать узами родства кровников...»⁶⁰ Такие браки, считавшиеся абсолютной гарантией установления родственных отношений, наблюдались в средневековье у германских и скандинавских племен и народов, у франков, славян. Установление подобным образом родственных связей давало право членам враждовавших фамилий считать друг друга «кровными братьями» — «къан къарындашлар».

Е. З. Баранов отмечал особое, почтительное отноше-

---

⁵⁶ Зубов П. Картина Кавказского края..., с. 48—49.

⁵⁷ ЦГА КБАССР, ф. 1, оп. 1, д. 317, л. 10.

⁵⁸ Ковалевский М. Закон и обычай..., с. 216.

⁵⁹ Ковалевский М. Очерк происхождения и развития семьи..., с. 95.

⁶⁰ Каргинов С. Кровная месть..., с. 188—189.

ние к старшим по возрасту людям: «Вообще, уважение к личности старого человека у горцев велико; горец никогда не позволит, хотя и самой невинной, насмешки над старым человеком; юноша терпеливо выслушивает наставления старца и не позволит себе критиковать их в обществе; конечно, от его доброй воли зависит принять или не принять эти наставления, но смеяться над ними он считает за грех».

Баранов восхищался культурой поведения и речи балкарцев, кабардинцев, осетин и других народов Северного Кавказа. Так, ему приходилось видеть, как из двух встречающихся на горной тропе, первым здоровался идущий под гору, едущий на коне с пешим и т. д. Баранов представлял себе, что всему этому и тому, что и когда можно говорить, приучали с детства. И это естественно. Даже сегодня гунделеновцы, например, считают большим промахом в воспитании неумение общаться с людьми, плохо знать свой язык и обычаи.

Восторженно отзывался автор о гостеприимстве и товариществе жителей балкарских ущелий. «Своего гостя горец встречает приветливо, угощает его «чем бог послал», обслуживает ему, но без тени раболепия, хотя и был бы он знатным гостем, но с полным сознанием, что он поступает согласно требованиям обычая. Своего гостя он не позволит оскорбить, будь то туземец или не туземец — безразлично, особа гостя — неприкосновенна. Случается часто и так, что между хозяином и гостем устанавливаются дружеские отношения, смотря, конечно, по тому — понравятся ли друг другу хозяин и гость. Чувство дружбы, товарищества у горцев очень прочно; хороший, верный товарищ тот же брат родной...

У товарищей считается святой обязанностью выручать из беды, защищать друг друга, хотя бы для этого потребовалось пожертвовать собственной жизнью. Выдать товарища, разгласить его тайну считается величайшим позором, и к неверному товарищу горцы относятся с презрением. Очень редко случается, чтобы товарищи изменяли друг другу».

Из описания свадебных обычаев интересны приезд родственников жениха за невестой в ее родительский дом, знакомство с новой родней, стремление их произвести на присутствующих благоприятное впечатление. Во время угощения они произносят тосты, демонстрируют красноречие, стараются показать свою смекалку, на-

ходчивость, мудрость, участвуют в разного рода состязаниях.

Редко кто из авторов второй половины XIX века затрагивал вопросы, связанные с рождением и воспитанием детей. Баранов же, кроме того, останавливается и на отношении родственников к этому событию, на оказании помощи в процессе воспитания, на некоторых семейных праздниках и торжествах, обрядах, таких, как «курманлыкъ» и «башикче салыу».

Е. З. Баранов, находясь под влиянием В. Ф. Миллера, одного «из крупнейших исследователей устного народного творчества»⁶¹, записывал и печатал фольклорный материал. Из произведений устного народного творчества горских народов его внимание привлекали сказки и легенды. И большей частью его интересовали такие, в которых отражались мудрость народа и его жизненный опыт. Фольклорные тексты, собранные и напечатанные им, дают возможность современным ученым не только провести анализ фольклорного наследия балкарцев, но и проследить их историко-культурные связи с соседними народами.

К сожалению, не все публикации Баранова еще обнаружены, неизвестны нам и все его псевдонимы. Однако даже общее знакомство с его наследием говорит о том, что Е. З. Баранов интересовался и настойчиво и упорно изучал матерпальную и духовную культуру, законы и обычаи местных народов, заботился о сохранении памятников их устного народного творчества, понимая, что именно фольклор в связи с отсутствием у балкарцев и кабардинцев письменности менее защищен от вызывающих разрушение сил времени.

Восьмого июля 1895 года в г. Владикавказе была организована экспедиция в Баксанское ущелье в составе восьми человек. В нее входили учителя и преподаватели Владикавказской гимназии, Владикавказского, Шушинского и Кисловодского женских училищ. «Предпринимая эту поездку, участники имели в виду внимательно пройти долины, ущелья, горы, перевалы, осмотреть ледники и леса, побывать в аулах, с целью более наглядного ознакомления со всеми особенностями заранее намеченного нами уголка Кавказа, а именно Баксанского ущелья и

---

⁶¹ Калоев Б. А. В. Ф. Миллер — кавказовед. Орджоникидзе, 1963, с. 65.

ледника Азау»⁶², — писал впоследствии один из руководителей этой экспедиции И. Леонтьев.

Из довольно большого географо-этнографического очерка Леонтьева нас заинтересовали две главы — «Урусбиевский аул» и «Очерки жизни и быта урусбиевцев». Автор дает одно из этимологических объяснений слова «урусбий»⁶³ как «русский князь», что близко к легенде о фамилии Урусбиевых. Рассказывают, что «такое название получил аул от Чепелла (Чопеллеу. — А. М.) и его сына Исмаила Урусбиевых». Но, к сожалению, И. Леонтьев не поинтересовался у жителей села об истории заселения верховьев Баксана.

Путешественник, судя по очерку, старается ближе познакомиться с семейными и общественными отношениями жителей ущелья. Однако не со всеми его мыслями, выводами и утверждениями можно согласиться. Так, в очерке можно прочесть следующие строчки: «Изредка муж бьет свою жену. Отец и мать жестоко бьют детей». А восемью годами раньше Н. Харузин объяснял тяжелое положение балкарской женщины тем, что ей приходится при встрече с посторонними мужчинами отворачиваться⁶⁴.

Большинство же литературных источников и воспоминания старожилов, основывавшихся на серьезных фактологических материалах, свидетельствуют о противоположном.

С. Ф. Давидович, посетивший Шашбоват, Гижгит, Чилмас, Н. Губасанты и Ичкулиль, сделал вывод о том, что женщина здесь в сравнении с «другими мусульманскими обществами» находится в привилегированном положении и что ей не знакома «оглоблевая наука»⁶⁵.

А по данным Н. А. Караулова, «у болкар довольно сильно развито чувство любви мужчины к женщине, которая пользуется большим уважением, но при людях ее ласкать и оказывать ей внимание не принято. Муж при чужих, по обычаю, как бы не замечает своей жены, но наедине болкары очень внимательны к женам»⁶⁶.

⁶² Леонтьев И. Поездка к Баксанскому леднику..., с. 119.

⁶³ Хотя это слово встречалось в языке древних тюрков.

⁶⁴ Харузин Н. По горам Северного Кавказа. — Вестник Европы, СПб., 1888, т. 6, с. 189.

⁶⁵ Давидович С. Восхождение на Эльбрус, с. 356—357.

⁶⁶ Караулов Н. А. Болкары на Кавказе. — СМОМПК, Тифлис, 1908, вып. 38, с. 145.

По свидетельству И. Сарбашева, А. Тапасханова, Б. Гасиева, А. Глашева, К. Теппеева и других балкарцев-информаторов, мужчины-балкарцы, скрывая свои чувства от посторонних, особенно старших по возрасту, с уважением и вниманием относились к своим женам и детям. Несмотря на то, что семейное положение балкарской женщины до революции в основном определялось системой общественных отношений в Балкарии — патриархально-феодалных и влиянием шариата, она пользовалась относительной свободой по сравнению с теми народами, где мусульманская религия пустила сильные корни⁶⁷. Положение балкарской женщины, можно сказать, носило двойственный характер: несмотря на то, что она была значительно принижена в юридическом и экономическом отношениях, в домашнем хозяйстве она занимала самостоятельное положение и к ней всегда с уважением относились все члены семьи. Однако многие дореволюционные путешественники часто путали характерный для горцев Кавказа обычай избегания с действительным отношением к женщине в семье.

Верную оценку данным порядкам дали советские этнографы Я. С. Смирнова, А. Х. Магомедов, К. Г. Азаматов, Н. Ф. Такоева, А. Е. Тер-Саркисянц и др., объясняя их обычаем избегания, что лишний раз подтверждается повсеместным сохранением его в наши дни. По данным Л. Б. Шидовой, проведенной в 1971—1978 годах полевой этнографический опрос в сельских районах КБАССР, «избегание в той или иной форме сохраняется среди большинства опрошенных мужчин и женщин...»⁶⁸.

Именно поэтому в Балкарии, Безенги, Чегеме и сегодня, если женщину спросят, как зовут ее мужа, она ответит, что так же, как и такого-то знакомого с таким же именем⁶⁹; муж и жена, встретившиеся при госте на

⁶⁷ Полевой этнографический материал 1970 года.

⁶⁸ Шидова Л. Б. Социальный институт избегания у кабардинцев. — В сб.: Национальная культура и общество. М., 1974, с. 90.

⁶⁹ Однажды, работая с информатором в Хасанье по восстановлению родословной его фамилии, мы обратили внимание на аналогичную деталь. Информатор, которому было более 110 лет, запомнил имя одного из своих родственников, который гораздо моложе его, и обратился за помощью к невестке. И та ответила, что зовут его так же, как поэта Кулиева. И важно в данной ситуации было то, что ни сам информатор, ни двое его друзей, довольно-таки пожилых людей, ни сосед, который был помоложе, — никто из присутствующих не обратил на это внимания. Разговор продолжался.

улице сделают вид, что не заметили друг друга, о своем сыне и тот и другая будут говорить сдержанно, не проявляя эмоций и тоже не называя его имени.

Редко кто из дореволюционных авторов отмечал, что положение горской женщины во многом зависело от социальной принадлежности семьи. В этом плане надо отдать должное англичанину Клипону Денту, зафиксировавшему у себя в дневнике в Урусбиево, что «женщины занимали высокое положение при дворе князя»⁷⁰. И совершенно прав С. М. Хайдаков, указывающий, что исключительное положение в семье занимала мать. Она разрешала те или иные конфликты, возникавшие между членами семьи, при ней не повышали голоса, ей не возражали, она определяла и многое другое⁷¹.

И. Леонтьев затронул вопросы родства и родственных отношений, отметив, что урусбиевцы соблюдали различные виды родства.

При описании свадебных обычаев он заметил, что балкарская девушка «должна иметь и некоторое приданое». Действительно, в балкарских аулах девочкам приданое готовили уже с раннего возраста. С выходом девушки замуж оно представляло ее личную собственность.

В его работе присутствует материал о жилых и хозяйственных постройках, типичных для Баксанского ущелья, т. е. о деревянных и полудеревянных строениях, представлявших в прошлом центральные жилища больших семей.

В нескольких местах очерка И. Леонтьев касается экономической жизни горцев. В частности, его удивляет высокая цена земельных участков. По данным, которые ему удалось получить, «десятина луговой земли стоит около 800 руб... Что же касается пахотной земли, то она стоит еще дороже, от 800 до 1000 руб. за десятину».

Затрагивает автор вопросы занятий урусбиевцев, пишет о нелегком, но почетном труде чабана, кропотливой и трудоемкой работе земледельца, кустарном изготовлении предметов домашнего обихода и орудий труда, промысле балкарского охотника.

Привлекая данные своих предшественников, И. Ле-

⁷⁰ Альпийский журнал, Лондон, 1888, т. 13, № 93—100, с. 223.

⁷¹ Хайдаков С. М. Особенности межличностного отношения народов Северного Кавказа. — В сб.: Национальная культура и общество. М., 1977, с. 92.

онтьев подробнейшим образом рассказывает о приготовлении балкарцами различных напитков, мясных и молочных блюд (каймака, лакумов, халвы). Основной их пищей были молочные продукты — айран, масло, сыр и т. д.

Серьезное внимание он обратил на слабое качество обучения в школах при мечетях, неоправдывавшую себя систему обучения, которая состояла в «заучивании наизусть арабского текста корана»; «толкований и объяснений этого текста» не допускалось. Но и такое образование получить мог не каждый ребенок, так как за обучение нужно было платить. И, кроме того, многие семьи не имели возможности позволить себе освободить детей от работы в хозяйстве.

Автор сетует на отсутствие в балкарском ауле нормальных гигиенических условий, медицинского обслуживания, врача, библиотеки.

Летом и осенью 1896 года вместе со своим приятелем туристом Г. С. Семиколеновым и проводником из Кисловодска Бакуненко три поездки по северным склонам Кавказского хребта совершил В. Ф. Новицкий. В предисловии к своему очерку автор пишет, что не считает его научным и будет доволен тем, если читатель «получит несколько новых, еще не изведанных им впечатлений».

Он характеризует Урусбиево как центр сельской общины, описывает традиционные жилища, генеалогические корни отдельных фамилий, одежду и пищу балкарцев.

В. Ф. Новицкий воспроизводит церемонию встречи и обслуживания их молодым горцем, который помог гостям сойти с лошадей, снять бурки, башлыки, оружие; вспоминает симпатичных девушек, встречавших гостей стоя. Последнее Новицкий наблюдал и в кабардинских селах: «При входе в помещение, при выходе из него, а равно при проезде мужчины женщины встают; при встрече с ними мужчины держатся левой стороны, причем женщина не может переходить дорогу перед мужчиной».

Характеристику Урусбиевского общества мы находим и в путевом очерке ботаника И. Акиньева «Поездка к Эльборусу в 1896 году», напечатанном в научно-популярном педагогическом журнале «Естествознание и география» за 1897 год (№ 4, апрель).

Поднимаясь вверх по Баксанскому ущелью, автор обращает внимание на небольшие по размерам поселения (Озаруково, Гижгит, Муккулан, Кызыл-Кёз, Тютю, Кюллюм-Кылды, Чегет-Кылды) и соответственно маленькие пахотные «местечки в 20—30 сажень», искусную и в то же время простую по устройству систему орошения, качество почвы и выращиваемых культур.

Урусбиево приблизительно, на глаз, И. Акифиев определил в 300 дворов. Его беглый взгляд зафиксировал плотное соприкосновение построек, которые бы в городе заняли не менее двух кварталов. Но он, как видно, далекий от архитектуры человек, не разобрался в технике строительства жилищ.

Как и многие другие путешественники, Акифиев восторгался теплым приемом в кунацкой Науруза Исмаиловича Урусбиева, где он встретился с ранее прибывшими сюда гостями.

В этот же год, но Черекское ущелье посетил П. Стеблинский⁷². В начале своей статьи он следующим образом объяснил свое стремление попасть в горы: «Мне часто приходилось слышать о величественных видах природы по пути в Балкарию, о самой Балкарии, находящейся в ю.-з. углу Кавказских гор, об экономическом положении, земледелии и о трудности проездного пути, которым пользовался народ ее многие годы». И вот автор решил, как он пишет, «утолить свое любопытство».

Уже в Кашкатау Стеблинский замечает тщательно обработанные пахотные участки, огороженные каменными изгородями, традиционные и более современные жилища, которые сразу выделялись по крышам, спокойный и размеренный ритм жизни села.

Поскольку этот населенный пункт располагался в предгорье, ближе к кабардинским и казачьим селам, путешественник надеялся увидеть здесь планировку, несколько отличную от той, которая характеризует горные поселки и села. Но здесь проезжая дорога, или, как ее еще называли, «большая улица», так же тянулась от въезда в село к сельскому правлению, ныгышу, мечети и далее, изгибаясь между кварталами, к крайним домам (по направлению верховья Черека). А от этой улицы артериями отходили проулки в кварталы всего населенного пункта. Однако дворы здесь, отмечает автор,

---

⁷² Стеблинский П. Путешествие в Балкарию. — Терские ведомости, 1897, № 53, с. 2.

просторнее, чем в горах, да и окружены они огородами, яблоневыми, грушевыми и сливовыми садами.

Выше Кашкатау он любуется Голубым озером — одним из чудес балкарской природы. Постоянная температура лазурного цвета воды озера, заметное отсутствие в нем жизни, продолговато-овальная форма — от всего этого веет легендами, загадками, «привлекающей таинственностью».

Особое внимание в статье, с упором на специфический горный ландшафт, уделено земледелию и землепользованию. «Ничтожные клочки земли», пишет автор, были собственностью семьи и «рода», сделавшими этот участок пригодным для земледелия. Он, безусловно, прав в том, что размеры занятий земледелием «вряд ли обеспечивают в должной степени горцев продуктами питания».

Путешественник также правильно понял причины скученности балкарских поселений и малодворности, что аналогично удачному объяснению профессора Киевского университета Соломона Адамовича Егиазарова: «Отсутствии больших сельских поселений в горах, как и на севере России, объясняется тем обстоятельством, что здесь почти нет больших сплошных пространств пахотной земли, на которых могли бы существовать большие села; на небольших же участках пахоты, разбросанных по склонам гор, могут основывать оседлость лишь поселки или отдельные дворы и хутора»⁷³. А некоторые из посетителей и даже исследователей Балкарии, подобно К. Ф. Гану, считали эти места слишком удаленными от цивилизации: «Долина слишком дикая для больших поселений»⁷⁴.

Заключает свою статью Стеблинский благоприятным отзывом о населении.

Увлекательно и обстоятельно об одном из балкарских сел — Гунделене⁷⁵ и его жителях написал известный русский путешественник Александр Соборнов⁷⁶.

В этом селе путешественник прожил полтора месяца.

⁷³ Егиазаров С. А. Исследования по истории..., с. 120.

⁷⁴ Ган К. Ф. По долинам Черека..., с. 4.

⁷⁵ Интересно, что термин «кунделен» обозначал одно из подразделений рода кичаков (Соколов Д. Н. О башкирских тамгах. — Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург, 1904, т. 14, с. 91).

⁷⁶ Соборнов А. У Эльбруса. — Всемирный путешественник, 1898, № 1—6.

Целью его поездки было знакомство «с Гунделенами, их обитателями и кошами». В слободе Нальчик, где Александру Соборнову приходилось бывать не раз и о котором у него уже успело сложиться мнение, что это «один из замечательных уголков Кавказа», в Центральном окружном правлении он получил свидетельство, разрешавшее владельцу данного документа посещение «населенного горскими татарами селения Гунделеновское».

Его путь лежал через некоторые кабардинские села, и в частности через выделенный особо Соборновым населенный пункт Баксан. С жизнью кабардинского народа ему уже приходилось знакомиться в прошлые свои посещения Кавказа. Вот и сейчас, проезжая мимо искусно, со знанием сельскохозяйственного дела, обработанных полей проса, кукурузы, пшеницы, фруктовых садов, обращая внимание на пасущийся на выгонах скот, автор делает вывод о благоустроенности и зажиточности жителей Кабарды. При этом, припоминая некоторые данные из исторического прошлого кабардинцев, он отмечает в записной книжке, что кабардинцы бесспорно культурный народ, что «кабардинцы воинственны, умны».

Но А. Соборнову не нравилось у этого и других народов Кавказа зависимое положение в семье и обществе женщин.

После Баксана, по словам автора, он попал в царство гор. «Кавказ с его древними горами, с его чудною то роскошною, то грандиозно-величественною природою чарующ», — писал путешественник, цитируя при этом стихи Лермонтова и Марлинского.

В Гунделене он очень быстро познакомился и крепко подружился с симпатичными ему людьми этого балкарского селения. Не в одном доме Соборнов еще будет гостем, не с одним жителем еще будет беседовать.

Путешественник интересовался всем тем, что характеризует народ. И первое, что узнал он у гунделеновцев, — это предание о Гунделене, который, по их мнению, является «несчастливым поселением». Более семи раз делали люди попытку заселить данную местность, и все время их ждала неудача. «По преданиям, сохранившимся и доныне, — пишет А. Соборнов, — Гунделеновский аул стоит на человеческих костях». Подтверждением этому служат многочисленные могильники, окружающие аул широким поясом.

Соборнов подметил, что местоположение этого насе-

ленного пункта очень удачно, поскольку соответствует необходимым требованиям для успешного занятия скотоводством. Пастбища Жерклы-Кол, Кызыл-Дорбун, Хаёка и другие составляли «богатство горских татар». Обратил внимание Соборнов и на то, что в Гунделене мало семей, которые имели бы меньше 50 овец и рогатого скота, и что среди гунделеновцев нет нищих.

Естественно, что автор не дал и не в состоянии был дать, не будучи историком и этнографом, объяснения последнему факту. Между тем этот штрих очень важен в том плане, что показывал, насколько еще в горской среде, даже в предгорных сслах, где, казалось бы, традиционное исчезало быстрее, чем в отдаленных ущельях, сильны были родственные, патронимические отношения. Члены даже уже распадавшихся патронимий не могли позволить, чтобы их сородич оказался нищим, это навлекло бы позор на всех родственников.

Не по силам оказалось путешественнику и уяснение проблемы землепользования в Гунделене. Конечно, он видел, что в связи с топографией местности расположение пахотных участков здесь было сложным — чересполосным. Участки виднелись на холмах, в ложбинах, даже в оврагах. Земельные угодья напоминали умышленно искаженные геометрические фигуры. Если бы Соборнов попытался определить принадлежность этих участков, то выяснилось бы, что некоторым хозяевам принадлежало по одной, две, а то и по три небольшие делянки.

Владельцы уже разделенной земли по установившемуся порядку имели право в своих интересах обмениваться участками, и при этом сход не мог запретить это. Однако во всем остальном семье села зависели от общины, поскольку земля считалась ее собственностью⁷⁷.

А получалось так в связи с периодическими переделами пахоты в этом образовавшемся после крестьянской реформы селе на основе выделенного государством определенного количества земельного фонда.

М. Ковалевский систему периодических переделов не считал самой архаической формой землевладения, а наоборот — «сравнительно позднего происхождения»⁷⁸. Земельная собственность в отличие от родовой и патро-

---

⁷⁷ Архив КБИНФЭ, ф. 10, оп. 2, д. 3, лл. 106, 162.

⁷⁸ Ковалевский М. Очерк происхождения и развития семьи..., с. 149.

нимической, характерной для специфического горного хозяйства⁷⁹, в данном случае представляла собой временное владение⁸⁰.

В начале нашего века в связи с разделами больших семей количество земельных участков увеличивалось, а размеры их соответственно уменьшались.

В разделах семей в Гунделене принимали участие и представители власти (старшина, один из его помощников и мулла), так как разделы непосредственно затрагивали интересы общинников⁸¹.

Сущность передела земли состояла в том, что перед каждым новым сезоном путем жеребьевки происходил пересмотр земельного фонда. Один и тот же участок каждый новый год попадал, как правило, другому хозяину. С учетом этого и если прибавить сюда игнорирование правильного порядка севооборота и полеводства, то можно представить, как хищнически истощались почвы.

Передел земли производился примитивными средствами (участки измерялись веревкой, а границы определялись колышками) специально выбранными сходом медиаторами, хорошо знавшими сельские земли, при участии глав семейств.

На протяжении очерка А. Соборнов не раз восхищается гостеприимством гунделеновцев: «Когда вы приезжаете к горцам, то в сакле, в которой вы останавливаетесь, перебивает почти весь аул (за исключением, впрочем, женщин), и старый, и малый считает своим долгом посетить вас; придет к вам в саклю горец, скажет приветствие на горском наречии, станет у стенки, у дверей, стоит и смотрит на вас. Любимый возглас гунделеновцев — это: — Ой, аллах, аллах!..»

Редко кому из путешественников и исследователей удавалось увидеть в Балкарии традиционные и религиозные праздники. Пребывание же Соборнова в Гунделене как раз совпало с такими мусульманскими праздниками, как «Ночь всемогущая» и «Уход белок в их норы».

Путешественник посещал также близлежащие коши,

---

⁷⁹ Ковалевский М. Современный обычай..., с. 59.

⁸⁰ Энциклопедический словарь. СПб., 1898, т. 24, с. 186.

⁸¹ Более подробно об этом см. в нашей статье «Первый исследователь Гунделена» (Коммунизмге жол, 1975, № 18, с. 3).

Вполне достоверны и данные Н. П. Тульчинского о численности населенных пунктов балкарских обществ, поскольку он исходил из материалов «Статистических списков населенных мест Терской области», регулярно публиковавшихся тогда в «Терском календаре».

Тульчинского интересовали этногенез и общественное устройство жителей балкарских ущелий, при этом он так же, как и Ковалевский и Миллер, считал, что балкарская народность складывалась на основе смешения местных ираноязычных племен с пришлыми тюркского происхождения. При этом, писал автор, пришельцы разрушили еще существовавшие тогда в горах «демократические порядки, установив свою власть, способствующую делению на сословия». Характеризуя пришельцев, он указывал, что в основе их «аристократического строя жизни» лежала «воинская доблесть», т. е., как это видно из описания, у пришельцев имела место организация управления, названная Ф. Энгельсом при характеристике германских племен «строем военной демократии». «В отдаленные времена нашей эры, — читаем у Тульчинского, — горцы и их соседи наполняли всю свою жизнь воинственными набегами друг на друга». Естественно, что среди соплеменников выделялись предприимчивые, смелые и покровительствовавшие слабым односельчанам военные вожди: «Такие люди в глазах своего племени олицетворяли все совершенства человека». Но при этом автор в доказательство своих тезисов приводит, к сожалению, довольно-таки неудачные примеры: факты образования фамилий балкарских таубиев, в частности появление фамилий Балкаруковых, Барасбиевых и Кучуковых от выходца из Абадзехии Анероко, Келеметовых и Шакмановых из Дигории, Урусбиевых от Алтут-Хана из Крыма. Данные об Урусбиевых автором были почерпнуты даже из архива г. Владикавказа.

Подобные объяснения, как видно из сравнения с другими источниками, были характерными для всех народов Северного Кавказа. Так, например, в «Трудах» Абрамовской комиссии отмечалось: «Из исторических данных и народных преданий кумыков пяти горских обществ Кабарды, горных дигорцев и др. видно, что родоначальниками высших сословий этих народностей были пришельцы из разных мест страны, переселившиеся в то время, когда население вело уже оседлую жизнь,

имело примитивную культуру и управлялось простыми народными обычаями. Обладая ловкостью, умом и выносливостью, в особенности последнее качество ценилось воинственными и полудикими племенами, эти люди сразу завоевали любовь и авторитет среди населения»⁸⁶.

Образование вышеперечисленных фамилий, на наш взгляд, надо объяснять другими причинами и не связывать с «кипчакским периодом». Безусловно, прав А. М. Ладыженский (в работе «Смена общественных форм у горцев Северного Кавказа»), считавший, что в корне не верно подходить к феодальным фамилиям как только к пришлым, и объяснявший их появление сословно-классовым расслоением общества.

Взять хотя бы из перечисленных фамилию Шакмановых, которая никакого отношения не имеет к этногенезу балкарцев. Убедительно это доказывает З. Д. Гаглойти в книге «Очерки по этнографии Осетии» (Тбилиси, 1974, с. 128—131), где приводит подробное предание и генеалогию Шакмановых, предки которых вышли из Архонского ущелья.

Исследования дореволюционных авторов и советских историков свидетельствуют о сложных миграционных процессах отдельных семей и индивидов на Кавказе также с древнейших времен. Формы этого движения разнообразны и находились в зависимости от внутренней динамики. Виды миграций представляли множество индивидуальных особенностей, которые нельзя назвать случайными. Они были вызваны определенными объективными и субъективными причинами.

Так, в селах горных ущелий и предгорий появлялись добровольные и оказавшиеся здесь по воле судьбы поселенцы, которые характеризуются В. М. Сысоевым как «знатные или простые семейства иного племени». В XIV—XVII веках это чаще всего отделившиеся фамилии, семьи или отдельные представители северокавказских народов, позже — также грузины и горские евреи, приезжавшие сюда с торговыми целями и остававшиеся нередко здесь навсегда, выходцы из дагестанских народов, Кабарды, Сванетии, Имеретии и т. д., занимавшиеся ремеслом.

---

⁸⁶ Труды комиссии по исследованию современного положения землепользования и землевладения в Нагорной полосе Терской области. Владикавказ, 1908, с. 80—81.

Одно из первых известий, свидетельствующих, в частности, о военных набегах северокавказских народов, восходит к 1826 году. В «Краткой записке о горских народах», напечатанной в «Северном архиве», отмечалось: «Должно полагать, что вообще между сими горцами есть много пленных солдат, которые туда перепродают, потому что не могут выбежать обратно»⁸⁷. О пленных, пополнявших те или иные общества северокавказских народов, в 1835 году писал П. Зубов⁸⁸.

М. М. Ковалевский приводит данные о кубачинских фамилиях, которые называли «опороченными», восходящими к женщинам — пленницам из соседних народов⁸⁹. Так, члены фамилии Адья-Абакар свои корни ведут к «плененной грузинке». Ковалевский же приводит и другие примеры: Горзамаули произошли от кистинцев (горных чеченцев.—А. М.), Баяни — от татар, Гураспаули — от «моховского пленника»⁹⁰.

Мисост Абаев (он же Горец) в легенде об образовании Балкарского общества, напечатанной в газете «Каспий» (1899, № 2, с. 2), писал, что сословие патриархальных рабов в нем появилось за счет «взятых в плен от неприятеля, украденных и купленных, в числе их были имеретины, сванеты, осетины, чеченцы, кумыки, кабардинцы и даже попадались русские из беглых солдат».

Миграции населения и образованию новых фамилий из представителей соседних народов способствовало патриархальное рабство.

От балкарского узденя Магомета Темирханова в 1844 году бегут в Коголкино (ныне Урух) М. Хашаев, а в дигорские села М. Тандуев, К. Шангуров и З. Тамазаев⁹¹.

По документу «Предписание начальника Центра Кавказской линии Эрнстова приставу балкарских народов Хоруеву об удержании крестьянина Хуболова в холопстве у таубия Абаева до выкупа» от 1849 года видно, что некий Салат Хуболов, осетин по происхождению,

---

⁸⁷ Краткая записка о горских народах.—Северный архив. Журнал древностей и новостей по части истории, статистики, путешествий, правоведения и нравов. СПб., 1826, с. 26.

⁸⁸ Зубов П. Картина Кавказского края..., с. 10.

⁸⁹ Ковалевский М. Закон и обычай..., т. 2, с. 141.

⁹⁰ Там же с. 72

⁹¹ ЦГА КБАСР, ф. 16, оп. 1, д. 618, л. 7 и об.

25 лет назад был куплен Муртазали Абаевым у дигорских старшин Туганова и Кубатиева⁹².

В феврале 1849 года хорунжий Афанасьев купил у чегемца Казн Балкарукова сванского мальчика, проданного Балкарукову несколько ранее сванскими князьями⁹³.

В декабре 1860 года от жителя Черекского ущелья Эльмырзы Мисирова бежит в Куртатинское ущелье крепостной Шабей⁹⁴.

И. Ф. Грабовский в своей статье «Привилегированные сословия Кабардинского округа» (Тифлис, 1870, вып. 3, с. 7) рассказывает, что оскорбление князя считалось у жителей Кабардинского округа «большим преступлением» и что даже в 70-е годы XIX века виновные бежали к «соседним племенам целыми семействами».

По данным П. Зубова, «взаимная злоба, между князьями и народом возраставшая, побудила многих из народа, более других угнетаемого, искать в крайности своего убежища и покровительства в наших владениях; почему многие и укрылись на линии»⁹⁵.

В монографии «Балкарский «тукъум» мы со слов Т. К. Занибекова (1882 г. р.) из Верхней Жемталы писали о крепостном крестьянине Лобжанидзе, нашедшем убежище в Черекском ущелье, о его семье и судьбе. Теперь мы приводим рапорт исполнявшего должность пристава дигорских народов Гайтова от 17 июня 1849 года, что «бежавший грузин селения Гебы Кучук Лобжанидзе находится в Балкарии...»⁹⁶.

26 сентября 1849 года уздень Шогенов жаловался приставу балкарского народа Хоруеву о том, что его подвластные крестьяне скрываются в Чегеме у Балкаруковых⁹⁷.

В рапорте главного Кумыкского пристава начальника Центра Кавказской линии Эристову о розыске двух кумыкских крестьян, находившихся в Чегеме, от 4 октября 1849 года указывается, что во время «возмущения Кумыкского владения» в Чегем сбежало двое крестьян и что владелец просит их вернуть⁹⁸.

· ЦГА КБАССР, ф. 31, оп. 1, д. 1, л. 102 об.

⁹² ЦГА КБАССР, ф. 2, оп. 1, д. 398, л. 1 и об.

⁹³ ЦГА КБАССР, ф. 2, оп. 1, д. 505, л. 1.

⁹⁴ Зубов И. Картина Кавказского края..., с. 100.

⁹⁵ ЦГА КБАССР, ф. 31, оп. 1, д. 1, л. 65 и об.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Там же, л. 136 и об.

По документу «Прошение таубия Урусбиева начальнику округа о понуждении бывших холопов Хабичевых к уплате обязательного выкупа» можно заключить, что в Урусбиевском обществе жила карачаевская семья Жаная Хабичева. Из документа, правда, мы не знаем, почему Хабичевы покинули Карачай⁹⁹.

В предписании начальника Центра Кавказской линии Эристова приставу балкарских обществ Хоруеву о сборе сведений о кабардинских крестьянах, нашедших приют в Баксанском ущелье и не признающих «никакой власти», указывается, что в районе Гестенти поселилось несколько семей из Большой Кабарды¹⁰⁰.

Известен случай миграции за счет усыновления. Так, в нынешнем селе Сармаково (до революции Бабуково. — 4. М.) живут потомки Курмана Казиева, жителя Урусбиевского общества, который в пятнадцатилетнем возрасте, в 1877 году, был взят на воспитание Увжуко Каловым (в документе — Колов). В Бабуково он приобрел дом, женился и завел хозяйство. Однако в 90-х годах между ним и сельчанами возникли трения по поводу пользования землей. Члены общины потребовали его выселения. Но Казиев с помощью некоего Мурзабека Малухова составил прошение на имя начальника Нальчикского округа, которое было удовлетворено¹⁰¹.

Проникновение инородцев в балкарские ущелья происходило и через браки с представителями соседних народов. Братья Нарышкины приводят пример Урусбиевых, породнившихся со сванскими Дадешкилиани, вместе с которыми в Урусбиевское общество попали «целые семейства холопов и рабов». «Понятно,— пишут Нарышкины,— что эти несчастные должны были кончить тем, что принимали веру своих новых господ»¹⁰².

В «Трудах» Абрамовской комиссии происхождение пришлых фамилий, к примеру в Чечне, связывается с выходом замуж за юношу из соседнего народа, бегством от кровной вражды, с «долголетним проживанием жителей одного селения в другом селении для исполнения каких-либо общественных обязанностей, например, муллы, кузнеца, пастуха»¹⁰³.

⁹⁹ ЦГА КБАССР, ф. 22, оп. 1, д. 976, л. 1 и об.

¹⁰⁰ ЦГА КБАССР, ф. 31, оп. 1, д. 1, л. 69.

¹⁰¹ ЦГА КБАССР, ф. 6, оп. 2, д. 53, л. 41.

¹⁰² Отчет г.г. Нарышкиных, совершивших путешествие на Кавказ..., с. 326.

¹⁰³ Труды комиссии по исследованию..., с. 214.

У кубанских ногайцев члены бедной крестьянской семьи — сыновья нередко уходили на заработки к другим народам и там оставались¹⁰⁴.

Аналогичные причины, а также раздоры вынуждали и балкарцев покидать земли своих предков. В «Трудах» Абрамовской комиссии зафиксирован факт, когда после раздела семьи Башиевых отец переселился в Аргудан¹⁰⁵.

М. Венюков в 1863 году указывал, что именно сила кабардинских племен дала возможность таким фамилиям, как Лоовы, Дударуковы и Трамовы, стать абазинскими князьями¹⁰⁶.

В середине XIX века из Балкарии в карачаевский Даут переехал Гитче Айдаболов¹⁰⁷.

Н. Г. Волковой удалось проследить движение балкарцев в Осетию. Так, она находит в дигорском селении Вакац выходцев из Черекского ущелья Асоновых, Боевых, Цалаевых, в Стыр-Дигоре — Гациевых, Нафиевых, Гулдиевых, в Ногкау — Гацалаевых¹⁰⁸. К сожалению, она не указывает, из каких они балкарских фамилий. Но в Задамске и Дзинаге ею обнаружены собственно Бозиевы и Ортабаевы, сохранившие прежние наименования.

Начиная с дореволюционных времен исследователи прослеживают подобные явления у всех народов Кавказа. Из Кабарды в Карачай, по данным Умара Алиева, некогда переехали Тохчуковы и Тамбиевы, от абазинского князя Хубия ведут начало карачаевские и кабардинские Хубиевы и Хачировы¹⁰⁹.

Описывая свое путешествие по Осетии, К. Ф. Ган вспоминал: «В качестве проводника предложил нам свои услуги молодой князь К., по происхождению кабардинец, но род которого давно здесь поселился и, так сказать, совершенно усвоил дигорскую народность»¹¹⁰.

¹⁰⁴ Керештов Р. Х. Большая семья у кубанских ногайцев во второй половине XIX века. — Проблемы истории СССР. М., 1973, с. 157.

¹⁰⁵ Труды комиссии по исследованию..., с. 60.

¹⁰⁶ Венюков М. Очерк пространства между Кубанью и Белою. — Записки Императорского Русского географического общества, СПб., 1863, кн. 2, с. 66—67.

¹⁰⁷ Сысоев В. М. Карачай в географическом, бытовом и историческом отношении. — СМӨМПК, Тифлис, 1913, вып. 43, с. 128.

¹⁰⁸ Все они, как видно, поменяли свои патронимические и фамильные наименования.

¹⁰⁹ Алиев У. Карачай. Историко-этнологический и культурно-экономический очерк. Ростов н/Д., 1927, с. 43.

¹¹⁰ Ган К. Ф. По долинам Черек..., с. 22.

Иван Михайлович Попов, делопроизводитель Ичкеринского округа Терской области, считал «Гунаевскую фамилию» чеченского аула Алды Бугун-юрт ведущей свое начало от родоначальника из гребенских казаков, основателя села Гезин-чу «наибства Даргинского» — Гези родом из Кабарды.

По архивным документам, обнаруженным преподавателем нескольких Тифлиских гимназий Петром Петровичем Надеждиным, на территории Кахетинской Алазани проживало более 500 кистов (горных чеченцев), некоторые из которых «приняли там христианство»¹¹¹.

В черкесском селе Хабаз Н. Г. Волкова встретила потомков фамилий Харабузовых и Шоумаховых. Материалы ее обследования Чечено-Ингушетии, Кабарды и Осетии показали, что Барагуновы, Кумыковы, Богдановы и Шаевы — жители сел Шуани, Махкеты, Кень-юрт, Мундар-юрт, Бетимохк — в прошлом дагестанцы¹¹².

Из семейств «кумыкских узденей» выводит некоторые карачаевские фамилии преподаватель русского языка и логики Екатериноградской гимназии Александр Николаевич Дьячков-Тарасов¹¹³.

Живший в последние годы жизни в Кисловодске и часто посещавший Верхнюю Теберду художник Н. А. Ярошенко сделал портретный набросок Якуба Кумыкова, родоначальник фамилии которого тоже был кумыкского происхождения.

В. П. Невская и Т. А. Невская, ссылаясь на Государственный архив Краснодарского края (ф. 774, оп. 2, лл. 121—129), приводят факты переселения до середины XIX века ряда карачаевских семей в Кабарду¹¹⁴. В этой же работе они указывают на значительное проникновение инородных элементов в карачаевское общество в период феодализма, при этом отмечая, что «пришельцы уже не принимались в род путем усыновления, как в родовом обществе, а образовывали самостоятельные фамилии — тукумы».

По данным нашего полевого этнографического материала, в конце прошлого столетия в Нижнюю Жемталу

¹¹¹ Надеждин П. П. Кавказский край. Природа и люди, Тула, 1895, с. 185.

¹¹² Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII — начале XX века. М., 1974, с. 207—210.

¹¹³ Дьячков-Тарасов А. Н. Заметки о Карачае и карачаевцах. — СМОМПК, 1893, вып. 25, с. 63.

¹¹⁴ Невская В. П., Невская Т. А. Сельская община..., с. 26.

из Мухола переселились три родных брата Атабиевы — Богатыр, Ахо и Кичи-Батыр. А еще один из представителей мухольских Атабиевых — Жуко поселился в Псыгансу.

Информатор Т. К. Бегиев (1896 г. р.) говорил, что «первым жителем Нижней Жемталы из тукума Бегиевых был ишкантыйский Темира».

Из Ишканты в Нижнюю Жемталу перебрался и Мусса Кудает, сын Кала Кудаета ¹¹⁵.

Из Балкарии в Псыгансу переехал Хадис Дзугуров (Дзугулары.— А. М.), а его потомки — в Нижнюю Жемталу. С отъездом Хадиса из Балкарии здесь тукум Дзугулары исчезает ¹¹⁶.

«Репорт начальника Горского участка начальнику Кабардинского округа о самовольном переселении жителей Черекского участка» свидетельствует о переселении в 1867 году в аулы Кожоково (Верхняя Жемтала) и Жанхотово (Псыгансу) 15 семей таубиев, каракишей и чагаров ¹¹⁷.

Удивительна история фамилии Батчаевых из Карачая, получившая распространение от разных атаулов примерно в конце XVIII века в Черекском ущелье и в 40-х годах XIX века в Урусбиевском обществе. Из Теберды в 1790—1795 годах, спасаясь от чумы — эмина, в Балкарию бегут три брата. После окончания эпидемии двое возвратились назад, а третий — Зугулай остался в Тебен-эль. Главами семей в период отмены крепостного права были: Кайсын, Ибрагим, Байкул и Мусса. Сыновья Кайсына — Исхак, Гитче-Кёз и Мусса, став совершеннолетними, поселились в Кашкатау.

История Батчаевых Баксанского ущелья восходит к жештебе одного из карачаевских Батчаевых на девушке из тукума Курдановых, сын которых воспитывался у родителей жены в Верхнем Баксане. В возрасте 22—23 лет он женился на представительнице тукума Геккиевых, и трое их сыновей — Жашау, Апалай и Ислам — положили начало трем атаулам. В Карачаево-Чер-

---

¹¹⁵ Информатор Кудает Таукан Битоевич, 1889 г. р., сел. Нижняя Жемтала.

¹¹⁶ Информатор Дзугуров Хатут Тамашевич, 1891 г. р., сел. Нижняя Жемтала; Мусукаев А. И. О взаимопроникновении кабардинских и балкарских фамилий. — Советская молодежь, 1976, № 103, с. 3.

¹¹⁷ ЦГА КБАССР, ф. 2, оп. 1, д. 1727, л. 2.

кесии Батчаевы живут в Жазлыке, Дуутс, Кумуше, Хурзуке, Сары-тюзе и Теберде.

Переселения имели место также и внутри тех или иных обществ, о чем наглядно свидетельствует «Приказ начальника Центра Кавказской линии Эристова о запрещении балкарским крестьянам переселяться из аула в аул и о закреплении их за феодальными владельцами»: «Беспрестанно доходят до меня жалобы владельцев аулов о частом переселении жителей из одного в другой аул, без согласия на то владельца...» Так, представители старшего поколения тукумов Биттировых и Газаевых рассказывают, что некогда Биттиров Кылча, повздорив с княжеской семьей Шакмановых, покинул Хулам и переселился в Суу-сузла Чегемской сельской общины. За потомками Кылчи в качестве патронимического имени закрепилось имя внука Кылчи — Газа (Газаевы). Сегодня родственные связи между ними поддерживаются слабо, но старики обеих фамилий помнят, что «те и другие ведут начало от одного отца».

Несколько непоследователен и сумбурен Н. П. Тульчинский и в объяснении появления сословий балкарского общества.

Но ему нельзя отказать в глубоком понимании сущности горского землевладения и землепользования. Он обращает внимание на раннее в связи с особыми условиями горной местности появление здесь частной собственности на землю.

По Н. П. Тульчинскому, земли принадлежали или большим и малым семьям, или же сельской общине.

Ведя речь о зимовниках, автор подводит читателя к тому, как нехватка земли, увеличение численности населения, распады патронимических кварталов способствовали оседанию населения в зимовниках и образованию на их основе патронимических поселков.

Н. П. Тульчинский отрицает точку зрения Миллера и Ковалевского по поводу того, что все земельные угодья балкарских ущелий принадлежали таубиям и что остальные сословия «сидели на их землях».

Анализируя земельные отношения в XVIII—первой половине XIX века, после 1867 года, взаимоотношения балкарских таубиев со своими крестьянами и соседними народами, особенно с кабардинскими князьями, автор замечает, что богатство таубиев, о котором писали Миллер и Ковалевский, нажито было ими именно по «осво-

бождении» крестьянского сословия. «Земельная реформа 60—70-х гг.,— как бы продолжают на примере карачаевцев объяснять В. П. Невская и Т. А. Невская,— была фактически узаконенным грабежом горского крестьянства, у которого была отобрана значительная часть земли для пожалования представителям горской знати и царской военщины. Так, штаб-ротмистр Хаджи-Мырза Крымшамхалов получил 800 десятин, его брат Аслан-Бек — 200, поручик Керты Салпагаров — 331 десятину и т. д. При этом карачаевская знать не лишалась и своих потомственных земель»¹¹⁸.

Не последнюю роль здесь сыграла «политическая зависимость горцев от кабардинских князей», благодаря которой «осевшие с разрешения и под покровительством кабардинских князей на северных склонах скал таубии держали там из года в год свои стада, имели зимовники, а когда эти земли, вследствие отклонения горской границы горской территории ниже к северу, очутились в районе горских владений, то они объявили их своею собственностью».

Даже незначительные по размерам земельные участки, по словам Тульчинского, рассматривались балкарцами, осетинами и другими жителями гор как бесценное богатство: «...эти клочки культурной земли, именуемые обычно земельною собственностью, до того сроднились-срослись в одно целое с хозяином горцем, настолько глубоко внедрились в народном сознании, что горец и помыслить не может, чтобы они когда-нибудь могли быть оспариваемы или отняты. Пашня или поемный луг что часть его самого — его тело и кровь».

Вся семья, включая и детей, читает дальше, знает, где лежит каждый камешек, где и как проходят границы, качество почвы в сравнении с остальными участками, расположенными в их районе. И автор делает вывод относительно размахов занятий земледелием: незначительность пригодной для хозяйства земли обуславливает второстепенную роль хлебопашества в горах.

Почти во всех публикациях, посвященных балкарцам, П. П. Тульчинский уделяет внимание системе орошения, изучив ирригационные сооружения в районах Гирхожана, Шашбовата, Тузулгу, Ачи, Шыкы, Безен-

---

¹¹⁸ Невская В. П., Невская Т. А. Сельская община..., с. 35.

ги, Мухола, Тёбен-эль, Верхнего Кюннюма. Эксплуатировалась действующая система орошения (автору удалось обнаружить остатки более сложных ирригационных сооружений гораздо раннего периода. — А. М.) с учетом поочередного ее использования «числом всех домохозяев» по суточным паям.

Как экономист, Тульчинский не мог не затронуть вопросов качества земельных угодий горцев, стоимости и роста цен на них на протяжении всего XIX века, которые к началу нового столетия он определял как «баснословно» высокие. Однако, замечает автор, повышение цен было не всегда стабильным. Так, в 70-х — первой половине 80-х годов, т. е. после отмены крепостного права, к владельцам перешли «пахотные и покосные участки, а также зимовники и пастбищные пространства» «их бывших подвластных». Реформа оставила хозяев «без рабочей силы», и они вынуждены были земли продавать, а поскольку крестьяне были разорены «выкупом» из крепостной неволи, цена на земли естественным образом упала. Быстрая же продажа излишков земли была вызвана боязнью обобществления земельных угодий, как это произошло с кабардинскими землями в предгорьях Балкарии.

Возвращаясь снова к проблеме стоимости земельных участков в разных балкарских обществах, автор отмечал, что дороговизна и, кроме того, малоземелье заставляли жителей многих, особенно «старых», сел выселяться за их пределы, т. е. Тульчинский невольно объясняет появление патронимических сел позднего периода. Тот факт, что автор прозорливо выделяет растущую остроту земельного голода в Хуламе, Безенги, Верхнем Баксане, — еще одно свидетельство прекрасного знания им жизни балкарского населения всех обществ.

Уже к 1914 году вопрос о выделении вышеуказанным обществам новых земель стоял на уровне областной администрации. Газета «Терские ведомости» (1914, № 798) поместила заметку под названием «Переселение Хуламского общества», в которой говорилось о выделении определенного земельного фонда для жителей Хулама и об организации комиссии по проведению самого переселения.

Годом раньше двадцать семей Урусбиевского и Балкарского обществ были причислены «с правами на земельный надел и другие угодья и обложением с того

же времени всеми повинностями»¹¹⁹ к пос. Хабаз.

Н. П. Тульчинский характеризует поселения, жилища и хозяйство горцев. Приводит подробно названия сел и поселков всех обществ (названия, правда, не всегда точны. — А. М.), количество дворов и численность населения, причем отдельно мужского и женского пола.

Надо заметить, что он, как и другие авторы конца XIX — начала XX века, патронимический квартал иногда путает с отдельным селом, ошибается и в численности населения сел и поселков Чегемского общества. Н. П. Тульчинский указывает, что принцип поселения балкарских сел и поселков был поквартальный, но его объяснение расплывчато. Он не увидел того, что во многих кварталах к началу XX века жили уже чужие семьи и даже патронимии. Так, по данным нашего полевого этнографического материала даже в наиболее отдаленном обществе — Безенгиевском, должном, казалось бы, более прочно сохранять устои большой семьи и патронимии, в Безенги смешанным кварталом жили Тюбеевы, Биттировы и Бозиевы, в Тотуре — семьи Жашау Чепкенчиева и его брата и Ёльмезовы, а также — Таймаскуловы, Туарчиевы, Махисвы и Созаевы. Более активно процесс смешения кварталов проходил в предгорных балкарских и равнинных кабардинских селах. А у некоторых народов, таких, как цахуры, по данным А. И. Исламмагомедова, старшие «не помнят даже намеков о потухнутом расселении, чтобы квартал занимал только один родственный коллектив»¹²⁰.

В работе «Пять горских обществ Кабарды» Н. П. Тульчинский отмечает, что балкарцы живут большесемейными коллективами, управляемыми старшими по возрасту. Выделяет автор положение старшей женщины в семье, с которой считаются все мужчины и даже глава семьи. Но он, что характерно для многих наблюдателей жизни и быта дореволюционной Балкарии и Северного Кавказа, не понял, в чем суть выражения поклонения старшему поколению, что молодежь видела и всячески ощущала доброе и участливое отношение к ней «отцов и дедов», ценила их за то, что они живут «ради детей и для детей». Неискушенному человеку, путешественнику или

¹¹⁹ Терские ведомости, 1913, № 197, с. 3.

¹²⁰ Исламмагомедов А. И. Поселения и жилища цахуров в XIX — XX вв. — Дагестанский этнографический сборник. Махачкала, 1974, вып. 1, с. 79.

туристу, чаще всего не знавшему и не понимавшему обычаев, не чувствовавшему психологии народа, казалось, что молодежь здесь слепо подчиняется старшим. И то, что мы называем большую балкарскую семью «отцовской», вовсе не означает, что она основывалась на голом деспотизме, исключавшем уважительное отношение членов ее друг к другу, понимание чувств, мыслей и желаний каждого, игнорировала человека как личность.

Н. П. Тульчинский, в общем-то верно объясняя причины исчезновения больших семей социально-экономическим развитием общества, считал, что в этом не последнюю роль играли и женщины, обычно редко уживавшиеся в большесемейном коллективе, и разногласия братьев, имевших разный количественный состав своих семей. По мнению автора, разделы тяжело сказывались на материальном состоянии крестьянских семей.

Что касается купли и продажи семейного имущества, то здесь играли роль факты кровнородственных связей: «В покупках земли родственники имеют преимущество перед всеми другими покупателями, затем идут соседи, и только по отказу тех и других право на покупку дается всем желающим... если горец совершает намаз (моление) и услышит о продаже, шариат разрешает прервать молитву, чтобы заявить о своем родственном преимуществе».

Мы не можем согласиться с утверждением автора о том, что хозяин земли якобы не был обязан оповещать родственников о предполагаемой сделке. Если родственники жили в одном квартале, они не могли в силу сложившихся в течение многих веков традиционных отношений нарушить закон предков и тем более пойти на обман. Патронимические связи да и общественное мнение практически исключали подобное. При продаже семейного имущества могли не предупреждаться те члены фамилий, которые жили в отдаленных селах или населенных пунктах соседних народов и постепенно утратили родственные связи, но это случалось крайне редко.

Такие порядки в этнографической литературе носят название прав предпочтительной покупки и родового выкупа. Что касается последнего, то здесь, нам кажется, точнее отражали бы сущность данного порядка словосочетания «право наследственного выкупа», «право патримониального выкупа», «право выкупа долевого владения», «право родственного выкупа», но не родового,

поскольку в данном случае речь идет о имуществе семейной общины и патронимии.

В одном из документов, датированном маем 1886 года, читаем: «По существующему в среде горского местного населения обычаю горец, желающий продать свое имение, обязан объявить о том всем своим родственникам, так как им предоставляется предпочтительное перед другими право на покупку такого имения, и только в том случае, когда никто из родственников не пожелает приобрести продаваемое имение и все они дадут свое согласие, имение может быть продано в посторонние руки...»¹²¹ Как видно из цитаты, речь идет о родственниках, а значит членах патронимии и фамилии, но никак не рода.

В своих публикациях Н. П. Тульчинский характеризует роль и значение в жизни семьи центрального жилища, показывает его широкое распространение, тем самым наводя на мысль, что большие семьи в горах имели повсеместное распространение.

По мнению автора, проявление гостеприимства у горцев не всегда и не везде одинаково: «...горцы, обитающие в глубине гор, менее гостеприимны, чем плоскостные...»

Нравились Тульчинскому хладнокровие, спокойствие горцев: «Они всякую несправедливость по их адресу переносят удивительно добродушно, не горячатся, не сердятся и всегда далеки от какой бы то ни было мести своим недругам». Если и наблюдались изредка ссоры и столкновения, никто из них не только не обнажал кинжала, но даже и не дотрагивался до него. Для этого нужен был исключительный повод.

О порядочности, добродушном и гостеприимном характере балкарцев писали и предшественники Тульчинского, и те, кто посетил балкарские села позже. Еще в 1859 году в газете «Кавказ» отмечалось, что балкарцы и карачаевцы «честны и справедливы как на словах, так и на деле»¹²². П. Максимов в 1929 году побывает в большинстве поселков Баксанского ущелья и выделит в их жителях именно эти черты. Тульчинский считал их надежными и преданными друзьями. Об этом же позже напишет П. А. Караулов: «Дружба их крепка и надежна».

¹²¹ ЦГА КБАССР, ф. 6, оп. 1, д. 102, лл. 161—162 и об.

¹²² Татарское племя на Кавказе. — Кавказ, 1859, № 91.

Высокого мнения автор и о горской нравственности. Ему не приходилось слышать, чтобы в балкарских селах или на кошах что-либо пропадало. Если кто-то что-либо и брал без разрешения, то только на время и возвращал назад, что объяснялось сложившейся традицией: «Сплошь и рядом летом, в дневное время, можно встретить оставленные пастухами коши на открытом воздухе; прохожие или проезжающие могут на этих кошах утолить голод сыром и жажду айраном и продолжить свой путь, не тронув ничего из оставленного. Таков обычай.

Любой горец или охотник, подымаясь на высоты гор, свободно оставляет на тропе свою бурку и другую одежду, обременительную при подъемах, в полной уверенности, что им оставленное может лежать сколько угодно времени, никем не тронутое. Так, в горах нет надобности иметь ни днем ни ночью толстые засовы и дверные замки, все может быть открыто, и никто ничего не тронет».

Побывавший вместе с В. Донкиным в 1886 году в горных ущельях Клинтон Дент замечал, что безенгиевцы «не склонны к воровству» и не любят лжи¹²³.

Н. П. Тульчинский писал, что, несмотря на превосходные условия для охоты, балкарцы не считали ее промыслом. Однако в горах были прекрасные охотники. Хотя он их не называет, нам хочется привести имена некоторых из них. Это Глау и Уммолат Гаевы, Нако, Сары и Абрек Габоевы, Абрек Теваев, Биченги Байдаев, Аслан-Гери Залиханов, Майль Толгуров, Дукум Атаев, Аккай Эттеев, Гелья Бакуев, Кайгермаз Будаев, Заур-Бек Афашоков. Охота в основном велась на туров, диких коз, зайцев и птиц.

В описании Тульчинским охоты и порядков, связанных с ней, просматривается ряд пережитков первобытно-общинных отношений и признаков, характерных для социального и идеологического единства членов патриинии: например, охотник, которому повезло, всегда делился с родственниками и односельчанами, младший уступал во всем на охоте старшему, хозяин гостю и т. д.

Стремление поделиться пищей М. М. Ковалевский рассматривает как один из важных примеров бытования в прошлом общей собственности членов рода, затем пат-

---

¹²³ Альпийский журнал, Лондон, 1888, т. 13, № 93—100, с. 225.

ропии, доказав это на примерах индейских племен Северной Америки и Бразилии ¹²⁴.

В книге «Карачаевцы» В. П. Невская, Е. Н. Студенецкая и И. М. Шаманов тоже указывают, что в Карачае, например, в отдаленные времена, когда «резали скотину, то куски мяса разносили по всем домам своего тийре» ¹²⁵.

Анализируя быт, И. П. Тульчинский особо отмечает трудолюбие женщин, успевавших везде и во всем: «На женщине лежит вся домашняя работа; ее трудолюбие изумительно, она не работает только тогда, когда спит, а спит она очень мало. Она обшивает и себя и всех мужчин в доме; у очага ее неотъемлемое место; она рубит дрова, чистит копышны и дворы, делает кизяки, ткет сукно...» Здесь же Тульчинский приводит еще ряд обязанностей женщин, в том числе и воспитание детей. При этом он, умаляя в последнем роль мужчин, ошибочно думал, что отгораживание от домашних дел и воспитания связано с равнодушным отношением их к детям. Между тем это — следствие обычая избегания.

И. П. Тульчинский не раз отмечал почтительное отношение балкарских мужчин к женщинам. Ему не приходилось видеть, чтобы мужчина ехал верхом, а женщина бы шла рядом, чтобы мужчины были грубы и невнимательны к женщинам. В то же время женщины, как замечал он, при встрече в пути всегда уступают дорогу мужчинам или встают при появлении гостей. Подобное наблюдалось в среде осетин, кабардинцев, абазин, ингушей.

Вряд ли прав Тульчинский в том, что балкарцы в случае болезни их близких не прибегали к медицинским мерам и не имели понятия об изоляции опасно больных. Во-первых, население горских обществ в случае необходимости обращалось к своим участковым фельдшерам, во-вторых, балкарская народная медицина имела определенный опыт лечения многих болезней ¹²⁶ и, в-третьих,

---

¹²⁴ Ковалевский М. Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения. М., 1879, ч. 1, с. 29.

¹²⁵ Невская В. П., Студенецкая Е. Н., Шаманов И. М. Общественный быт. — В кн.: Карачаевцы. Черкесск, 1978, с. 199.

¹²⁶ См. об этом статью Г. Х. Мамбетова и А. А. Маслова «Из истории народной медицины кабардинцев и балкарцев в XIX — начале XX века» (Этнография народов Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1977, вып. 1).

балкарцы всегда думали и знали о мерах предосторожности в случае инфекционных заболеваний.

Автору книги в 1969 году в Шаурдате удалось обследовать «шыякы» (фамильный склеп) Гадиевых, расположенный в 50 метрах от их патронимического квартала, который свидетельствует о том, что если кто-либо из членов тукума заболел неизлечимой болезнью, то уходил умирать в этот склеп, помня о продолжении рода, спасая здоровых родственников.

Искусством народной медицины владели обычно отдельные фамилии, передавая его строго в своем кругу, в чем также проявлялись взаимосвязи родственников. «Практическая медицина,— читаем у П. Зубова,— принадлежащая исключительно некоторым фамилиям, состоит из простых правил, изустно передаваемых из рода в род, и преимущественно заключается в искусном лечении ран».

Заканчивая анализ публикаций Н. П. Тульчинского, надо отметить, что он, живя долгие годы на Северном Кавказе, великолепно разбирался в хозяйственных проблемах горцев, землевладении и землепользовании, общественном строе и семейно-брачных отношениях, религиозных верованиях, народном творчестве. Но в объяснении некоторых фактов и явлений, хотя в этом и не было никакой необходимости, он прибегал к механическому повторению Миллера, Ковалевского, Иванюкова, Грабовского, Иванова, следуя им, порою не всегда удачным, объяснениям и толкованиям, заимствуя у них непроверенные цифровые данные.

Более самостоятельно, критически, правда не всегда оправданно (критика сравнительно-исторического метода исследования М. М. Ковалевского), подошел в эти годы к характеристике семьи, семейных отношений, атакельства, экзогамии, левирата, молочного родства, избегания, кровной мести и т. д. профессор Варшавского университета А. Даринский¹²⁷. Им сделана попытка рассмотреть все эти вопросы во взаимной связи. Он выделил у народов Северного Кавказа большую семью, отметив ее такие качества, как солидарность, игнорирование разделов, управление старшим по возрасту, разделение труда, общность имущества.

¹²⁷ Даринский А. Семья у кавказских горцев.— Записки Общества истории, филологии и права при Императорском Варшавском университете. Варшава, 1903, вып. 2.

В своем этнографическом очерке «Болкары на Кавказе» (СМОМПК, 1908, вып. 38) Николай Александрович Караулов, офицер русской армии, служивший в Терском казачьем войске и страстно увлекавшийся историей и этнографией народов Кавказа, также поднимает целый ряд исследовательских проблем, начиная с географо-климатической характеристики изучаемой местности и кончая ремеслом и народным творчеством ее населения. Караулов описывает жилище большой семьи, технику строительства, убранство комнат, мебель и посуду. При этом отмечает, что многое из виденного им делалось руками «местных мастеров». Он пишет, что домашняя утварь и кухонные принадлежности горцы изготовляли из железа, стали, красной меди и ценных пород дерева. Что касается оружия, то этот вид ремесла, по его мнению, стал исчезать в последнее время, хотя в прошлом занимал «видное место».

В очерке есть материал, касающийся производства одежды и «домашних тканей»: это — производство бурок, башлыков, овчинных папах, шуб из дубленых шкур, кожаных вещей, обуви.

Среди основных видов хозяйственной деятельности Караулов выделяет овцеводство, коневодство и земледелие. Так, о коневодстве он писал, что оно стоит «довольно высоко. Сорт балкарской лошади очень хороший, она неприхотлива и вынослива... Крепкое небольшое копыто очень цепко, и лошади эти незаменимы в горах». По его данным, балкарцы выращивали ячмень, кукурузу, овес, пшеницу, картофель.

В главе «Быт и занятия» автор пытается в общих чертах проанализировать разделение труда между членами балкарской семьи, мужчинами и женщинами, взрослыми и детьми. «Главные занятия мужчин, — читаем, — пасти скот, ездить в лес за дровами и охотиться. Летом работают на полях, а зимой занимаются выделкой посуды, земледельческих орудий и оружия. Специально женские занятия, кроме полевых, шитье, пряжа, тканье, приготовление пищи и одежды и выделка кож».

В свадебном ритуале Н. А. Караулов останавливается на одаривании родственников со стороны как жениха, так и невесты, отмечает внимательное отношение мужчин к старшим женщинам и детям.

Восходит к матриархату, к периоду матрилокального поселения, как видно из очерка, церемония увоза неве-

сты из отчего дома, когда «присутствующие женщины (имеется в виду в доме отца невесты. — А. М.) стараются обрезать дружку полу черкески». Последний сопротивляется, чтобы не допустить этого. Сюда же относится дальнейшая импровизация борьбы односельчан невесты с представителями со стороны жениха.

Лучшими днями свадьбы, по мнению Караулова, являются зимние пятницы. В очерке приводится поверье, что если во время свадьбы идет дождь, то это к счастью.

У балкарцев «особенно высоко стоит гостеприимство», считает Караулов. По обычаю гостеприимства, хотя гостей принимает один двор квартала, ему помогает вся фамилия. Каждый хозяин имеет кунацкую и необходимые запасы пищи.

Караулов затрагивает также вопрос родственной взаимопомощи, проявлявшейся в том, что «нищих среди болкар нет». Она распространялась на соседей, а также на бывших рабов, рабынь, на работников, нанимаемых хозяевами, и т. д.

Наиболее серьезным, обоснованным и фундаментальным трудом начала XX века по интересующей нас теме являются материалы Абрамовской комиссии¹²⁸.

Известно, что испокон веков острой проблемой в горах считались земельные отношения. Уже в 1841 году правительство издало указ о наделении «туземцев достаточным количеством земли для хлебопашества и пастбищ». В 1863 году с этой целью и для выяснения словных отношений начальником Терской области была утверждена сословно-поземельная комиссия. Однако в самый разгар работ, когда были обследованы уже все плоскостные районы, она была упразднена и на ее основе образовано Управление межевой частью при Терском областном правлении. И только созданная в 1906 году комиссия под руководством юрисконсульта при военно-окружном суде Кавказского военного округа действительного статского советника Иосифа Гавриловича Абрамова, в состав которой вошли С. И. Балков, Н. П. Тульчинский и И. М. Закусилло, Т. А. Тер-Арутюнянц и Н. С. Иваненков, смогла решить ряд важных вопросов, таких, как выяснение форм землевладения и

---

¹²⁸ Труды комиссии по исследованию современного положения землепользования и землевладения в Нагорной полосе Терской области. Владикавказ, 1908.

землепользования в горной части Северного Кавказа, сущность правовых норм горцев и многие другие.

Комиссии удалось собрать богатейший и уникальный по своему содержанию историко-этнографический материал, что еще более увеличивает ценность труда.

Прежде всего авторы установили, что основным видом деятельности в горах являлось овцеводство, поскольку именно этот род хозяйства обеспечивал горцев одеждой, пищей, давал возможность уплачивать налоги. А развитию скотоводства способствовали топография местности, наличие прекрасных пастбищ на северных склонах Главного Кавказского хребта.

Исследовав семейную жизнь балкарских обществ, они констатировали: «каждый двор составляет дворовую общину», что дает полное основание говорить о наличии в горах значительного количества больших семей. В то же время авторы замечают, что в «последнее время» большие семьи не уживаются и разделы слишком часты. И основные причины — имущественные споры. Достаточно привести примеры из «Трудов» относительно споров за землю между Аслан-Гери Башиевым и его родственниками Кассо, Шепше и Конаком Башиевыми, Каспулатом и Мохамед Абаевыми, Жанхотом и Магомедом Жанхотовыми, Кураем и Жашау Шаваевыми.

Авторы предполагают, что большие семьи бытовали еще в период появления в горах кочевников, которые, попав в ущелья, вынуждены были «заняться земледелием и построить свои земельные отношения на совершенно иных началах, именно на началах дворовой общины». Нехватка земли заставляла пришельцев и их потомков устраивать искусственные пашни и луга «путем расчисток из-под леса» и очистки горных склонов от камней, на что затрачивалась масса энергии и времени.

Аналогичное явление наблюдалось в Осетии, Чечне, Ингушетии, Кумыкии. Земли, находившиеся в собственности осетии, «...достались им по наследству от предков, которые путем заимки, прикладывая к земле труд, расчисткой от камня и из-под леса и удобрением обращали пустыри в культурные участки и с наследованием земель от предков до настоящего времени пользуются ими бесспорно». Такие участки становились собственностью только семьи или патриимии, принимавшей в этом участие. И поэтому «после смерти главы разработанные земли переходили во владение к прямым продолжате-

лям рода главы...». Причем определенно утверждается, что женщины в разделах земель не участвовали. Насколько прочной была частная собственность на такие участки, видно из того факта, что, несмотря на переселение многих осетинских фамилий на плоскость, земли в горах продолжали оставаться их собственностью. У ингушей, читаем в «Трудах», «жители, принадлежащие к одному роду, пользуются и по настоящее время нераздельно одними и теми же родовыми угодьями, хотя бы и жили в различных селениях».

В Балкарии и Осетии, зафиксировано в материалах комиссии, «формы землепользования и землевладения» смешанные — «подворное и общинное». Первое относится к пахотным и покосным участкам, второе — в основном к пастбищным и лесным угодьям. Исходя из специфики горной местности, близлежащие пастбища и покосы принадлежали одному или двум-трем селам, а не всему обществу. Как в Балкарии, так и в Ингушетии и Осетии отдельные пастбища являлись собственностью зажиточных и княжеских фамилий. Но в Осетии было и так, что некоторые пастбища принадлежали двум-трем сельским обществам.

Дореволюционные наблюдатели и авторы почему-то упускали вопрос об общинной собственности, что, в частности, касается Балкарии. Здесь общинная собственность была представлена отдельными отдаленными пастбищными участками, лесными угодьями в пределах общины, водными источниками, общинными кунацкими, иногда мельницами, мечетями, местами для проведения общественных праздников и сходов, дорогами.

В Чечне лежавшие у сел сенокосные поля почетные старики ежегодно переделывали между домохозяевами и родственными группами.

«Труды» комиссии определили и характер балкарской семьи, которой руководил старший по возрасту. В них указывалось, что «продажа имущества» не может быть совершена без согласия всех членов семьи, но члены комиссии не уточнили форму семьи, где такое могло быть. Мы имеем в виду семейный коллектив из братьев.

С отношением членов семьи к имуществу авторы увязывают права родственного выкупа и предпочтительной покупки, хотя данные институты своими истоками связаны больше с родовым строем и патронимией. В Осетии покупатели земли совершали сделки при свидете-

лях — поручителях, которые подтверждали, что все родственники оповещены о продаже данного вида имущества и что в дальнейшем не будут претендовать на проданное. В Чечне и Ингушетии земли вообще не продавались посторонним, т. е. не членам общества.

Земельные угодья, по данным комиссии, могли «переходить от одних лиц к другим на основании обычного права, как-то: путем наследования, дара, покупки, уплаты за кровь, уплаты в счет калыма, аталычества или эмчекского права».

При характеристике балкарских поселений авторы «Труда» выделяют патронимические поселки (Озаруково, Жабоево, Глашево), называя их «родовыми сообществами», которые, по словам последующих авторов, сохранялись и в 20-е годы. П. Максимов выделит такие поселки, как Узденовский, Этезовский, Малкаровский, считая их «закостенелыми пережитками родового строя»¹²⁹.

Полигенные села, по описанию членов комиссии, состояли из патронимических кварталов. Причем скученность объяснялась тем, что при разделах больших семей горцы оставались жить в разделенном отцовском дворе: «...при разделах семьи... разделу подлежали также, по обычаю, и усадебные места и постройки для скота; причем отделившемуся члену семьи поступало по одной комнате и угол для скота...».

«Труды» дают большой материал по проблемам сельской общины. В них, в частности, указывалось, что обобщающей формой управления, включавшей родственные, являлось общесельское, а поскольку селения и поселки вместе со своими тукумами и семьями включались в сельские общины, представлявшие низшие территориальные административные единицы, то они подчинялись определенным сельским правлениям.

В 1857 году после административной реформы, упразднения Центра Кавказской линии, в составе Терской области был образован ряд округов. В частности, на территории современной Кабардино-Балкарии — Кабардинский округ, куда вошли Большая и Малая Кабарда и балкарские общества. Были созданы участки: Черекский (Хуламское и Безенгиевское общества), Баксанский (Черемское и Урусбиевское общества) и Горский.

---

¹²⁹ Максимов П. Горбатая земля..., с. 162.

Участки с балкарским населением насчитывали пять основных сельских обществ, о чем сообщается и в ряде других источников¹³⁰, и четыре (Гунделеновское, Кашкатаовское, Чижок-Кабаковское и Хабазовское), образовавшихся после крестьянской реформы. В эти годы И. П. Белокопский насчитывал их пятьдесят четыре в Кабарде и пять в Балкарии.

Официально, как можно судить по «Трудам», балкарские населенные пункты стали называться сельскими (аульными) обществами в 1870 году после издания начальником Терской области графом Лорис-Меликовым «Положения об управлении сельскими (аульными) обществами». Сельская община в течение всего существования имела свои административные органы управления, возглавляемые старшиной.

Обращаясь к истории, видим, что демократическая форма управления восходит к первобытно-общинным отношениям, когда во главе рода стояли почтенные и деловые люди не моложе 25—30-летнего возраста, обладавшие всеми общественными правами. В период родового строя и первых этапов его распада при решении разбираемых вопросов все участники общинного собрания имели равные права, но уже примерно с XII—XIII века в связи с усилением процесса социального расслоения горского общества знать в вопросах руководства общиной и на общесельских собраниях начинает занимать привилегированное положение. В состав общинных властей все чаще стали избирать не самых уважаемых и пользовавшихся авторитетом людей, а выделявшихся экономически. «До принятия русского подданства, — читаем в газете «Каспий», — балкарцы управлялись своими князьями, называемыми таубиями...»¹³¹. Таубию-олию подчинялось тѐре. В том случае, если кто-либо из знати выходил из повиновения, олий созывал «на сход всё население и предлагал ре-

¹³⁰ Терский календарь на 1898 г. Владикавказ, 1899, вып. 7, с. 102—103; Белокопский И. П. На высотах Кавказа. Путевые заметки и наблюдения.— Вестник Европы, 1903, кн. 6, с. 684; Гамбов Н. Д. О поземельном устройстве горских племен в Терской области. Исторический очерк. Тифлис, 1905, с. 280; Документы по истории Балкарии (40—90-е гг. XIX в.). Составитель Е. О. Крикунова. Нальчик, 1959, с. 243; Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI—XVII вв. М., 1963, с. 172; Архив КБИИФЭ, ф. 1, оп. 2, д. 3, лл. 45, 49.

¹³¹ Горец. Горцы Нальчикского округа Терской области.— Каспий, 1898, № 240, с. 3.

шить вопрос народу, и решение народа моментально приводилось в исполнение»¹³².

Если в XV—XVIII веках должностными лицами могли быть вообще представители княжеских фамилий, то позже на должность старшины назначались люди, преданные царской администрации, но опять-таки чаще всего с учетом их социальной принадлежности. С переходом Балкарии под начало начальника Центра Кавказской линии она вместе с Дигорией стала управляться одним приставом. После ряда прошений¹³³ таубиев и представителей «черного народа» о назначении в балкарские общества отдельного пристава с помощником местного происхождения были проведены новые реформы. И уже в 1859 году в газете «Кавказ» писалось, что «все эти общества имеют пристава».

Управление, в прошлом характеризовавшееся как остаточное явление первобытно-общинного общества и существовавшее традиционно, становилось частью общей системы управления государства, меняло свое содержание. Представители государственной власти, ее гражданские и военные учреждения по своему усмотрению вмешивались во внутренние дела общины, осуществляя жесткий контроль, хотя полностью и не уничтожали ее самоуправление. Балкарской сельской общине как административной и судебной единице оставались права самостоятельного решения общесельских дел, при условии, если они не затрагивали интересов правительства.

Уже в 30-е годы XIX века традиционный порядок наследования знатью — таубиями — должности старшины юридически был запрещен, однако внедренное веками в сознание горца представление, что старшиной может быть только князь, изживалось сравнительно медленно. «В эпоху своей независимости, — отмечали В. Ф. Миллер и М. М. Ковалевский, — горские татары не знали других старшин, кроме старейших представителей княжеских династий. Они предводительствовали на войне и начальствовали во время мира». И далее они пишут, в частности, о таубиях Чегема Балкаруковых, которые «ни разу не утрачивали своего значения, и как последний отголосок всеобщего к ней (фамилии.—А. М.) уважения в ауле можно привести факт, что наш хозяин

¹³² Там же. — Каспий, 1899, № 28, с. 2.

¹³³ ЦГА КБАССР, ф. 16, оп. 1, д. 1878, л. 1 и об.

(Миллер и Ковалевский были тогда гостями чегемского старшины. — А. М.) наследовал от недавно умершего отца звание выборного старшины...».

Теперь старшина становился как бы посредником между областным управлением и сельской общиной. Постоянно общаясь со старшинами и феодалами того или иного общества, царские чиновники, преследуя свои интересы, перехватывали у общины право выдвижения кандидатур. И теперь уже сходу они предлагали удобных своей политике людей, причем часто мало заботившихся об интересах жителей общества. Таким образом, избираемые старшины превращались в низшие слои чиновничьего аппарата, стоявшего на страже царского правительства.

Изменялась и форма материального обеспечения сельских старшин, теперь уже получавших, как представители низших административных чинов, жалованье. А выборность заключалась в том, что предварительно подобранную областным управлением кандидатуру утверждали общим голосованием на сельском сходе сроком на один, два, а то и три года¹³⁴.

Главной административной обязанностью старшины, читаем в материалах «Трудов», как руководителя местного органа управления являлось сообщение крестьянам о распоряжениях государственных властей и содействие в проведении их в жизнь, забота о жизненном функционировании общины, неприкосновенности частной собственности, межевых знаков собственности, контролирование деятельности своих помощников и судебных заседаний, своевременного взноса податей и денежных повинностей и сдачи их в царскую казну. Вместе со своими помощниками он следил за исправностью центральной дороги, мостов и оросительных канав, за порядком и дисциплиной в своих селах, выполнением различных общинных обязанностей¹³⁵. Членом сельского правления считался и специальный служитель — бегеюл, исполнявший обязанности курьера, основной из которых было сообщение о сходе¹³⁶. Бегеюл, как правило, был из наиболее бедных общинников. Ему платили незначи-

¹³⁴ Полевой этнографический материал 1969—1971 гг. (Личный архив автора).

¹³⁵ Информатор Бозиев Жюнос Цукоевич, 1885 г. р., сел. Бабугент.

¹³⁶ Информатор Боллуева Айма Эльмурзаевича, 1870 г. р., сел. Гунделен.

тельное жалование и освобождали от налогов, которые раскладывались на общинников.

Старшина и его помощники сообща обсуждали дела, касавшиеся бюджета и финансов общины, раскладки налогов по отдельным хозяйствам, использования общинного имущества, строительства и ремонта различных сооружений, принятия новых членов в состав общины, выдачи свидетельства на увольнение из общества, разрешения на поездку в город или соседнее ущелье¹³⁷. Члены сельского правления, на которых лежали и полицейские обязанности, несли ответственность за поимку виновников преступления, исполнение решения судебных учреждений и приговоров сельских судов, нередко участвовали в примирении кровников и спорных разделах больших семей.

Высшим органом каждой сельской общины считалось общесельское собрание — *тёре*, но в реальности, как считали члены комиссии, эта власть в позднее время носила больше номинальный характер. Общинное управление как форма народного правления начало исчерпывать себя уже после превращения военной и родовой знати в феодальную, причем уже тогда сельские сходы потеряли значительные демократические привилегии, что еще более усугубилось дальнейшей классовой дифференциацией и получило окончательную окраску, попав под непосредственный контроль царской администрации. Участие в нем традиционно принимали главы семей — домохозяева, поскольку полноправными представителями от семей могли быть только они. Только им, как основным собственникам общесемейного имущества, ответственным за жизнь, поведение и поступки членов своих семей, предоставлялось право выступать на сходе. Исследователь карачаевского народа Борис Всеволодович Миллер, еще будучи студентом юридического факультета Московского университета, писал, что «через свою главу входит в сношения с местным начальником (он имел в виду члена семьи. — А. М.), аульными властями; с ним имеют дело сборщики податей, падающих на целый двор...»¹³⁸. Убедительное свидетельство тому — следующий порядок, сообщенный автору книги ин-

---

¹³⁷ Информатор Гедуев Жантемир Алиевич, 1889 г. р., поселок Вольный Аул.

¹³⁸ Миллер Б. Из области обычного права карачаевцев. — Этнографическое обозрение, 1902, № 1, с. 24.

форматором сел. Герпегеж Афоем Кучмезовым: «Если кого-либо обвиняли на сходе, а он отсутствовал, это еще как-то воспринималось снисходительно, но если кто-либо из глав семейств не являлся на сход при решении важного для каждого тукума вопроса, его осуждали».

В одном из ранних высказываний о сельском сходе В. Я. Тепцова также отмечена важная роль главы семьи в обществе. Автор попутно поднял вопрос о возрастном праве голоса на общественных собраниях, замечая, что на сходах в Балкарии право голоса имели мужчины только «по достижении 15 лет и старцы до 90 лет».

Наш полевой этнографический материал доводит нижнюю черту возраста до 25 лет. Участие же женщин в такого рода мероприятиях вообще не практиковалось. И это, очевидно, связано с матриархатом, когда женщины-жены в связи со строгой экзогамией вообще считались чужеродными.

Анализ всех разделов «Трудов» Абрамовской комиссии дает возможность получить представление о сущности и деятельности общинных посреднических судов. И естественно то, что, поскольку сельское общинное самоуправление в Балкарии соединяло в себе функции управленческого аппарата и судебных органов, большинство гражданских дел решалось на месте народными обычаями, известными каждому горцу, путем словесного заседания и приговора. Поэтому такой суд назывался посредническим, или третейским, и состоял из выбранных судей — медиаторов или поверенных — аксакалов. Конкретно это означало, что судебные заседания, ознакомившись с сутью дела, пытались сразу же путем уговоров и рассуждений, нравственного воздействия и упреков помирить тяжущихся, а провинившихся заставить восполнить нанесенный ущерб, удовлетворив требования пострадавшей стороны.

По данным полевого этнографического материала, собранного нами в 1968—1972 годах в кабардинских, балкарских, карачаевских, осетинских, абазинских и ногайских селах, судьи в подобных случаях обращались к истории дедов и прадедов; апеллируя к памяти предков, культ которых высоко чтился у горцев, призывали жить в мире и спокойствии. А затем виновнику этого заседания говорили, что его вина доказана и что он, исходя из сложившихся порядков и традиций, должен в таком-то размере и в такой-то форме выплатить штраф.

Если вина не доказывалась, судьи требовали принесения присяги.

Начиная с 1829 года, как явствует из материалов комиссии, в связи с преобразованием судопроизводства, существенно изменились и функции общинных судов: они рассматривали теперь только дела о различных тяжбах и спорах о границах и межах, о потравах, нарушении пользования оросительной системой, имущественных отношениях. Выбор состава медиаторов в большей степени теперь зависел от мнения старшины как представителя низших слоев царского административного аппарата, и без утверждения вышестоящих органов их избрание не считалось действительным. Но, с другой стороны, государственные власти значительно облегчили работу медиаторского суда: если разбираемое дело не решалось мирным путем, что являлось конечной целью общинного суда, то оно передавалось в областной суд, неподчинение решению которого считалось нарушением закона.

Разбирательство дел, рассказали нам долгожители Пижней Теберды, Терезе, Верхней Балкарии, Бабугента, Второго Лескена и Ново-Осетинского, происходило публично, в присутствии всего свободного от занятий населения, прямо на ныгыше или ныхасе. В обсуждении мог принять участие любой совершеннолетний член общины, но предпочтительно представители старшего поколения, и при этом выразить недовольство пристрастным следствием и особенно приговором. А в Нижнем Чегеме, по информации Ахкобекова Махая Батиковича (1888 г. р.), судьи к присутствующим обращались с просьбой высказаться о слушаемом деле, к мнению которых они непременно прислушивались.

В отдельных местах «Трудов» затронута роль в обществе старейшин — почетных стариков. С распадом родовых отношений совет старейшин не потерял своих функций, преобразовавшись в совещательный орган. В него входили старшие по возрасту, уважаемые люди большинства населенных пунктов общества. Они играли определенную роль в жизни общины и, в частности, на общесельских собраниях. Их считали непререкаемыми авторитетами в решении тяжёлых и спорных дел, к которым они подходили действительно безукоризненно с точки зрения нравственных сторон адата и законов шариата. В Гунделене к таким старикам относили Жижу Хаммаева, Батока Малкандуева, Токула Жолаева, Ора-

зая Улакова, Калдана Отарова, Батока Мусукаева, Жижу Мамукоева, в Нижнем Чегеме — Кара Аттаева, Кайсына Жазаева, Ата-бия Узденова, Жараслана Жашакуева, в Верхнем Баксане — Токкаша Ахматова, Зекерью Байдаева, Абдуллаха Муллаева, Даулета Гулиева, в Тура-Хабла — Башчы Гузиева, Окуфа Таукенова, Омара Мусукова и т. д.

Одной из выделяющихся публикаций предреволюционного периода о Балкарии является исторический очерк «Балкария»¹³⁹ уроженца Черекского ущелья, чиновника административно-судебных органов Баталпашинского отдела Мисоста (Мусоза) Кучуковича Абаева, в своей работе широко использовавшего «кавказоведческую литературу по истории и этнографии балкарцев»¹⁴⁰. В своем главном труде жизни, как замечено К. Г. Азаматовым и Х. И. Хутуевым, им сделана попытка «научно изложить основные вопросы истории и этнографии балкарцев с древнейших времен до конца XIX века»¹⁴¹.

Очерк М. Абаева начинается с общих, но более конкретных, чем у его предшественников, сведений о самоназвании балкарцев, расположении горских обществ, «отдельных аулов и поселков», численности населения, языке и нравах горцев.

Приводя легенду о Малкаре и Мисаке, автор пытается как-то объяснить процесс образования «самого древнего общества «малкар». Содержание предания, бытовавшего в народе, заключается в том, что некогда, в те времена, когда ущелье еще было покрыто густыми лесами «с небольшими открытыми полянами», здесь жили люди, называвшие себя «таулу». Попавший сюда с равнины охотник по имени Малкар решает вместе со своим родом остаться в этих местах навсегда. Появившийся в горах гораздо позже «неизвестный человек по имени Мисака» обманом и коварством расправился с братьями Малкаровыми, женился на их красавице-сестре, «завладел землею и другим имуществом Малкаровых, затем привел туда с плоскости и других людей и начал притеснять мирных тружеников таулу, которых в конце концов превратил в своих данников». Легенда кончается тем, что во главе ущелья «становится» воин по имени

¹³⁹ Мусульманин, 1911, № 14—17.

¹⁴⁰ Азаматов К. Г., Хутуев Х. И. Мисост Абаев. Нальчик, 1980, с. 24.

¹⁴¹ Там же.

Баснат: он «производит сразу такое сильное впечатление на малкарцев, что они добровольно подчиняются ему...».

Как видно, в данном историческом предании нашло образное отражение все то наиболее важное, что изменяло жизнь горского населения и что не могло не запечатлеться в памяти народа. В легенде просматривается местное «кавказионское» население, ираноязычное и тюркоязычное, характерное своим напластованием.

Поднимая вопрос о социальном разделении балкарцев, Абаев дает характеристику основных сословий, воспроизводит их общественное и экономическое положение, пытается дать объяснение происхождению феодальных фамилий, из которых более достоверна история Суншевых — Урусбиевых.

Начав вторую главу с взаимоотношений балкарцев с соседними народами, приведя интересные данные о присоединении Балкарии к России¹⁴², «хозяйственных контактах с равнинной Кабардой», разнообразных связях с закавказскими народами, он переходит к анализу политического строя, управления, землевладения и землепользования, скотоводства, культурной жизни и судопроизводства самого «сильного», по его мнению, из пяти горских обществ — Балкарского.

В связи с проблемой обеспеченности «хлебным зерном» населения горных ущелий автор касается численности семейных коллективов, считая при этом, что большие семьи состояли из 20—30 человек и что балкарцы «избегали семейных разделов».

Нельзя согласиться с некоторыми авторами, которые считают, что к тому времени, когда писал Абаев, эти семьи существовали уже как пережиточные. Если бы это было так, то Абаев (уроженец и житель, в общем-то, этих мест), поставивший перед собой цель специального исследования Балкарии, указал бы на данный факт.

Исторический очерк М. К. Абаева содержит, кроме того, обширный материал по проблемам сельской общины, отношения администрации к населению и общинному управлению, семейных и родственных связей, а также религиозных верований балкарского народа.

Подытоживая сказанное, следует отметить, что авторы, путешественники, ученые и просто наблюдатели конца XIX—первой четверти XX века оставили богатое на-

¹⁴² Азаматов К. Г., Хутуев Х. И. Мисост Абаев, с. 34. .

следство, но, к сожалению, этот материал медленно входил в научный обиход, и еще долго примеры из жизни Балкарии и многих других народов Северного Кавказа не фигурировали в должной степени в трудах ведущих ученых. Между тем многое из того, что было зафиксировано публикациями этого периода, в частности большие семьи, патронимические и другие формы родственных связей, пережиточные формы архаических явлений, быстро меняло свое лицо или вовсе исчезало.

Проанализированные выше работы, документы Центрального военно-исторического архива (ф. 400), центральных государственных архивов Кабардино-Балкарской (ф. 2, 6, 22, 24, 40) и Северо-Осетинской (ф. 224) АССР, а также материалы наших полевых этнографических исследований и публикации К. Г. Азаматова, Ю. Н. Асанова, М. Х. Ацканова, Е. О. Крикуновой, Т. Х. Кумыкова, М. Ч. Кучмезовой, Г. Х. Мамбетова, свидетельствуют об активном проникновении в экономику Балкарии капиталистических отношений: о более широкой торговле скотом, производстве и продаже сукна, появлении предпринимательства среди представителей балкарских фамилий, даже в области разработки залежей полезных ископаемых и лесного богатства горных ущелий, ведущих к резким изменениям социально-экономического уклада, трансформации или исчезновению традиций, осложнению обострившихся до предела классовых противоречий горского общества.

ХРАНИТЕЛИ НАРОДНОЙ ПАМЯТИ

Много лет проработав в горах по сбору полевого этнографического материала, не могу не рассказать о тех, кто оказывал нам поистине бескорыстную и существенную помощь порою в очень тяжелых и кропотливых исследованиях, о тех, кого действительно можно назвать «народными историками». Для бесписьменных в прошлом народов полевой этнографический материал — неоценимое богатство, и очень многое уже не удалось бы восстановить, если бы не наше старшее поколение — **великий хранитель памяти.**

Этнографам, пользующимся помощью информаторов горских народов, повезло, поскольку для населения, живущего в горных ущельях, в прошлом изолированного от бурной городской жизни, где была слабой миграция, далеко не достаточной информация, характерно более прочное запоминание того, что происходило в их обществе, с их родными, друзьями, современниками.

Живя подолгу в Верхней Балкарии, Верхнем и Нижнем Чегемах, Верхнем Баксане, Терсколе, Гунделене, Баксане, Сармаково, Малке, Втором Лескене, Учкулане, Терезе и многих других населенных пунктах, постоянно пересезжая из одного села в другое, не раз возвращаясь к своим старым информаторам для уточнения интересующих нас вопросов, мы собирали материал по общественному и семейному быту, патронимии и сельской общине, хозяйственной деятельности и народным праздникам балкарцев, карачаевцев, осетин и т. д.

Эти же информаторы были первыми читателями и критиками наших статей, публиковавшихся на страницах республиканской периодической печати, куда большей

частью включался материал полевых исследований.

Но бывало и так, что, возвращаясь однажды к кому-либо из своих информаторов, у входа встречаешь уже близко знакомых членов его семьи со слезами на глазах: «Его уже нет...» Возраст никого не щадит. Снова и снова тогда приходят на память слова небезызвестного собирателя легенд об Эльбрусе С. Фарфоровского: «Для этнографа Кавказ дает такой богатый материал в этом отношении (полевой этнографический материал. — А. М.), что иногда становится жалко при мысли о том, как много подобных ценных сказаний ускользнуло от записи, может быть, навсегда»¹. Автор имел в виду, что уходит из жизни старшее поколение, а с ним много еще не известных науке легенд, преданий, имеющих историческую ценность материалов.

Вспоминается удивительно чуткое, участливое и доброжелательное отношение к работе этнографов населения всех районов Северного Кавказа, где нам приходилось бывать. Не было такого случая, чтобы кто-либо из долгожителей посчитал этнографический опрос ненужным или несерьезным делом, отказался бы от беседы, ссылаясь на занятость (а ведь нередко приходилось их отрывать от работы) или болезненное состояние. А некоторые беседы между тем продолжались до 7—8 часов кряду.

Многие информаторы выезжали с нами в ныне оставленные села, поднимались в горы к разрушенным временем башням, на отдаленные сенокосы или пастбища, к прошлым стоянкам кошей, где происходили связанные с их воспоминаниями события, и там, на месте, рассказывали и показывали, как и что происходило.

Старожилы Верхней Балкарии знакомили нас с памятниками старины, полуразрушенными поселениями, башнями, кладбищами, с особо запечатлевшимися в памяти народной местами ущелья, связанными с борьбой народных масс со своими феодалами, неповторимыми по своему героизму годами установления Советской власти, гражданской войны и коллективизации. Овеянные их воспоминаниями, они оживали.

По прошествии уже многих лет нередко я ловил себя на мысли, что чаще всего меня тянуло в ущелье круп-

---

¹ Фарфоровский С. Кавказские легенды об Эльбрусе. — СМОМПК, Тифлис, 1908, вып. 38, с. 107.

нейших вершин Центрального Кавказа — Хуламо-Безенгийское, охарактеризованное в 30-е годы советским путешественником С. С. Анисимовым, как «классический район для альпинистов всех стран мира», и где в наиболее целостном виде дошли до наших поколений исторические памятники Балкарии. Здесь произошло незабываемое знакомство с долгожителями таких фамилий, как Абаевы, Акаевы, Аттоевы, Гергоковы, Жабоевы, Жубоевы, Рахаевы, Хапаевы, Хуламхановы, Чочаевы и др.

А в соседнем Чегемском ущелье провел свои детские и юношеские годы жизни один из основных наших информаторов и помощников Саид Османович Шахмурзаев², который не только рассказывал много важного и интересного, но и сам участвовал в экспедиционных поездках.

В горах его знали все — и дети, и взрослые — и встречали как своего близкого человека. Приветствовать Саида Османовича приходили и старейшие жители сел. Появление Шахмурзаева изменяло отношение к любому, казалось бы, ничем не примечательному месту, всплывала легенда, воспроизводилась забытая всеми история, и присутствующие по-другому уже смотрели вокруг, на местность, где находились. А он щедро делился всем, что накопил его долгий опыт.

Перебирая свои дневники, полевые тетради, альбомы, записные книжки, я часто обнаруживаю пометки и записи: «Саид», «Саид подчеркнул», «Опрашивал вместе с Саидом», «Рассказал Саид», «Вместе с Саидом» и т. д. 1968—1975 годы... Эти недолгие несколько лет мне выпало счастье знать и работать с этим обаятельнейшим и прекрасным человеком.

Как известно, С. О. Шахмурзаев много сил отдавал изучению истории своего народа и края, его обычаев и законов, устного народного творчества. Интересы его были разнообразны, эрудиция широкой.

Еще в 30-е годы, работая учителем, он вместе со своими учениками начал заниматься краеведением, составлял вопросники, планы экскурсий, описывал памятники Кабардино-Балкарии. Уже тогда его привлекали географические названия ущелий, гор, рек, различных местечек нашей республики. Шахмурзаев прошел пешком

---

² Нам уже приходилось писать о его научных интересах в статье «Этнографические исследования Саида» (Коммунизмге жол, 1980, № 219, с. 3).

десятки километров, побывал во всех ущельях, осмотрел каждую из достопримечательностей. Появилась масса дневников и полевых тетрадей, которые затем вылились в «Балкарский топонимический словарь», выпущенный в соавторстве с Дж. Н. Коковым и являющийся настольной книгой для исследователей и всех интересующихся историей родного края.

В 1970 году С. Шахмурзаев выпустил важную в научном отношении поэтическую книгу «Календарь горца» («Таулуну календары»), посвященную народному календарю балкарцев. Она помогает исследователям в изучении истории хозяйства балкарцев до революции, тех занятий, которые были характерны для горского населения, взаимосвязей с другими народами, народных праздников, преданий, песен. Его работа дает превосходный материал по изучению скотоводства у горских народов Кавказа, что отметил в свое время карачаевский этнограф И. М. Шаманов. Показал он и роль земледелия у горцев, недооцененного дореволюционными авторами. Народный календарь, приведенный Шахмурзаевым, свидетельствует о последовательности сельскохозяйственных работ, обстоятельствах горцев, глубоко профессиональном подходе их к земледелию и овцеводству.

Перелистывая страницы календаря С. Шахмурзаева, историк может выявить в нем материалы о крепостном праве в Балкарии и его отмене, проникновении в горы ислама, различных свирепых болезней, о японской войне, миграциях населения, истории отдельных сел и поселков.

Автору данной книги, как этнографу, часто приходилось работать с Саидом Османовичем, совместно писать статьи, ездить к местам памятников культуры, записывать его рассказы. Это был весьма компетентный, трудолюбивый и обстоятельный человек. Вспоминается, что нередко даже небольшие заметки приходилось по многу раз переделывать, поправлять и уточнять, пока дело доходило до печати. «История прошлого,— часто говорил он,— должна изучаться и передаваться молодым поколениям». Саида волновало, что в современных школах мало занимаются краеведением, что молодежь забывает прогрессивные обычаи и традиции народа.

С. Шахмурзаев великолепно знал и исполнял трудовые народные песни («Долай», «Эрирей», «Инай»), различные их вариации, мог рассказать об истории созда-

ния этих песен. Анализируя балкарские песни, он всегда замечал, что они проникнуты глубоким социальным содержанием. Саид Османович любил песни «Канамат», «Барак», «Песню про Атабия», «Гапалау», любил их за историчность, реальность, достоверность. Особенно ему нравилась «Гапалау», в которой народ, по его словам, «уже сознательно выступает против своих угнетателей». Его память хранила много песен любовного, сатирического, шуточного содержания («Каншаубий и Гошаях», «Зарият», «Гокка»). Народной мудростью и богатством считал он шуточные песни «Оззай», «Тепана», «Жёрме», «Шаурдатны къалагъы».

Мы с благодарностью уже отзывались в книге «Балкарский «тукъум» о С. О. Шахмурзаеве, любезно предоставившем нам материалы по Чегемскому ущелью, которые хранятся до сих пор в нашем личном архиве: это история заселения сел Булунгу, Орсундак, Пличири, Тызги, Гюдюргю, Жора, расшифровка топонимических названий местностей ущелья, а также гидронимов.

Саид Шахмурзаев знаком был с генеалогиями многих чегемцев. Особое внимание он уделял проблемам социального и идеологического единства родственников-балкарцев до революции.

В 1957 году он обошел все горные села и собрал балкарские тамги. Со ссылкой на Шахмурзаева известный советский этнограф Л. И. Лавров привел их в своей книге «Историко-этнографические очерки Кавказа» (Л., 1978).

В ряде статей, опубликованных на страницах газеты «Коммунизмге жол» и альманаха «Шуёхлукъ», Шахмурзаев поднял такие проблемы, как происхождение балкарского народа, сущность феодальных отношений, сельская община, жилища и постройки, семья и семейный быт, трудовые традиции народа.

Годы летят быстро, и многое исчезает из памяти. Но каждый раз, проезжая «суу аузу» — «ущелье реки» в районе Чегемских водопадов, вспоминаешь его неповторимое воспроизведение приветствия нартов, описание этого живописнейшего уголка Центрального Кавказа, рассказы о строительстве здесь первой автомобильной дороги.

Много интересных долгожителей и в прославившемся своим гостеприимством уже в конце прошлого — начале

нашего столетия Баксанском ущелье. В одном из его сел — Бедыке живет необычный человек, которого баксанцы с гордостью называют «народной памятью», — Донгай Боттаевич Геккиев.

Подробнейшая информация по историческому прошлому всех без исключения фамилий ущелья, их генеалогий с характеристикой многих выделявшихся какими-то качествами или делами в свое время людей, народные легенды и предания, рассказы о взаимоотношениях членов общины, начиная с момента заселения ущелья, примеры аталычества, молочного родства, кровной мести, взаимопомощи, воспроизведение исчезнувших давно порядков ущелья, обычаев и законов, описание сел и поселков Урусбиевского общества начала XX века — обо всем этом мы узнали у информатора в результате многочисленных поездок в Бедык в течение 1969—1976 годов.

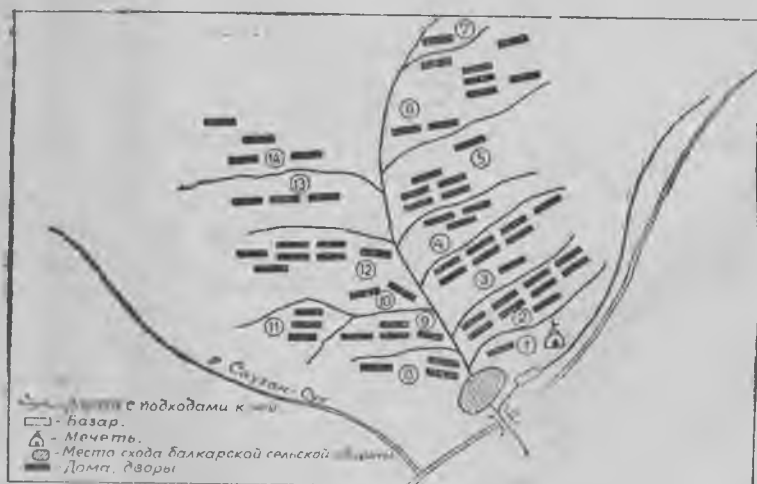
Трудоемкой и долгой оказалась работа по записи генеалогий фамилий Баксанского ущелья. Иногда казалось, что все эти сотни и сотни имен, которые автоматически приводил информатор, выдуманы и не соответствуют реальности, и бывало, что хотелось отказаться от дальнейшей записи их. Потом предстоял еще долгий сбор аналогичного материала у других информаторов сел и поселков Баксанского ущелья, конкретно у представителей тех или иных фамилий, для уточнения, дополнения, а главное для сверки с данными Геккиева.

Результат оказался более чем удивительным: совпало слово в слово, совпадало все, что было сказано Донгаем Боттаевичем, с тем, что мы узнали у каждого из остальных информаторов о своей фамилии. Геккиев помог разгадать историю карачаевского села Джамагат и башни Жабоевской, восстановить процесс создания населенных пунктов Урусбиевского общества и выяснить многие вопросы, связанные со складыванием сельско-общинных отношений в ущелье.

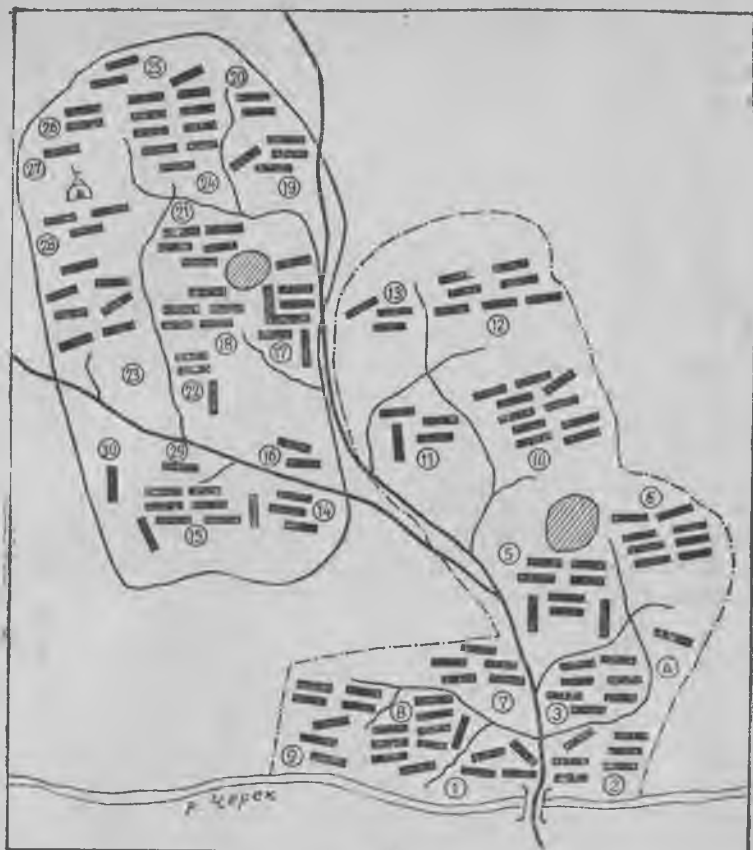
Поразил нас и житель сел. Хасанья Шамшудин Нануевич Бегиев. Он относительно молод — 1916 года рождения, тогда как наши информаторы в среднем 1880—1885 годов рождения. Вспоминая рассказы деда, отца, вообще стариков, он воспроизвел по памяти план размещения населенных пунктов Черекской сельской общины, планы расположения сел, кварталов, фамилий семей и имена их членов на 1917 год, что опять-таки почти совпало с результатами тщательного и длительного

обследования на месте со старожилыми Верхней Балкарии и некоторых других сел района. Приводим эти планы патристических кварталов некоторых сел ущелья, несколько уточненные С. Н. Алтуевым (1871 г. р.), А. Б. Атабиевым (1886 г. р.), И. Б. Баллиевым (1898 г. р.), М. И. Гасиевым (1886 г. р.), З. К. Геляевой (1882 г. р.), и Б. Г. Османовой (1876 г. р.) из Верхней Балкарии, Ш. П. Атабиевым (1881 г. р.), Н. К. Башиевой (1897 г. р.), Ж. Ц. Бозиевым (1885 г. р.) и Б. М. Кадыровым из Бабугента, М. Т. Гадиевым (1895 г. р.) и А. Г. Геляевой из Хасаньи и др. (см. схемы 1, 2, 3, 4).

Для этнографа записи полевых исследований — это важнейшие документальные материалы. В них мы выделим материалы, связанные с брачными отношениями у балкарцев. В обширной специальной литературе брак у многих народов Северного Кавказа постоянно характеризуется как экзогамный. Но конкретных подробных доказательств (мы имеем в виду хотя бы экзогамные схемы) не приводится, если не считать факты осуждения нарушавших общепринятые порядки.

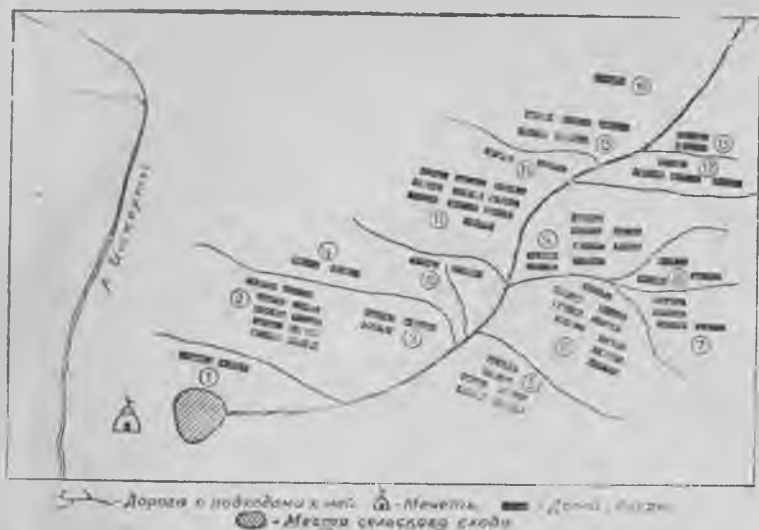

Схематический план сел. Чегет-эль — центра Балкарской сельской общины: 1 — Габоласовы, 1 двор; 2 — Казаковы, 9; 3 — Геляевы, 8; 4 — Герузовы, 3; 5 — Уяновы, 6; 6 — Жангуразовы, 8; 7 — Баккуевы, 1; 8 — Кабардуковы, 3; 9 — Эчкиевы, 4; 10 — Битуевы, 2; 11 — Хутаевы, 3; 12 — Таумурзаевы, 7; 13 — Гажаевы, 3; 14 — Таукеновы, 4 (схема 1)

— Дорога с подходами к ней. - Мечеть. - Дома, дворы.
 - Место селского схода - Территория Верхнего Кюнньюма.
 - Территория Нижнего Кюнньюма.

Схематический план Верхнего и Нижнего Кюнньюмов: 1 — Мамеевы, 4 двора; 2 — Боттаевы, 6; 3 — Гериевы, 7; 4 — Чувоковы, 1; 5 — Занибековы, 8; 6 — Жангуразовы, 8; 7 — Мусуковы, 5; 8 — Кайгермазовы, 9; 9 — Мысакаевы, 7; 10 — Моттаевы, 10; 11 — Токуевы, 4; 12 — Казиевы, 7; 13 — Габоевы, 3; 14 — Мыртазовы, 4; 15 — Булатовы, 7; 16 — Дадуевы, 2; 17 — Запкишиевы, 7; 18 — Мечукаевы, 5; 19 — Бакуевы, 4; 20 — Сабанчиевы, 2; 21 — Настуевы, 5; 22 — Уянаевы, 3; 23 — Табаксосы, 8; 24 — Забаковы, 10; 25 — Бекановы, 2; 26 — Ацкановы, 2; 27 — Такоевы, 1; 28 — Абаевы, 3; 29 — Кахармановы, 1; 30 — Баразовы, 1 (схема 2)

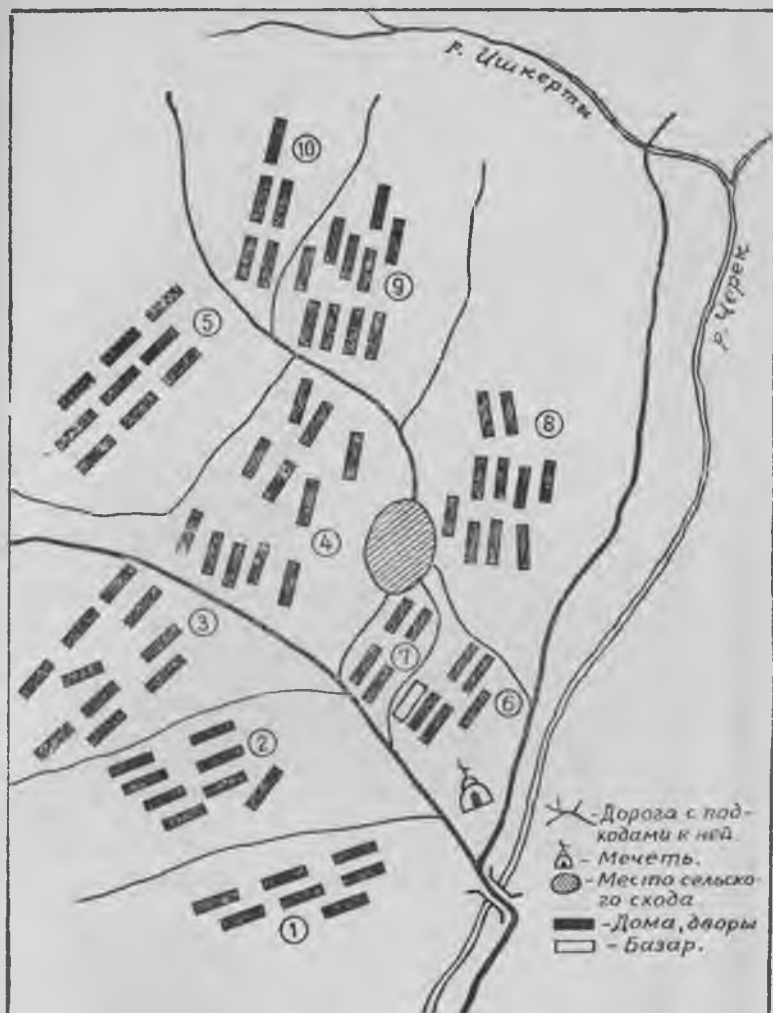

Схематический план пос. Верхний Ишканды: 1 — Курмановы, 2 двора; 2 — Цикановы, 10; 3 — Цраевы, 3; 4 — Хозаевы, 2; 5 — Итгиевы, 6; 6 — Газаевы, 9; 7 — Хыбиевы, 4; 8 — Боттаевы, 3; 9 — Чораевы, 8; 10 — Гороевы, 2; 11 — Тетувевы, 10; 12 — Дугоевы, 4; 13 — Тышхановы, 2; 14 — Ёзюковы, 2; 15 — Мелюхаевы, 5; 16 — Цраевы, 1 (схема 3)

Не ставя целью разобраться детально во всем том, что собрано в этом плане нами в горных селах, хочу привести лишь отдельные из схем (фамилий Жангуразовых, Хочуевых, Темукуевых, Сарбашевых, Башиевых — схемы 5, 6, 7, 8, 9), которые наглядно показывают ценность информации старожил³, различные нюансы и степень соблюдения экзогамии.

Одной из основных форм накопления исторических знаний народа, если подходить хронологически, счита-

³ Как и по другим вопросам, здесь тоже были свои знатоки: М. Б. Атмурзаев (1882 г. р.), З. И. Атмурзаева (1880 г. р.), А. Н. Ахматова (1886 г. р.), Ш. М. Алюева (1870 г. р.), И. А. Бичекуева (1884 г. р.), И. Д. Боллуев (1897 г. р.), П. К. Жанатаева (1893 г. р.), З. К. Жантудуев (1876 г. р.), М. Б. Малкондуев (1872 г. р.), Ф. И. Улакова (1875 г. р.) из Гунделена; Т. К. Анаева (1886 г. р.), К. К. Бозиев (1887 г. р.), Ф. Б. Габолаева (1884 г. р.), Х. М. Гутаева (1880 г. р.), Х. Э. Гаев (1890 г. р.), Х. К. Гадиева (1885 г. р.), М. Б. Жексева (1894 г. р.), К. Х. Настаева (1895 г. р.), Ж. Т. Ельмезов (1886 г. р.) из Хасаньи; К. Т. Бозиев (1891 г. р.), К. К. Бабаев (1899 г. р.), Н. М. Мишаев (1887 г. р.), А. К. Созаев (1880 г. р.) из Белой Речки и многие другие.

Схематический план пос. Тура-Хабла: 1—Гузиевы, 7 дворов; 2—Бицуевы, 8; 3—Мусуковы, 10; 4—Маммеевы, 11; 5—Алтуевы, 9; 6—Маммеевы, 5; 7—Аккуловы, 4; 8—Таукеновы, 10; 9—Гузоевы, 10; 10—Текаевы, 5 (схема 4)

ются родовые, а затем фамильные легенды, которые также отражены в наших записях. Каждое поколение передавало фамильные легенды и родословные своим потомкам. Естественно, передаваясь, предположим, в течение 500 лет, легенда могла быть несколько видоизменена, в родословной могли сместиться хронологические рамки, оказаться не совсем точным расположение имен отдаленных предков, но основная информация сохранялась. В качестве примера, пусть косвенного, но, сразу заметим, далеко не единичного и подтверждающего мысль о достоверности данного вида источников, можно привести факты полного совпадения генеалогии Узденовых, восстановленной нами у старожилов Баксанского ущелья с генеалогией этой же фамилии, записанной уже в Кара-чае В. П. Невской и И. М. Шамановым.

Начиная играть определенную роль еще в родовом строе, генеалогии укрепляются в период усиления социального расслоения горского общества. Еще в роде, который имел свое имя и к которому причислялась какая-то группа людей, видимо, надо было запоминать принадлежность того или иного члена к данному коллективу⁴. При этом имя рода при его распаде на родовые группы сохранялось за основной родовой ячейкой, куда входили прямые потомки родоначальника. Вспомним распад рода бжедугов, о котором упоминается у Хан-Гирея⁵. Когда бжедуги распались на четыре родовые группы, то в основу наименования каждой из них должны были быть взяты имена вождей — Черчана, Хмиша, Бегорсеко и Бастеко. Однако первые два подразделения остались на прежней территории и сохранили имя рода «бжедуг».

Жизненная необходимость уделения внимания генеалогиям определила и утверждение постоянного имени за группой родственников.

Литературные источники второй половины XIX — начала XX века свидетельствуют, что представители господствующих классов ревниво оберегали фамильные предания и генеалогии, за счет них объясняя древность своей фамилии⁶, принадлежащие им богатства и привилегированное положение в обществе. Этим, очевидно, был введен в заблуждение и Н. П. Тульчинский, ошибоч-

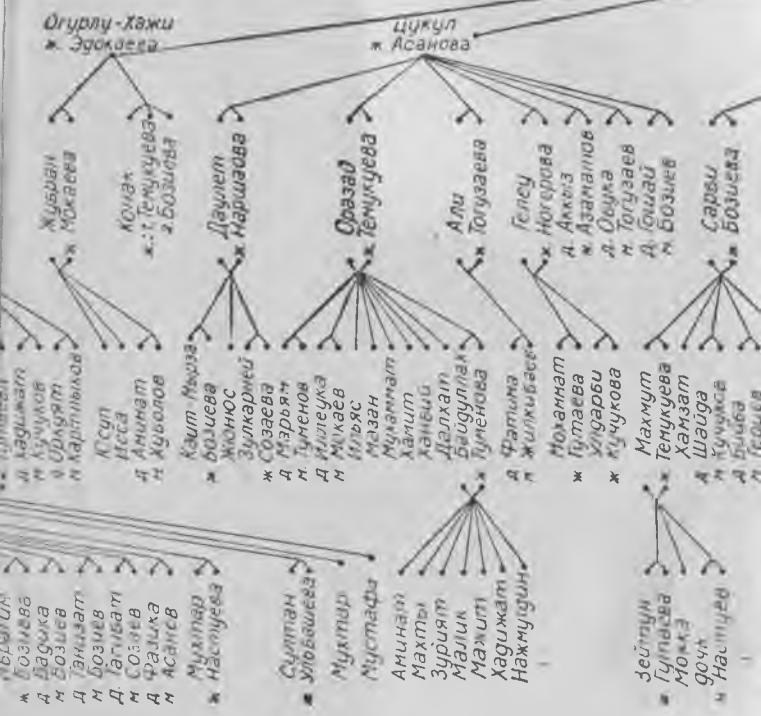
⁴ *Энгельс Ф.* Происхождение семьи..., с. 103.

⁵ *Хан-Гирей.* Князь Пшьской Аходягоко. — СМОМПК, Тифлис, 1893, вып. 17.

⁶ *Лилов А.* Очерк быта кавказских горцев. — СМОМПК, Тифлис, 1892, вып. 14, с. 6.

Жангураз
 ↓
 Голли
 ↓
 Темиркан
 ↓
 Бек-Болат
 ↓
 Занболат
 ↓
 Темир-Болат
 ↓
 Эрдашаова

Отражение экзогамии фамилии Жангуразовых (с)

Кыден
 ж: 1 Темиржанова
 2 Токлиева

Исмаил

Муса

Цифирлеу
 - Башиева

Борат

90ч
 м Каркаев

90ч
 м Гасиев

Карави
 Атпасайва

АМЫР
 Атабисва

Усей
 Темкуева

Тулган
 ж: 1 Настурья
 2 Шарафумиса

Шаукат
 Бозиева

Касай
 Нугериса

Мамал
 Бозиева

Хажы-Бекшир
 Машева

Циликай
 ж: 1 Баяшева
 2 Бортаева

Остан
 Энгуреева

ж: 1 Билалмат
 2 Кучуков

Халим
 Моманман
 Гул
 ж: 1 Халимат
 2 Балуев

Ахмат
 Далхали
 Кучмезева
 Усей
 Бабдулак
 ж: 1 Азатолыза
 2 Санжит
 ж: 1 Айтмышов
 2 Байдет
 ж: 1 Жолжызаев
 2 Шенишият

Нюкс
 Бозиева
 ж: 1 Хажы-Мурат
 2 Атпасиев

Акмат
 Атпасайва

Хаким
 Билеги

Магомед

Бибисат
 ж: 1 Нугуров
 2 Кузика
 ж: 1 Замисев

Мухаммат
 Умаров
 Мустафа

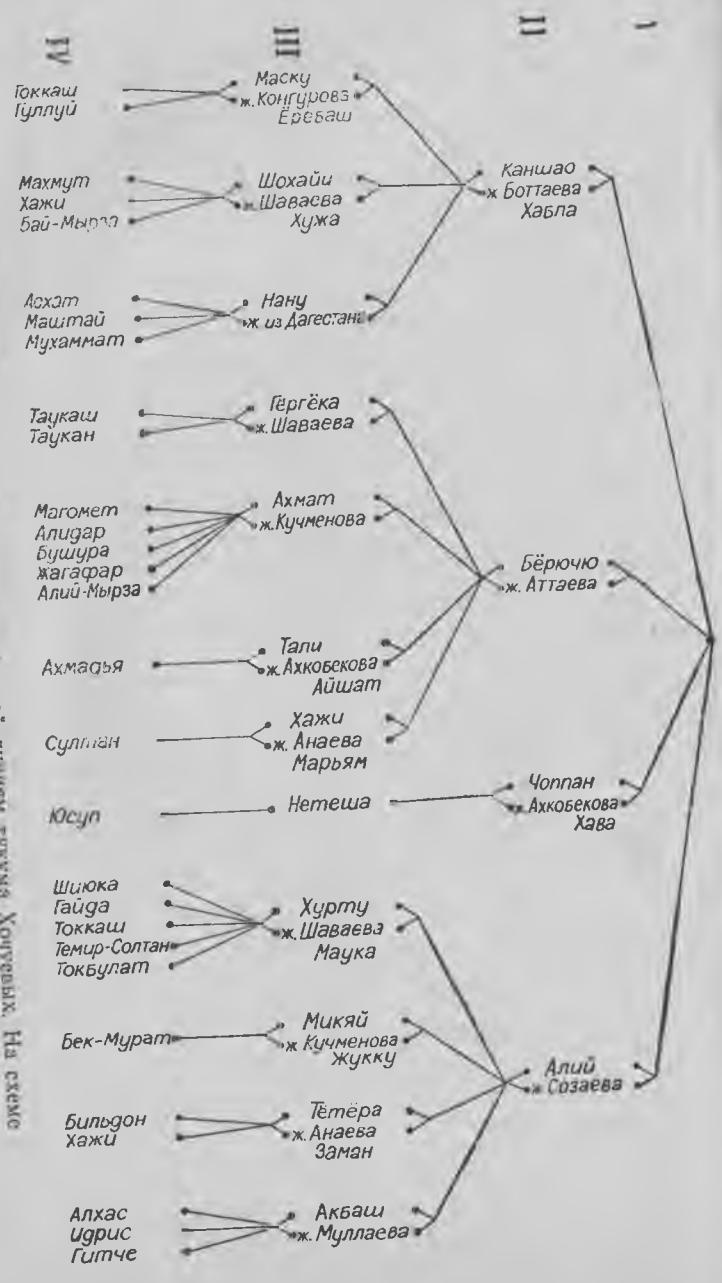
Абу
 Хасан
 Акмат
 Сеит
 ж: 1 Сарыит
 2 Хулматанов

Аскерби
 Гитче
 ж: 1 Бозиева

Юсуп
 ж: 1 Атпасайва
 2 Мустафар
 ж: 1 Халимат
 2 Булкиман

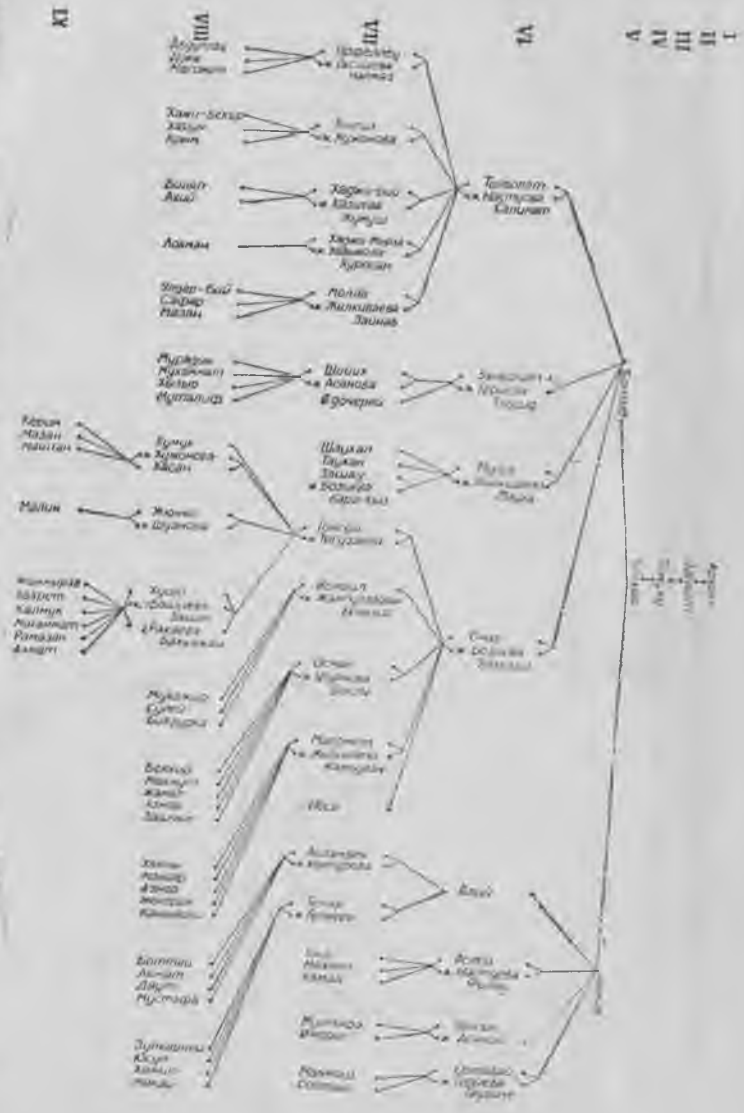
Ситар
 ж: 1 Насиуева

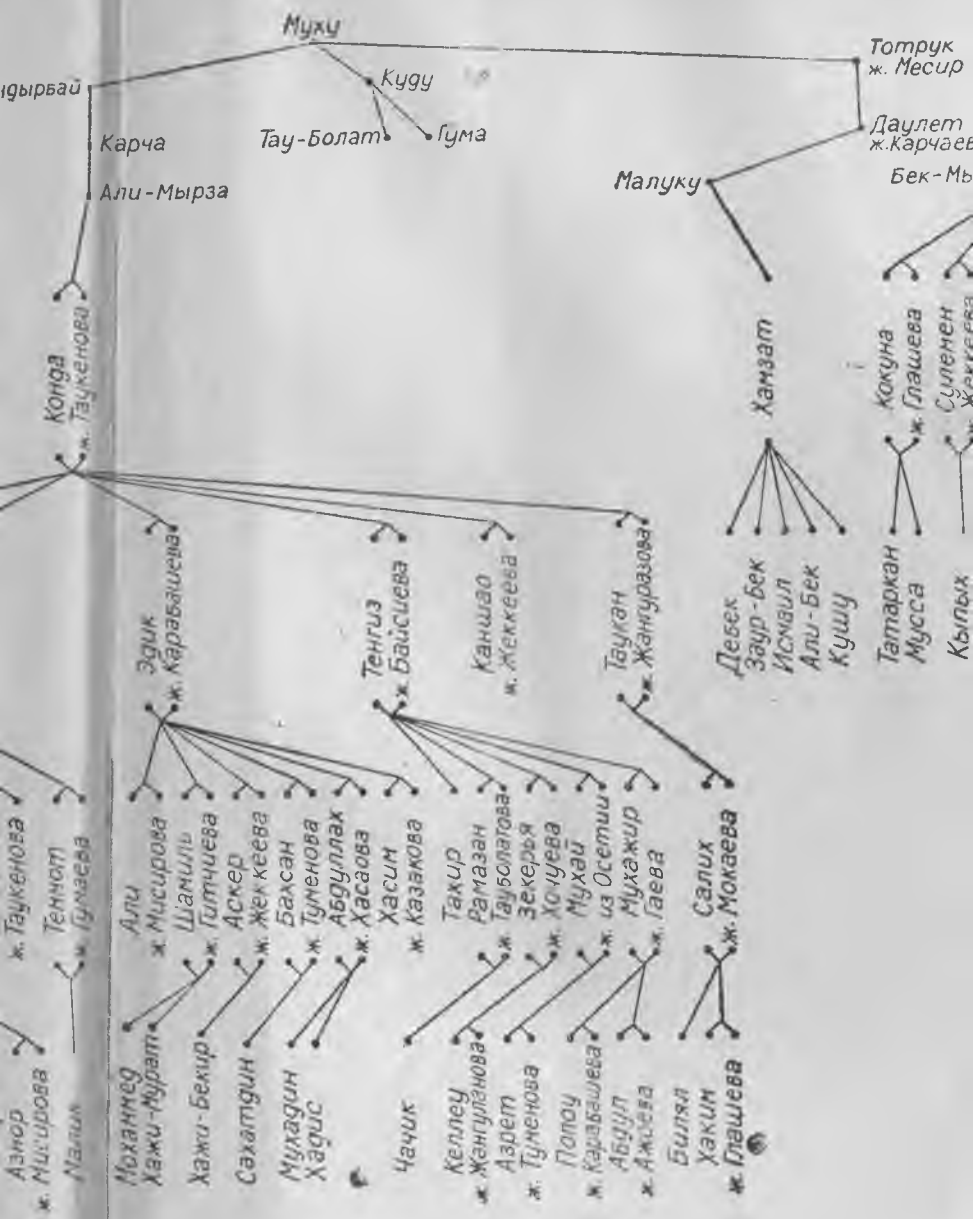
Ограждение экотипов по отцовской и материнской линиям тукума Хонгуева. На схеме представлена часть этого многочисленного тукума (стрем 6)

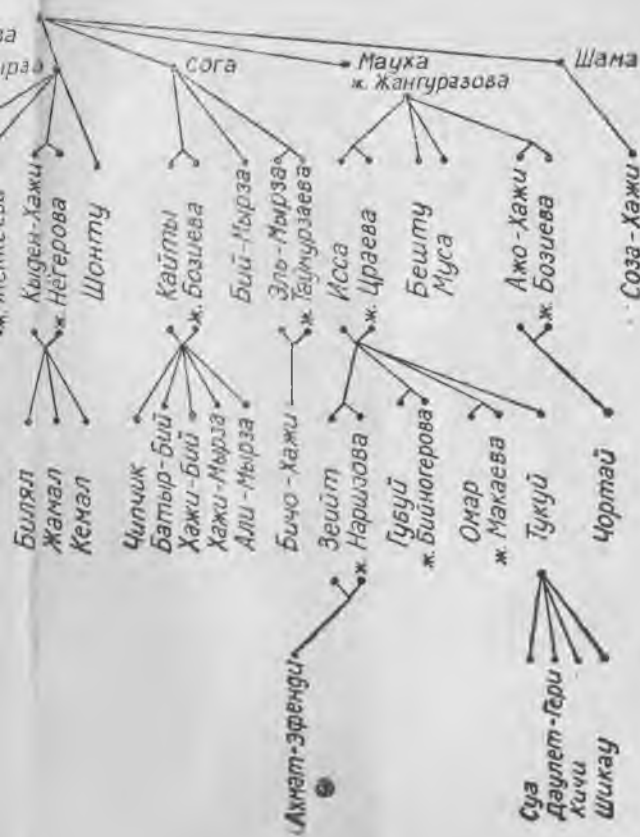
Отражение экологии по отливской и латеритской линиям фангитов Тенгужуевых (схема 7)

Возникновение эгогамии по мужской линии фамилий Сембеков, Идырбай (схема 8)

Хасаова (Мисировы)

но утверждавший, что предания, мол, сохраняют только представители «высшего сословия»⁷. В действительности же все слои населения народов Северного Кавказа имели и сохраняли генеалогии, поскольку, в первую очередь, того требовала жизнь. Еще в 70-е годы XIX века Владимир Богданович Пфаф, будучи учителем истории и географии во Владикавказской реальной прогимназии и призывавший к систематическому изучению фамильных преданий, могущих, по его мнению, внести незаменимый вклад в этнографию, отмечал, что «осетинские роды хорошо помнят свою родословную. Эти родословные передаются на словах из рода в род, и в каждом роде есть один или несколько стариков, которые считаются хранителями преданий и генеалогий»⁸.

Сохранению их в памяти способствовали, кроме отмеченных нами слабой миграции населения и отсутствия письменности, устное обращение имен людей разных поколений, особенно родственников, и проявлявшаяся долгие века идеологическая связь членов патронимии. Одним из внешних признаков, определяющих степень сохранности пережиточных явлений архаических общественных организаций, в частности генеалогий, является количество современных фамилий того или иного народа: чем их меньше, тем больше гарантий живучести генеалогий, и наоборот (сравни фамилии народов Северного Кавказа с русскими, которых насчитывается, предположительно, сотни тысяч, японскими — 110 867, финскими — 60 тысяч, английскими — 16 тысяч и т. д.).

Каждое поколение способно зафиксировать 12—15 колен своих предков. М. М. Ковалевский в книге «Закон и обычай на Кавказе» приводил факты, когда родословные кабардинских князей доходили до 10 поколений, даргинских наибов и тарковских шамхалов до 16, осетинских баделят до 16.

В очерке «Ичкерия» И. М. Попов приводит 11 поколений Элистанджинской (от родоначальника Эслана по нисходящей к Мовку — Уску — Урусбию — Эрсимырзе — Иссе — Муссе — Бетышу — Дау — Сааду и Есу, жившему еще в 1870 году, современнику И. М. Попова) и по 17 Эрсеновской и Белгатоевской фамилий.

Частый гость балкарских ущелий С. Анисимов вспо-

⁷ Тульчинский Н. П. Пять горских обществ..., с. 164.

⁸ Пфаф В. Народное право осетин.— Сборник о кавказских гор-х, Тифлис, 1871, т. 1, с. 193.

минал малолетнего сына чегемского старшины, который мог перечислить 14 поколений предков своей фамилии.

В селах Верхний и Нижний Чегемы обнаружилось, что молодежь фамилии Тохаевых в состоянии безошибочно восстановить свою историю и родословную (см. схему 10).

Нам удавалось получать информацию по истории фамилий от людей разных специальностей — строителей, инженеров, ученых, журналистов, художников, писателей. Так, в Нальчике известная балкарская писательница Миналдан Черуовна Шаваева познакомила нас с собиравшейся ею многие годы и хранившейся в ее личном архиве генеалогией фамилии Шаваевых, семейное предание которых гласит: скрываясь от кровной мести князей Крымшамхаловых, трое братьев Осман (родоначальник Османовых), Толгур (родоначальник Толгуровых) и Шауа, принадлежавших карачаевскому роду Адурхай, бежали в сторону балкарских ущелий. При выборе места жительства их мнения разошлись, и они разошлись. Осман поселился в Мухоле Балкарского общества, Толгур — в Безенги и Шауа — в Шыкы Хуламо-Безенгиевского общества (см. схему 11). Интересен такой факт: Шауа вначале остановился в Безенги, но оно оказалось ему не по душе, и он затем переселился в Шыкы, где уже жили люди во главе с Сога (родоначальник Согаевых). Сам же Сога, ссылаясь на какие-то поверья, связанные с местностью, перебрался в Гюдюрюг Чегемского ущелья.

Фамилия Шаваевых росла медленно, в чем была повинна также и чума. Однако уже в пятом и шестом поколениях выделилось восемь атаулов — Алабая, Боку, Огура, Жарнеса, Жаттыу, Конака, Жанибека и Акоя. Фамилия Шаваевых имеет свои ответвления и у других народов — русских, кабардинцев и горских евреев. Нам удалось установить, что сын Алабая, родоначальника первого атаула, был женат на горской еврейке, сыновья которой считались горскими евреями. Их потомки и сегодня живут в Нальчике.

Родословное древо корнями своими уходит в историю. Давно уже нет родоначальников фамилий, их сыновей, внуков, а память о них живет в их последующих поколениях, и в первую очередь в фамилиях, которые носят сегодняшние их потомки. Родословные и семейные предания — это не просто хронологический перечень имен, не

I

II

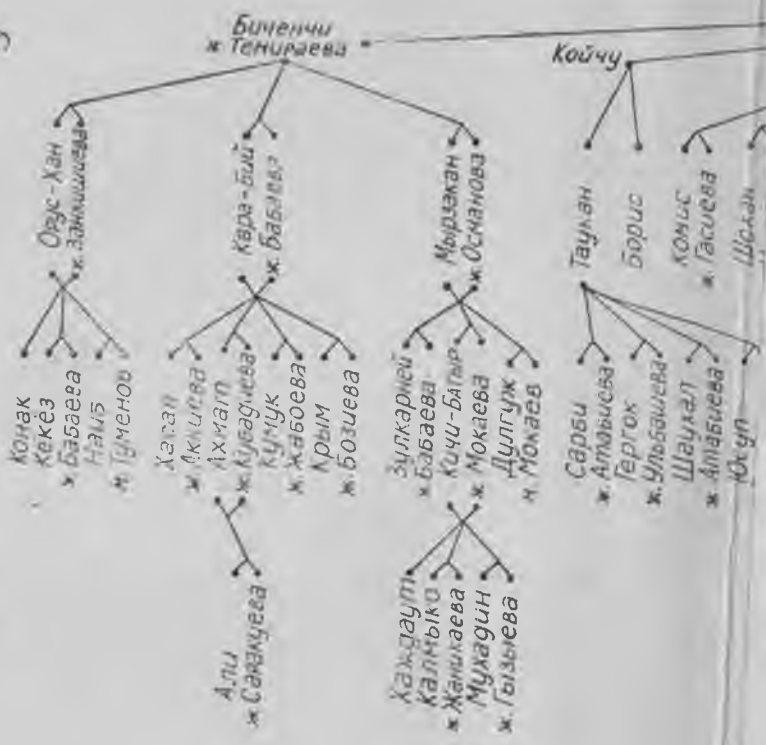
III

IV

V

VI

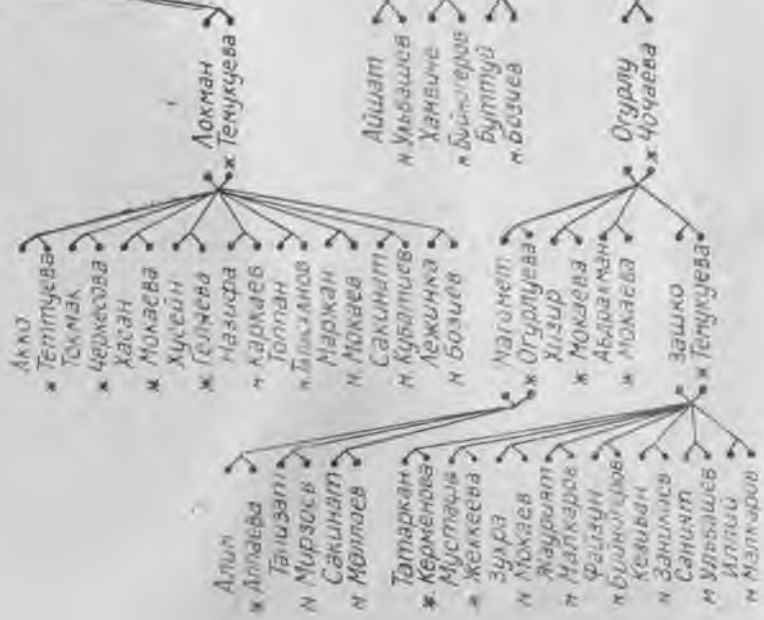
VII

Зантуду

Темир

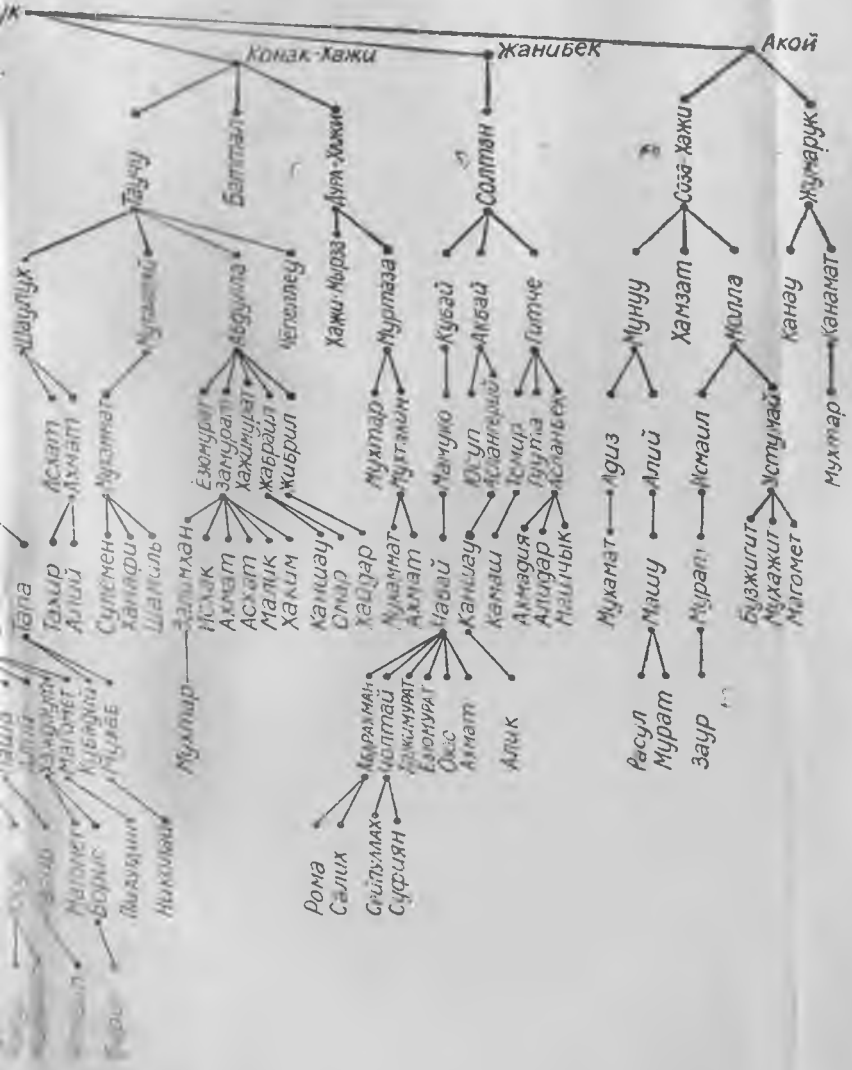
просто надуманная схема, это человеческая память о том, что собой представляли давно ушедшие из жизни поколения людей, как они жили, это память о прошлом.

В наших этнографических записях запечатлелись материалы о формах собственности, присущих балкарскому обществу предреволюционного периода, об отношении горцев к таким видам дорогостоящих средств производства, как мельницы, о формах их эксплуатации, степени сохранности хозяйственной общности патронимии, экономическом развитии горских обществ.

Сообщение каждого из информаторов, касался ли он семьи или семейных отношений, жилищ или поселений, отношения членов тукума друг к другу или односельчанам, каких-либо обычаев или качеств человека, всегда обильно было насыщено чисто этнографический характер малоизвестными образными сочетаниями, поговорками, примерами, поверьями, что также свидетельствовало о тонком понимании ими проводимой исследователем работы. Вот, к примеру, какие пословицы, поговорки, поверья, проклятия записаны нами только в одном Гунделе и только по проблемам гостеприимства и роли родственников в этом обычае, семьи и семейного быта: «Где гость — там удача», «Счастливый гость придет — овца двойню принесет, несчастный — волк на отару нападет», «Не дом хозяина красит, а хозяин — дом», «В своем доме я слуга, в чужом — господин», «Гость смотрит не на хлеб, а в глаза хозяину», «Лучше принять в гости нескольких взрослых, чем одного ребенка», «Кого гости посещают, у того казан не пустеет», «За столом с угощением и враг — приятель», «Кто сам в гостях не бывал, тот сам гостя принять не сможет», «Точно так же, как семейные люди с честью принимают гостей, сплоченные — отражают нападение врага», «Гостей трое, а хозяев шестеро», «У кого бывает много гостей, у того дети не голодают», «Один гость двух хозяев не беспокоит», «Приветствие ценнее стола с едой», «Долго помнится дорога туда, где вовремя угостили чашкой кислого айрана», «Откуда жена — оттуда и гости», «Приход гостя — его дело, а уход — хозяйина», «Украшение дома — ребенок, стола — гость», «Поддай гостю угощение и освободи его обе руки», «Дерево держится корнями, а человек родственниками», «Человек без родственников, что дом без надежного фундамента», «Тот, кто приходит, — приходит в свой дом», «В доме гостя и доля хозяина», «Если звенит в ушах, перечис-

ляй имена всех близких родственников, и на чьем имени прекратится звон, тот тебя и вспоминает», «Уезжая из дому, касайся надочажной цепи», «Если кто-либо в тийре заболел, все члены тукума до его выздоровления прекращают стирку», «Если правое ухо подергивает, значит жди вестей от дальних родственников, если левое — жди их приезда», «После захода солнца из дому ничего не выноси и никому ничего не отдавай, иначе семью и фамилию покинет благополучие», «Не задерживай уходящего, не прогоняй приходящего», «На случай посещения дома человеком со злыми глазами держи три небольших камня, которые с его уходом три о пол, как бы давя злые глаза», «Браки предопределены богом, а значит нет смысла искать себе пару», «На колени новобрачной сажают мальчика, чтобы родился продолжатель рода», «Чтобы ребенок не родился с какими-то недостатками, родные исполняют все капризы будущей матери», «Около роженицы кладут чеснок», «К роженице ни в коем случае не пускают людей с «дурным глазом», сплетников, жестоких, убийц, завистников, больных. Ее пытаются окружить людьми, пользующимися почетом и уважением в обществе, любимыми родственниками, умными, справедливыми, красивой наружности», «Роженицу не подпускали к очагу, чтобы случайно не пролила туда воду», «При трудных родах стреляют в дымовую трубу и бьют в медную посуду», «Пупсвину первенца в семье после обрезания кладут в подол бездетной женщине с целью ее вылечивания от бесплодия», «Пуповину новорожденной девочки оставляют на время в центре «уллу юй», чтобы она была связана с культом предков семьи, была примерной хозяйкой и верной женой», «После купания новорожденного мальчика в котле оставляют немного воды, девочки же — котел переворачивают вверх дном», «В течение 40 дней в тазик, где купают ребенка, кладут острые предметы», «Слабого ребенка не называют по имени», «Чтоб твой двор водой сполоснуло» и т. д.

В Яникое, Кенже, Вольном Ауле, Белой Речке нами были записаны сотни личных имен, относящихся к домусульманскому периоду Балкарии; в Советском, Карасу, Герпегеже, Безенги, Бабугенте — множество историй и легенд, связанных с фамилиями Аккуловых, Алтуевых, Байкишиевых, Дадуевых, Жабеловых, Зарашаевых, Иттиевых, Кульчаевых, Созаевых, Хапаевых, Холаевых, Эфендиевых; в Верхнем и Нижнем Чегемах, Хуштосыр-

те, Шалушке и Хасанье — данные об архитектуре и декоративном искусстве традиционного жилища — «уллу юй», структуре и численности семей, межэтнических браках; в Верхнем Баксане, Эльбрусе, Байдаевском, Былыме — о расселении в прошлом балкарцев (материал преданий и исторических песен.— А. М.), аталычестве и формах родства, традиционном суде и судебных расследованиях, религиозных верованиях и народном хозяйственном календаре.

В ЗАВЕРШЕНИЕ СКАЗАННОГО

Подводя итоги анализа публикаций дореволюционных путешественников, наблюдателей, исследователей, в целом их следует оценить положительно. В их работах в той или иной степени представлены не просто отдельные какие-то феномены, а явления, известные в разные периоды истории всем народам мира.

Мы привели материалы описаний и воспоминаний ряда иностранных путешественников и альпинистов второй половины XIX века. Их данные, в частности членов английского клуба, которые впервые посетили Кавказ в 1868 году, в значительной степени помогают детальному воссозданию общественного и семейного быта горских народов. Но, к сожалению, у них иногда по отношению к местному населению проскальзывает чопорная снисходительность.

Обращение к историческому прошлому того или иного народа — явление вполне закономерное. Ни у кого в наши дни не вызывает сомнения непреходящее значение культурного наследия прошедших эпох, а также роль истории в современном мире. Знакомясь особенно с этнографией и краеведением, каждый из нас ощущает, что его собственное «я», жизнь и судьба его родителей и дедов непосредственно связана с историей народа и страны, что культура его народа — частица мирового культурного наследия.

Особенно важно ощущение этой причастности в настоящее время — в период развернутого строительства коммунистического общества в нашей стране, когда успех воспитания во многом зависит от приобщения молодого поколения к текущим проблемам страны, к ее быстро меняющейся истории. Метко подмечено в книге

Р. Подольского «Связь времен», где он пишет: «Главная задача настоящего — связывать прошлое и будущее», чтобы глубже осмыслить это настоящее, и что «сила человечества в крепости великой связи времен».

Именно правильный подход к пониманию «доживания каждого предшествующего периода» истории¹ дал возможность К. Марксу и Ф. Энгельсу создать всепобеждающую теорию научного коммунизма, определить единственно верное отношение к традиционной культуре, направление новой культуры трудящихся масс.

В первые годы после свершения Великой Октябрьской революции уверенная борьба последовательных марксистов с анархистами и сторонниками «пролеткульта», призывавшими отказаться от традиционной культуры, способствовала выбору единственно верного пути в строительстве новой жизни.

В апреле 1919 года А. В. Луначарский на страницах газеты «Известия ВЦИК» опубликовал статью «Еще о пролеткульте и советской культурной работе», где четко определил главную линию Советского государства по данному вопросу: «...пролетариат должен быть во всеоружии всечеловеческой образованности, он класс исторический, он должен идти вперед в связи со своим прошлым»². Он указывал, что считать науки и искусство прошлого буржуазными так же нелепо, как отказаться под этим предлогом от машинной техники, железных дорог и других технических открытий.

Важное место проблемы культуры, при научно-диалектическом подходе к развитию марксистского учения о пролетариате, его роли в социалистических преобразованиях, занимали в трудах В. И. Ленина, неоднократно указывавшего, что культуру прошлого отбрасывать нельзя, что из нее необходимо брать все лучшее. Раскрывая задачи союзов молодежи на III Всероссийском съезде Российского Коммунистического Союза Молодежи, он

---

¹ Маркс К. Письмо к Ф. Лассалю от 22 июля 1861 г.— Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 30 с. 505; а также: Маркс К. и Энгельс Ф. Немецкая идеология.— Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 54; Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта.— Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 8, с. 119—120; Маркс К. Капитал, т. 2.— Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 24, с. 405; Маркс К. Теория прибавочной стоимости.— Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 26, с. 24, и другие источники.

² Луначарский А. В. Избранные статьи по эстетике. М., 1975, с. 66.

говорил. «Без ясного понимания того, что только точным знанием культуры, созданной всем развитием человечества, только переработкой ее можно строить пролетарскую культуру — без такого понимания нам этой задачи не разрешить. Пролетарская культура не является выскочившей неизвестно откуда, не является выдумкой людей...»³

В «Набросках резолюции о пролетарской культуре» В. И. Ленин писал, что новая культура не выдумывается, а создается на основе развития «...лучших образцов, традиций, результатов *существующей* культуры с точки зрения миросозерцания марксизма и условий жизни и борьбы пролетариата в эпоху его диктатуры»⁴.

Отказываться от прошлого только потому, что оно «старо», он считал крайне ошибочным. Истинно прекрасное, прогрессивное должно жить, писал В. И. Ленин, в интересах человечества.

Аналогичные высказывания мы найдем и в его речи на объединенном заседании ВЦИК, Московского Совета и Всероссийского съезда профессиональных союзов 17 января 1919 г. в докладах на II Всероссийском съезде профессиональных союзов 20 января 1919 года⁶ и о работе ВЦИК и Совнаркома на первой сессии ВЦИК VII созыва 2 февраля 1920 года⁷, в трудах «Успехи и трудности Советской власти»⁸, «О национальной гордости великороссов»⁹, «Что делать?»¹⁰, «Памяти Герцена»¹¹, «Из прошлого рабочей печати в России»¹², «О пролетарской культуре»¹³. И вполне закономерно, что В. И. Ленин характеризовал учение К. Маркса, овладевшее миллионами сердец, как учение критически и творчески впитавшее в себя все ценное, что создано человеческим обществом.

Великая Октябрьская социалистическая революция и те 60 с небольшим лет действительно великой истории

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 304.

⁴ Там же, с. 462.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 425.

⁶ Там же, с. 444—446.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 102.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 8, с. 55, 58.

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 107—110

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 25.

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 261—262.

¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 93—94, 100.

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 336.

нашей страны на практике подтвердили правоту идей классиков марксизма-ленинизма.

Партийный и научный подход к вопросам культурного наследия находит яркое отражение в документах Коммунистической партии и Советского правительства, а также в трудах Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Верховного Совета СССР тов. Л. И. Брежнева. В частности, ленинский завет использовать в культурном строительстве все, что способствует и благоприятствует успеху, всецело поддержан Л. И. Брежневым в сборнике «Ленинским курсом», где он указывает: «Ныне темпы общественного прогресса, темпы нашего продвижения к коммунизму все заметнее зависят от интеллектуального потенциала общества, от развития культуры, науки, образования»¹⁴.

Поэтому ставшее уже традицией в нашей стране «бережное отношение к культурным ценностям»¹⁵ должно развиваться дальше.

С проблемами культуры, будь то современной или традиционной, в наши дни сталкиваются не только ученые, педагоги, идеологические работники, но и люди, казалось бы, далеких от нее специальностей. Но именно воспитатели должны быть в первую очередь краеведами, уметь разбираться в богатейшем наследии прошлого и, в частности, в поднятых нами в книге вопросах относительно выделения основного в регулировании жизнедеятельности горских обществ: материальной и духовной деятельности, народного опыта взаимоотношения людей, поведения в семье, быту, обществе, традиций, нравственности, эстетического восприятия окружающего мира. Мы имеем в виду то, что способствовало когда-то формированию важных качеств человека, и главное, что должно действовать сегодня на идейно-нравственное, патриотическое, интернациональное и эстетическое воспитание подрастающего поколения, совершенствовать правовые нормы советских людей, способствовать развитию народного образования, культуры, а также науки, т. е. то, что принято считать прогрессивным. А прогрессивного было много, поскольку создателями обычаев и законов, передаваемых детям и внукам, являлся народ,

---

¹⁴ Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи. М., 1976, т. 5, с. 74.

¹⁵ Стешенко Л. А., Тепферов В. Д. О памятниках истории и культуры. М., 1977, с. 11.

представлявший движущую силу всех предшествующих формаций.

Классики марксизма-ленинизма не раз указывали, что создателями подлинной высоко нравственной и эстетической культуры, отражающей интересы большей части человечества, были народные массы. И как бы примером этого служит сама жизнь в суровых условиях горной природы народов Северного Кавказа, которая вряд ли была бы мыслимой без доброжелательного отношения людей друг к другу, односельчанам и соседним народам, без взаимной помощи, гостеприимства, уважения к старшим и близким, без представлений о долге и чести, находивших отражение в многочисленных законах и традициях.

Естественно, в прошлом было и такое, чего не принял наш советский образ жизни, как не соответствующее социалистическому общежитию. Это кровная месть, формы взаимопомощи, основанные на эксплуатации, калым, умыкание женщин, отстранение их от общественных дел, суеверные представления и т. д.

Архаические общественные организации и все связанное с ними, проходя через фильтр поколений, складывались и развивались долгие столетия. Время одни обычаи изменяло, от других отказывалось, третьи задерживались господствующими классами, «становясь преградой на пути освобождения человека от социального гнета»¹⁶. Именно поэтому М. Горький указывал, что «прошлое не безупречно», призывал его изучать, прежде чем подвергать упрекам и критике¹⁷. И главными критериями в этом плане он считал: как, почему и в каких условиях возник тот или иной порядок, обычай и закон, в каких условиях он развивался, имеет ли ценность в формировании научного мировоззрения человека, соответствует ли представлениям людей социалистического общества.

Изучение достижений прошлого важно и потому, как считает Г. В. Пионтек, исследовавший сел. Эльтюбю Чегемского ущелья, что молодежь должна наглядно «осознать превосходство социалистического советского уклада над всеми другими укладами жизни»¹⁸.

¹⁶ Тедтоев А. А. Советское право, традиции и обычаи. — В кн.: Советское право, традиции, обычаи и их роль в формировании нового человека. Нальчик, 1972, с. 22.

¹⁷ Горький М. О литературе. М., 1937, с. 453.

¹⁸ Пионтек Г. В. Селение Эльтюбю как потенциальный музей..., с. 110.

Если же иметь в виду проблемы архаических общественных организаций, то они на современном этапе интересуют не только историков и не являются чем-то далеким прошлым, лишенным практической значимости, поскольку и в наши дни многие страны Азии и Африки находятся на пути от них к решению новых социальных задач. И здесь знание опыта дальнейшего общественного развития очень важно.

Конечно, сегодня мы можем во многом упрекать дореволюционную историографию и, в частности, в том, что в публикациях дореволюционных авторов не нашли освещения многие важные вопросы дореволюционной этнографии и истории балкарцев.

Принимая во внимание тот факт, что в те годы только-только начиналось робкое, без соблюдения научной методики, собирание этнографических материалов, нужно сказать, что каждая из работ дореволюционных путешественников — наблюдателей и исследователей является ценностью, поскольку дает возможность современным ученым восстанавливать историческое прошлое народа, а широкому кругу читателей познакомиться с жизнью, бытом и культурой балкарского народа в XIX — начале XX века. В большинстве своем труды их, несмотря на то, что почти все они не лишены недочетов и субъективных ошибок, в основном правдиво воссоздают картину прошлого Балкарии.

При составлении приведенных в книге схем, отражающих экзогамию тукумсов и фамилий, и родословной автор использовал данные многих информаторов.

Схема 5 — *Жангуразовы:*

Жангуразов М. Э., 1880 г. р., с. Хасанья,
 Жангуразова М. Т., 1888 г. р., с. Хасанья,
 Жангуразова А. Л., 1891 г. р., с. Хасанья,
 Жангуразов Х. З., 1864 г. р., с. Бабугент и др.

Схема 6 — *Хочуевы:*

Хочуева Н. М., 1892 г. р., с. Кенже,
 Хочуев Б.-М. М., 1895 г. р., с. Кенже,
 Хочуев А. О., 1875 г. р., с. Хасанья,
 Хочуев Ч. Ш., 1894 г. р., с. Бедык,
 Хочуев М. Ч., 1888 г. р., с. Гунделен,
 Хочуева Х. М., 1880 г. р., с. Гунделен,
 Хочуев М. М., 1895 г. р., с. Кенже и др.

Схема 7 — *Темукуевы:*

Темукуев Х. Г., 1897 г. р., с. Хасанья,
 Темукуев М., 1888 г. р., с. Верхняя Балкария,
 Темукуева З. Т., 1900 г. р., с. Хасанья,
 Мамакуев М. Ж., 1852 г. р., пос. Советский и др.

Схема 8 — *Сарбашевы и Мисировы:*

Сарбашев Х. С., 1886 г. р., с. Булунгу,
 Сарбашев А. С., 1890 г. р., с. Булунгу,
 Сарбашев С. Т., 1890 г. р., с. Гунделен,
 Сарбашев Ю. И., 1891 г. р., с. Хасанья,
 Сарбашева Ш. А., 1885 г. р., с. Гунделен,
 Сарбашев С., 1889 г. р., с. Булунгу,
 Сарбашев И., 1885 г. р., с. Булунгу,
 Курданова Ж. А., 1878 г. р., с. Бедык и др.

О Г Л А В Л Е Н И Е

ПРЕДЫСТОРИЯ ВОПРОСА

3

ВПЕРВЫЕ С НАУЧНЫМИ ЦЕЛЯМИ

18

«У ПОДОШВЫ ЭЛЬБОРУСА»

42

НА РУБЕЖЕ ДВУХ ЭПОХ

77

ХРАНИТЕЛИ НАРОДНОЙ ПАМЯТИ

156

В ЗАВЕРШЕНИЕ СКАЗАННОГО

175

ПРИЛОЖЕНИЕ

181

С х е м а 9 — *Башиевы:*

Башиева Ц., 1874 г. р., с. Бабугент,
Башиев З. К., 1909 г. р., с. Хасанья,
Башиева Н. К., 1897 г. р., с. Бабугент,
Бозиев Ж. Ц., 1885 г. р., с. Бабугент,
Бозиев А. З., 1895 г. р., с. Герпегеж,
Бозиев К. Р., 1882 г. р., с. Герпегеж,
Бозиева Х. С., 1880 г. р., с. Белая Речка,
Бозиев М. С., 1900 г. р., с. Зарагиж и др.

С х е м а 10 — *Тохаевы:*

Тохаев С. З., 1909 г. р., с. Хуштосырт,
Қарғлықов И. Т., 1902 г. р., с. Жанхотеко,
Қалабеков М. О., 1916 г. р., с. Нижний Чегем,
Жазаев А. Қ., 1880 г. р., с. Нижний Чегем,
Малкондуева З. К., 1878 г. р., с. Гунделеп,
Малкаров С. Ш., 1875 г. р., с. Нижний Чегем,
Ахкобеков М. Б., 1888 г. р., с. Нижний Чегем,
Геккиев Д. Б., 1888 г. р., с. Бедык,
Габоев Г. У., 1881 г. р., с. Нижний Чегем и др.

Мусукаев А. И.

М 917 О Балкарии и балкарцах : Архаические общественные орг. в тр. дореволюционных авт. и сов. ист. науке. — Нальчик : Эльбрус, 1982. — 184 с., ил.

В пер.: 50 коп. 1000 экз.

Автор рассказывает о дореволюционных ученых, путешественниках, художниках, писателях, посетивших ущелья Балкарии, об их взглядах на духовную жизнь и материальный быт балкарцев. Занимает со многими сторонами жизни и культуры балкарского народа, его старинными обычаями, обрядами, легендами.

М 0162 — 094
М 125(03) — 82

73 — 82

ББК 63.3 (2Р—6К—Б)
9 (С 164)

Александр Ибрагимович Мусукаев

О БАЛКАРИИ И БАЛКАРЦАХ

Редактор Л. А. Лачинова
Художник Х. Х. Карданов
Художественный редактор В. Л. Захохов
Технический редактор Н. М. Рахаева
Корректор Е. Е. Терушкина

ИБ № 843

Сдано в набор 28.09.82. Подписано к печати 24.12.82. Ч02841. Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая Усл.
печ. л. 9,66+вкл. 0,84. Усл. кр.-отт. 10,5. Уч.-изд. л. 10,3+вкл. 0,63. Тираж
1000 экз. Заказ № 7877. Цена 50 коп.

Издательство «Эльбрус»
Нальчик, ул. им. адмирала Головки, 6
Полиграфкомбинат им. Революции 1905 года
Госкомиздата КБАССР
Нальчик, проспект им. Ленина, 33